

В. Д. НАБОКОВЪ

— ИЗЪ —
ВОЮЮЩЕЙ
АНГЛІИ

ПЕТРОГРАДЪ

В. Д. НАБОКОВЪ

$\sqrt{\frac{9}{813}} a$

ИЗЪ
ВОЮЮЩЕЙ
АНГЛІИ

Копія - г. Петроградъ
№. 1079

ПУТЕВЫЕ
ОЧЕРКИ

ПЕТРОГРАДЪ

9(42) 1916ⁿ

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

✓
/a.

✓ 59297

ОБЛОЖКА, ЗАГЛАВНЫЯ БУКВЫ И УКРАШЕНІЯ ИСПОЛНЕНЫ
А. АРНШТАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ концъ января нынѣшняго года нѣсколько русскихъ писателей и журналистовъ получили приглашеніе посѣтить Англію. Исходило это приглашеніе отъ англійскаго правительства, передано оно было великобританскимъ посломъ, сэромъ Джорджемъ Бьюкененомъ, чрезъ посредство военной миссіи при нашемъ генеральномъ штабѣ. Цѣлью поѣздки было посѣщеніе англійскаго флота и обучающихся войскъ, осмотръ центровъ мобилизованной промышленности, посѣщеніе англійскаго фронта во Франціи и Бельгіи. Обращаясь къ намъ съ такимъ приглашеніемъ, союзники наши руководились желаніемъ довести до свѣдѣнія широкихъ круговъ русскаго общества объективныя впечатлѣнія незаинтересованныхъ лицъ, могущихъ свидѣтельствовать о томъ, что они видѣли.

Англичане хорошо знаютъ, что въ этихъ широкихъ кругахъ не рѣдкость встрѣтить нѣкоторый скептицизмъ, когда рѣчь заходитъ объ участіи Англійи въ общихъ военныхъ операціяхъ. Скептицизмъ этотъ основанъ на простой неосвѣдомленности и на привычкѣ смотрѣть на Англію, какъ на невоенную страну. Разрушить его можно только однимъ

способомъ: „Придите и посмотрите“. И мы отправились, смотрѣли и теперь свидѣтельствуемъ.

Составъ нашей группы былъ довольно пестрый. Въ нее вошло шесть человекъ: Е. А. Егоровъ (отъ „Новаго Времени“), В. И. Немировичъ-Данченко (отъ „Русскаго Слова“), гр. А. Н. Толстой (отъ „Русскихъ Вѣдомостей“), К. И. Чуковскій (отъ „Нивы“), А. А. Башмаковъ (отъ „Правит. Вѣстника“) и я (отъ „Рѣчи“). Такимъ образомъ, въ группѣ были представлены четыре крупныя политическія газеты—двѣ петроградскія и двѣ московскія,—одна официальная газета и одинъ популярный еженедѣльникъ. При болѣе тщательной организаціи, составъ группы, конечно, могъ быть полнѣе и лучше соотвѣтствовать существующимъ оттънкамъ русскаго общественнаго мнѣнія. Но для такой организаціи не было, повидимому, достаточно времени. Нельзя, впрочемъ, не признать, что наладить ее вполне успешно было бы задачей не изъ легкихъ...

Мы выѣхали въ указанномъ составѣ 1-го февраля (по старому стилю). 2-го мы переѣхали границу, 4-го были въ Стокгольмъ, 5-го въ Христіаніи, 7-го достигли Англійи и 8-го къ вечеру были въ Лондонъ. Въ обратный путь я выѣхалъ 12-го марта. Съ 25-го февраля по 3-е марта я находился (съ В. И. Немировичемъ-Данченко и гр. А. Н. Толстымъ) во Франціи.

Во все время пребыванія въ Англійи и на фронтѣ, мы были гостями англійскаго правительства, оказавшаго намъ самое широкое и великолѣпное гостепріимство.

Въ предлагаемой книжкѣ собраны мои корреспонденціи, напечатанныя въ газетѣ „Рѣчь“. Въ нихъ я внесъ лишь незначительныя исправленія и измѣненія, не коснувшіяся общаго ихъ характера. Они не претендуютъ на то, чтобы развернуть передъ читателемъ сколько-нибудь полную картину современной Англіи. Достаточно, если для этой картины они хотя бы отчасти дають пригодный матеріалъ добросовѣстныхъ наблюденій и правдивыхъ впечатлѣній.

Иллюстраціи къ настоящей книжкѣ взяты по большей части изъ „Illustrated London News“ и французской „Illustration“. Группы, снятыя во время путешествія, любезно предоставлены мнѣ г. Вильтономъ. Фигура солдата въ противогазовой маскѣ, по моей просьбѣ, воспроизведена А. Арнштамомъ изъ „Illustrated London News“. Она—какъ бы символъ „воюющей Англіи“.

ЛОНДОНЪ

I

ы пріѣхали въ Англію недѣлю тому назадъ, высадившись въ прошлое воскресенье въ Ньюкэстлѣ. На другой день мы къ вечеру были въ Лондонѣ. Сегодня воскресенье, 14 февраля, прошло шесть дней, полныхъ лихорадочной суеты, сегодня первый день тишины и отдыха, и впервые есть возможность собраться со всѣми впечатлѣніями, привести хотя бы въ нѣкоторый порядокъ все видѣнное и слышанное. Къ прямой задачѣ нашей поѣздки намъ еще не дали приступить. Только завтра мы ѣдемъ на сѣверъ для осмотра флота. Но жаловаться не приходится. Рядомъ съ цѣлью, поставленной намъ въ Россіи, — увидѣть своими глазами, что сдѣлано Англіей въ смыслѣ подготовки силъ на сушѣ, на морѣ и въ дѣлѣ снабженія, — выросла другая цѣль, которой мы невольно служимъ. Цѣль эта — ростъ и укрѣпленіе нашей духовной близости съ Англіей. Она — эта близость — должна пережить войну. Значеніе ея глубже и шире простого братства по оружію. Обстоятельства такъ сложились, что намъ — болѣе или менѣе случайной группѣ писателей и журналистовъ — выпало на долю быть первыми за время войны официально приглашенными гостями изъ Россіи, на которыхъ англичане

могли смотрѣть, какъ на представителей русскаго общественнаго мнѣнія. Они широко использовали эту возможность, и поѣздка наша благодаря этому приобрѣла нѣсколько иное общественное значеніе. Правда, кое-какія оговорки къ этой общей оцѣнкѣ сдѣлать придется, но о нихъ позже и въ своемъ мѣстѣ.

Мы выѣхали изъ Стокгольма въ четвергъ, 4 февраля, вечеромъ, и на другое утро проснулись въ Норвегіи. Впервые со дня отъѣзда засіяло солнце, засинѣло небо. День выдался удивительный: тихій, ясный, морозный. Любуясь открывающеюся то направо, то налево панорамною обрывистыхъ холмовъ, поросшихъ лѣсомъ, долинъ, съ замерзшими рѣчками, деревень съ разбросанными домиками затѣйливаго вида, то сѣрыми, то палевыми, то кирпично-красными, незамѣтно мы подѣхали къ Христіаніи.

Въ моихъ заграничныхъ поѣздкахъ мнѣ никогда еще не приходилось заѣзжать въ старую столицу юнаго королевства. Она необыкновенно уютна и привлекательна. Въ противоположность холодно-пышному Стокгольму, она не хочетъ ни за кѣмъ тянуться, и на ея неширокихъ улицахъ и маленькихъ площадяхъ лежитъ отпечатокъ старины, покоя, мирной и здоровой жизни. Колоритны и пріятны уличные экипажи,—то какія-то вычурныя санки, съ сидѣніемъ для возницы позади сѣдока, съ широкой спинкой и узкимъ ходомъ, съ гремящими бубенцами, то изящныя каретки на высокихъ полозьяхъ, съ англійской запряжкой; открыты и веселы лица горожанъ, то-и-дѣло напоминающихъ осанкой, костюмомъ, прической, бритыми подбородками, окаймленными широкой бородой, героевъ и статистовъ постановокъ московскаго Художественнаго театра.

Увы, такъ же непонятна рѣчь и такъ же трудно, какъ въ Швеціи, заставить себя понять, прибѣгая только къ англійскому или французскому языкамъ.

Въ Христіаніи намъ пришлось пробыть только до 3-хъ часовъ дня, и значительная часть времени была занята

В. И. Немировичъ-Данченко.

Гр. А. Н. Толстой.

В. Д. Набоковъ.

В. И. Немировичъ-Данченко.

А. А. Башмаковъ.

В. Д. Набоковъ.

Г. Вильтонъ.

К. И. Чуковскій.

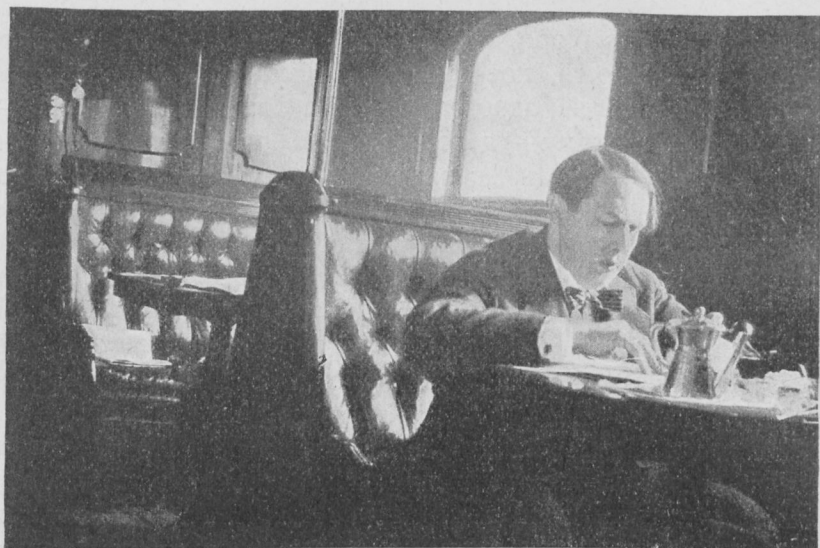
В. И. Немировичъ-Данченко смотритъ вдаль.

хлопотами въ бюро путешествій, визированіемъ паспортовъ, завтракомъ, кое-какими необходимыми покупками. Здѣсь, наконецъ, одному изъ членовъ нашей группы—гр. А. Н. Толстому—удалось найти какое-то чудодѣйственное, по его словамъ, „канадское“ средство противъ морской болѣзни, котораго онъ тщетно искалъ въ Стокгольмѣ,—и лицо его, становившееся все сумрачнѣе по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ морю, замѣтно прояснилось. Слѣдуя его горячимъ убѣжденіямъ, я также принялъ дозу этого лекарства. Не знаю, помогло ли оно мнѣ: настоящей качки не было, и морскую болѣзнь избѣгли не только мы двое, но и другіе наши товарищи.

Пароходъ „Bessheim“, привезшій насъ изъ Христіаніи въ Ньюкэстль,—новый, чистый и нарядный, съ уютными и достаточно помѣстительными каютами, прекрасной столовой, просторной читальней, въ которой, впрочемъ, трудно было сидѣть, такъ какъ въ ней непрерывно дымили какими-то колоссальными сигарами. Большую часть времени я провелъ на палубѣ, занимаясь чтеніемъ, писаніемъ писемъ, а, чаще всего, просто поглядывая кругомъ себя на унылыя безлюдныя береговыя скалы, мимо которыхъ скользилъ пароходъ, на воду, розовѣющую отблескомъ заката, на чаекъ, все время вьющихся по слѣдамъ нашего парохода.

Вечеромъ поздно была первая остановка у какого-то городка. Стояли тамъ часа три и двинулись дальше уже глубокой ночью. Море было спокойно, ярко свѣтила луна. Подъ утро добрались до второй и послѣдней остановки—Христіанзунда. Къ двѣнадцати часамъ дня берегъ Норвегіи скрылся за горизонтомъ. Погода была такая же прекрасная, воздухъ такой же бодрящій и живительный. Пароходъ мѣрно переваливался съ боку на бокъ—и все тѣ же чайки кружились за нами, то взмывая высоко надъ мачтой, то спускаясь къ самымъ гребнямъ волнъ.

Потянулся второй день плаванія, а потомъ третій, и къ тремъ часамъ этого третьяго дня вдали открылась неровная линія англійскаго берега.

Гр. А. Н. Толстой.

В. Д. Набоковъ.

В. И. Немировичъ-Данченко.
Гр. А. Н. Толстой.

II.

Подходя къ Ньюкэстлю—одному изъ крупнѣйшихъ судостроительныхъ центровъ Англіи—впервые даетъ представленіе о размѣрахъ и размахѣ техническихъ средствъ Англіи. Къ сожалѣнію, былъ воскресный день и о работѣ, обычно здѣсь кипящей, можно было составить себѣ представленіе, только глядя на безчисленные огромныя сооруженія, тянушіяся непрерывно по обоимъ берегамъ рѣки. Какъ я потомъ слышалъ, эти сооруженія тянутся на нѣсколько миль. Мы не проѣхали, вѣроятно, и половины, медленно пробираясь въ теченіе 1½ часовъ отъ устья рѣки къ пристани. Тамъ мы были встрѣчены г. Бальфуромъ, однофамильцемъ знаменитаго Артура, однимъ изъ членовъ организовавшагося для приѣма русскихъ гостей комитета, во главѣ котораго находится старый знакомецъ Россіи лордъ Уэрдель (Weardale). Оказалось, что для насъ уже все устроено, наняты комнаты, заказаны автомобили, быстро помчавшіе насъ по темнѣвшимъ улицамъ къ монументальной гостиницѣ, по сосѣдству съ вокзаломъ желѣзной дороги.

Часа черезъ два стемнѣло окончательно,—и мы впервые увидѣли фантастическую картину большого люднаго города, погруженнаго въ жуткій мракъ. Въ Лондонѣ все же горятъ фонари съ колпаками, закрывающими ихъ сверху. Здѣсь и этого нѣтъ—и просто диву даешься, какъ могутъ люди приспособляться къ этимъ необычнымъ условіямъ. Правда, меня увѣрялъ одинъ англичанинъ (уже въ Лондонѣ), что благодаря этой принудительной темнотѣ автомобили сдѣлали въ Лондонѣ больше жертвъ, чѣмъ могли бы сдѣлать цеппелины, если бы освѣщеніе осталось. Но это едва ли не бутада. Совершенно очевидно, что возможность ориентировки сверху теперь значительно затруднена, а всякому ясно, какое огромное значеніе имѣетъ такая ориентировка.

Первое, что поражаетъ, по сравненію съ привычными впечатлѣніями въ Англіи,—это огромное количество лю-

дей, одѣтыхъ въ военную форму. Правильнѣе было бы сказать: одѣтыхъ въ хаки и носящихъ фуражки съ большими козырьками и кокардами. Дѣло въ томъ, что военныхъ атрибутовъ этотъ костюмъ совершенно не имѣеть. Холоднаго оружія не носятъ, офицеры ходятъ съ палкой или тросточкой въ рукахъ. Внѣшній видъ—крайне разнообразный. Практичные во всемъ, англичане стремятся прежде всего къ удобной военной одеждѣ. Оттого она имѣеть у нихъ какой-то спортивный видъ: короткое пальто съ отворотами, кругомъ шеи широкій вязаный шарфъ, толстыя шнурованныя ботинки изъ желтой кожи, высокія краги, затягивающіяся ремнями, а при болѣе „домашней“ формѣ—обыкновенныя панталоны изъ хаки, съ завернутыми краями. Подъ пальто китель, также открытый, бѣлье и галстухъ защитнаго цвѣта. Въ ненастную погоду сверху пальто надѣвается overcoat—нѣчто въ родѣ непромокаемаго плаща. Матеріаль, употребляемый на всѣ эти виды одежды,—насколько я могъ убѣдиться,—превосходнаго качества.

Въ Ньюкэстлѣ, а потомъ и въ Лондонѣ, военные встрѣчаются на каждомъ шагу. Среди нихъ множество пріѣзжающихъ съ французскаго фронта въ отпускъ на 1—2 недѣли. Въ огромномъ большинствѣ—это превосходные представители человѣческой расы, рослые и крѣпкіе молодцы. Раненые на улицахъ встрѣчаются крайне рѣдко.

По дорогѣ изъ Ньюкэстля въ Лондонъ, о войнѣ напоминаетъ каждая остановка. Всѣ вокзалы кишатъ солдатами и офицерами, раздаются пѣсни. Нерѣдко видны подвыпившіе люди. Кстати скажу, мнѣ уже пришлось слышать (отъ вице-канцлера King's College на пріемѣ въ лондонскомъ университетѣ) глубокое сожалѣніе по поводу того, что англійское правительство не поступило такъ, какъ русское, запретившее потребленіе спиртныхъ напитковъ во время войны. На мое замѣчаніе, что здѣсь это было бы несравненно труднѣе, вице-канцлеръ отвѣтилъ, что надо было воспользоваться подъемомъ духа въ самые первые

дни войны, но что теперь, конечно, моментъ упущенъ и приходится прибѣгать къ палліативамъ.

Въ Лондонъ мы пріѣхали засвѣтло и съ вокзала прямо проѣхали въ роскошную и удобную гостиницу „Savoy“, гдѣ для насъ было приготовлено помѣщеніе. На улицахъ—обычное оживленіе, то же впечатлѣніе громаднаго изобилія и богатства въ магазинахъ, тѣ же саженныя витрины, переполненныя всякимъ добромъ. Но все замѣтно дороже, а такъ какъ за одинъ фунтъ надо заплатить необыкновенно большое количество рублей, то русскимъ путешественникамъ приходится нелегко.

Другая, сразу бросающаяся въ глаза, особенность физиономіи Лондона въ настоящее время—значительное изуродованіе этой физиономіи плакатами, призывающими записываться въ армію. 2 марта (по новому стилю) истекаетъ послѣдній срокъ для добровольной явки, и плакаты повторяютъ стереотипную фразу, построенную на каламбурѣ: „Single men! Will you march too or wait till March 2?“, то-есть: „Холостяки! Идете ли вы или хотите ждать 2-го марта?“. Игра словъ въ томъ, что слова march too и March 2 произносятся и звучатъ одинаково. Эти „posters“, большіе, малые, гигантскихъ размѣровъ, съ темно-красными зачерченными буквами на зеленомъ фонѣ, пестрятъ повсюду: на рѣшеткахъ скверовъ, на фасадахъ домовъ, на заборахъ и крышахъ. Своеобразнымъ и, по правдѣ говоря, безобразнымъ барельефомъ они окружаютъ подножье Трафальгарскаго памятника. Зато другихъ posters, о которыхъ такъ интересно и тепло рассказывалъ Чуковский въ своей книгѣ: „Заговорили молчавшіе“, больше не видать: они стали ненужными.

Я спрашивалъ по этому поводу двухъ заслуженныхъ англійскихъ генераловъ, придають ли они значеніе такому способу пропаганды. И тотъ, и другой отвѣтили самымъ рѣзкимъ отрицаніемъ, а одинъ даже говорилъ съ негодованіемъ и бранью объ этой beastly thing (гнусной вещи), увѣряя, что она не только не способствуетъ дѣлу, но вре-

дить, вызывая своей назойливостью, напоминающей рекламу, чувство раздраженія и протеста. „Я ручаюсь, что ни одного человѣка такими зазываніями нельзя завербовать“,—таковъ былъ заключительный выводъ, который я передаю безъ всякой оцѣнки, хотя не могу не думать, что нѣкоторое преувеличеніе этихъ сужденій можетъ корениться въ недо-вѣрїи и предубѣжденіи противъ „штатскихъ“ методовъ, примѣняемыхъ къ военному дѣлу.

Въ первый же вечеръ *comittee of reception*, съ лордомъ Уэрделемъ во главѣ, чествовалъ насъ банкетомъ въ великолѣпномъ помѣщеніи *Reform Club*. Въ составъ комитета вошелъ рядъ выдающихся представителей литературы, периодической печати, науки. Изъ наиболѣе извѣстныхъ въ Россіи именъ назову *Conan Doyle'a* и *Ronald Ross'a*, извѣстнаго ученаго, посѣтившаго Россію въ 1912 году. Въ первыхъ же рѣчахъ, произнесенныхъ за банкетомъ, слышалась та нота, которая потомъ, на официальномъ банкетѣ подъ предсѣдательствомъ сэра Эдуарда Грея, на приѣмѣ въ университетѣ, на банкетѣ въ палатѣ общинъ, на банкетѣ лондонской печати и—*last not least*—въ рѣчи, съ которой къ намъ обратился англійскій король, звучала все громче и полнѣе.

Здѣсь, прежде всего, огромное впечатлѣніе произвело паденіе Эрзерума. Не говоря о значеніи этого факта съ точки зрѣнія чисто-стратегическихъ соображеній,—англичанъ поражаетъ его сказочная внезапность, въ которой они чувуютъ неимоверное напряженіе силъ, проявленіе безмѣрной удали и отваги. Но, и помимо того,—почти не было рѣчи, гдѣ бы не слышалось выраженіе безграничнаго удивленія и восхищенія передъ качествами русскаго солдата:—его мужествомъ, выносливостью, терпѣніемъ. Съ живѣйшимъ энтузіазмомъ встрѣчалось каждое упоминаніе о нашемъ солдатѣ,—носителѣ основныхъ качествъ всего русскаго народа.

Другой мотивъ рѣчей связанъ былъ съ задачами нашей поѣздки. Англичане догадываются, что въ Россіи далеко

не всѣ освѣдомлены,—и не могутъ быть освѣдомлены,— о размѣрѣ усилій, сдѣланныхъ и ежедневно дѣлаемыхъ Англіей на всѣхъ поприщахъ и во всѣхъ направленіяхъ для возможно большаго развитія своего военного могущества. Они увѣрены, что здѣсь нѣтъ предвзято-отрицательнаго отношенія къ нимъ. Все-таки, вѣдь, факты говорятъ за себя. Англія, быть можетъ,—выражаясь тривіально,—„раскачалась не сразу“. Причинъ для этого очень много. Едва ли не главная,—психологическаго характера. Благодаря своему географическому положенію, англичане не могутъ такъ непосредственно чувствовать войну, какъ континентальныя державы. Но разъ „раскачавшись“, англичане, несомнѣнно, дойдутъ до самаго конца:—„to the bitter end“,—какъ они говорятъ... И они убѣждены, что и мы этому повѣримъ, осмотрѣвъ хотя бы бѣгло то, что у нихъ дѣлается во флотѣ, въ арміи, въ мастерскихъ.

Пока, правда, мы видимъ другую, не менѣе поразительную сторону дѣла. Война какъ будто нисколько не отразилась на темпѣ лондонской жизни. Огромныя, роскошныя залы гостиницы, гдѣ мы живемъ, каждый вечеръ полны „до отказа“ разодѣтой толпой, гремитъ музыка, льется шампанское, вездѣ кругомъ въ пухъ и прахъ расфранченныя и чрезмѣрно оголенные дамы и дѣвицы,—не закрылся ни одинъ изъ модныхъ ресторановъ, театры и мѣста развлеченій работаютъ превосходно. Мнѣ приходилось слышать, что Англія и сейчасъ еще „не чувствуетъ“ войны, но это, конечно, невѣрно. Не говоря о томъ, что внѣшняя показная сторона жизни характеризуетъ отношеніе сравнительно небольшой части населенія—той части, на которой фактически всего менѣе отразилась война,—очень много въ этомъ на видъ безпечномъ и шумномъ весельѣ какъ разъ связано съ войной и ея ужасами. Тутъ и желаніе забыться и отдохнуть отъ гнетущихъ впечатлѣній, и какой-то вызовъ, бросаемый судьбѣ, и реакція послѣ крайняго нервнаго напряженія, испытаннаго тамъ, въ окопахъ и разныхъ „nasty places“,—скверныхъ мѣстахъ, въ родѣ

Ипра, гдѣ непрерывно каждый день смерть дѣлаетъ свое дѣло.

И третій мотивъ рѣчей: онъ идетъ дальше войны, предвидя ея конецъ и рисуя будущее. Въ этомъ будущемъ тѣсное сближеніе Англїи съ Россїей разсматривается, какъ нѣчто неизбежное и плодотворное для обѣихъ націй. „У каждаго изъ нашихъ двухъ народовъ есть чему поучиться другъ у друга“,—такъ сказалъ сэръ Эдуардъ Грей на официальномъ банкетѣ въ Lancaster House. И это—не пустая фраза. И здѣсь англичане уже начинаютъ энергично и настойчиво приниматься за дѣло.

Сегодня меня посѣтилъ профессоръ университета въ Бирмингамѣ и сообщилъ мнѣ, что тамъ въ настоящее время собранъ капиталъ въ размѣрѣ десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ для обезпеченія содержанія каѳедры русскаго языка и русской литературы, которую постановлено учредить, причемъ открытіе курса послѣдуетъ въ октябрѣ. Въ Шеффилдѣ извѣстный Веккерсъ на ту же цѣль ассигнуетъ 300 фунтовъ въ годъ,—и также будетъ учреждена каѳедра. Несомнѣнно, этому примѣру послѣдуютъ и другіе крупные центры.

Обсуждается и обдумывается вопросъ о командированіи англійскихъ студентовъ въ Россію. Будутъ ходатайства и о томъ, чтобы посылать и нашу учащуюся молодежь въ Англїю. Несомнѣнно, въ скоромъ времени начнутся поѣздки къ намъ англійскихъ журналистовъ и писателей. И писанія такихъ „авторитетовъ“, какъ Stephen Graham, обратятся въ смѣшной анахронизмъ.

Нужно признать, что это стремленіе англичанъ къ сближенію съ нами, выразившееся съ чрезвычайной яркостью и составившее, какъ мнѣ кажется, наиболѣе существенную—въ общественномъ смыслѣ—черту минувшихъ дней, посвященныхъ „русскимъ гостямъ“,—менѣе всего похоже на сантиментальничанье и чуждо нѣкоторыхъ непрїятныхъ оттѣнковъ, свойственныхъ первымъ годамъ франко-русскаго алліанса. Но совершенно естественно, что иные во-

просы, неминуемо вытекающіе изъ этого сближенія, въ настоящее время какъ бы сознательно игнорируются.

Ни для кого не тайна, что именно въ Англіи всего живѣе и болѣзненнѣе было отрицательное отношеніе къ нѣкоторымъ внутреннимъ сторонамъ русской жизни, съ которыми не могло мириться англійское сознаніе, выросшее на почвѣ уваженія къ свободѣ и праву. Въ настоящее время объ этихъ сторонахъ англичане умалчиваютъ. Я не имѣю въ виду прямыхъ разговоровъ, такъ какъ, помимо всего остального, личный тактъ англичанъ удержалъ бы ихъ отъ иныхъ темъ. Нѣтъ, даже печать тщательно обходить эти темы. Другое отношеніе сейчасъ, конечно, невозможно. Но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что истинное сближеніе въ будущемъ окажется несомнѣстимымъ съ такимъ замалчиваніемъ всего, что по существу препятствуетъ взаимному сочувствію и пониманію.

Въ связи съ только что сказаннымъ приходится отмѣтить, что событія, сопровождавшія возобновеніе занятій Государственной Думы, встрѣтили здѣсь самый радостный откликъ.

III.

На второй день пребыванія въ Лондонѣ я обѣдалъ въ одномъ частномъ домѣ въ обществѣ Артура Бальфура. Меня живо интересовала фигура этого замѣчательнаго государственнаго человѣка, пережившаго такое большое политическое прошлое, столько лѣтъ боровшагося бесплодно въ рядахъ оппозиціи, сперва противъ Кампбелль-Баннермана, потомъ противъ Асквита,—подъ предлогомъ утомленія передавшаго лидерство оппозиціи Бонаръ Лоу, а нынѣ, волею судебъ, вновь очутившагося у власти на одномъ изъ важнѣйшихъ постовъ въ кабинетѣ своего политическаго противника, съ которымъ его связываютъ самыя дружескія личныя отношенія. Бальфуръ не только

политическій дѣятель, но и глубокой мыслитель, особенно интересующійся вопросами религіозной философіи. Въ то же время онъ типичный англичанинъ, до послѣднихъ годовъ увлекавшійся спортомъ, любитель лаунъ-тенниса и гольфа.

Въ разговорѣ я упомянулъ объ этомъ и напомнилъ Бальфуру о фотографіи, снятой съ него нѣсколько лѣтъ тому назадъ и изображающей его въ обществѣ какихъ-то знаменитыхъ чемпионовъ. „О, я съ тѣхъ поръ сдѣлалъ большіе успѣхи“,—отшутился онъ. Обаятельна его наружность, манера говорить, простота, отсутствіе всякой чопорности. Съ величайшей симпатіей относится онъ къ русскому визиту. Въ бесѣдѣ мы коснулись жгучихъ вопросовъ дарданелльской неудачи и похода въ Египетъ, но я не считаю себя вправѣ оглашать сказанное совершенно частнымъ образомъ. Замѣчу только, что Бальфуръ не видитъ въ послѣднемъ предпріятіи ничего особеннаго угрожающаго.

Былъ и другой вопросъ, съ которымъ я обращался къ очень многимъ изъ числа нашихъ гостепріимныхъ хозяевъ: это вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ можно считать новый билль объ обязательной военной службѣ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Англіи? Есть ли основаніе ожидать, что этотъ билль дѣйствительно останется временнымъ, или же это только первый шагъ на пути къ принятію начала всеобщей воинской повинности? Долженъ сказать, что до сихъ поръ мнѣ не приходилось слышать отвѣта въ послѣднемъ смыслѣ. По мнѣнію всѣхъ тѣхъ, съ которыми я говорилъ,—и Бальфуръ не составляетъ исключенія,—послѣ войны Англія вернется къ прежней системѣ. Самое большое, чего можно ожидать,—это введеніе обязательнаго воинскаго обученія, какъ элементъ общаго образованія.

Здѣсь же можно попутно отмѣтить, что въ настоящее время газеты полны отчетами о судебно-распорядительныхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ разсматриваются хода-

тайства объ изъятіяхъ (exemptions) отъ военной службы по основаніямъ, указаннымъ въ биллѣ. При этомъ судьи въ общемъ относятся крайне сурово къ этимъ ходатайствамъ, въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, которыя основываются на такъ назыв. conscientious objections, то-есть на томъ, что совѣсть даннаго лица не позволяетъ ему становиться въ ряды войскъ. Діалоги, происходящіе по этому поводу между судьями и просителями, напоминаютъ діалоги въ „Аниѣ Карениной“ между Левинымъ и Кознышевымъ: „А что бы вы сдѣлали, если бы увидѣли“... и т. д. На-дняхъ одинъ такой objector заявилъ, что онъ не сталъ бы стрѣлять въ цеппелины, даже если бы увидѣлъ, что цеппелинъ собирается бросить бомбы на его собственную деревню. Этотъ отвѣтъ вызвалъ взрывъ негодованія, — и просителю было отказано.

Другому ставятъ вопросъ: „Какъ бы вы поступили, если бы на вашихъ глазахъ нѣмцы стали насиловать вашу жену или рѣзать вашу мать?“. Отвѣтъ: „Я не счелъ бы себя вправѣ вмѣшиваться“. И въ этомъ случаѣ судъ отказалъ въ exemption. Нужно прибавить, что conscientious objectors вообще не освобождаются отъ военной службы, а только зачисляются въ ряды не-комбаттантовъ. Но и тутъ бываютъ возраженія. Objector'ы иногда заявляютъ, что они не считаютъ для себя нравственно дозволеннымъ ходить за ранеными, если такой уходъ будетъ имѣть послѣдствіемъ возвращеніе этихъ раненыхъ въ строй. Трудно сказать, разумѣется, въ какой степени эти conscientious objections искренни и основаны на истинныхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, а не являются простымъ предлогомъ уклониться. Но общее отношеніе къ нимъ очень отрицательное, и смыслъ предлагаемыхъ судомъ вопросовъ сводится къ тому, чтобы установить непослѣдовательность людей, отговаривающихся требованіями христіанской морали при призывѣ на войну и совершенно не считающихся съ безусловностью этихъ требованій въ обычной своей жизни.

Какъ я уже упомянулъ, на официальномъ банкетѣ председательствовалъ сэръ Эдуардъ Грей. Личное общеніе съ нимъ оставляетъ впечатлѣніе нѣсколько неожиданное: какого-то незлобиваго простодушія, совершенно не свойственнаго вообще дипломатамъ. Правда, одинъ изъ его друзей мнѣ сказалъ, что сэръ Эдуардъ больше всего любить посидѣть въ деревнѣ на травѣ, слушая птичекъ или удить рыбу, а одинъ изъ враговъ прибавилъ: „Нѣмцы думаютъ, что Грей хитеръ: это совершенный вздоръ,—Грей вовсе не хитеръ, he is simple“. Любопытно, что за всю свою жизнь Грей всего дважды уѣзжалъ изъ Англіи. Онъ свободно говоритъ только на родномъ языкѣ. При всемъ томъ, онъ чудесный представитель англійской прямоты, нравственнаго благородства. Невозможно себѣ представить, чтобы онъ могъ кого-нибудь обмануть. Въ его дипломатіи нѣтъ мѣста лжи. Что это — сила или слабость? Я думаю—первое. Я думаю, прошло время, когда дипломатъ былъ синонимомъ какого-то жулика высшаго порядка, — когда признавался аксіомой дипломатическаго искусства извѣстный афоризмъ о словѣ, данномъ человѣку для того, чтобы скрывать свою мысль...

Намъ очень повезло при посѣщеніи палаты общинъ: мы какъ разъ застали рѣчь Асквита въ отвѣтъ на рѣчи Сноудена и Тревелайана, доказывавшихъ необходимость вступить съ Германіей въ переговоры для выясненія возможныхъ условій мира. Говорятъ, что Асквитъ очень рѣдко даетъ волю своему ораторскому темпераменту. Здѣсь онъ говоритъ съ большимъ жаромъ, разгоряченный и взволнованный. Я видѣлъ Асквита въ палатѣ два года тому назадъ. Съ тѣхъ поръ онъ замѣтно постарѣлъ, волосы его совсѣмъ побѣлѣли. Но держится онъ такъ же прямо, голосъ его такъ же звученъ и авторитетенъ. По-прежнему онъ въ палатѣ пользуется большимъ обаяніемъ. Правда, онъ по существу ничего новаго не сказалъ, повторивъ заявленія, сдѣланныя имъ очень давно въ Гильдхоллѣ: Но восторженные и продолжительные клики, которыми

АСКВИТЪ.

палата привѣтствовала его, когда онъ кончилъ и сѣлъ на свое мѣсто, показываютъ, что у пацифистовъ сейчасъ въ англійскомъ парламентѣ мало шансовъ. Здѣсь дѣло даже не въ аргументахъ, а въ силѣ внутренняго убѣжденія, властно диктующаго Англии—какъ и Россіи, и Франціи—единственно возможный образъ дѣйствія, во имя блага и жизни страны.

IV.

Еще съ однимъ очень интереснымъ человѣкомъ пришлось за эти дни встрѣтиться и довольно продолжительно бесѣдовать. Я говорю объ издателѣ „Times“, лордѣ Нортклиффѣ, не такъ давно называвшемся просто мистеръ Гармсворсъ. Общеизвѣстно огромное значеніе, какое онъ имѣетъ въ лондонской прессѣ, располагая массой газетъ, и въ ихъ числѣ такими, какъ „Daily Mail“ и „Evening News“. Сейчасъ онъ стоитъ въ рѣзкой оппозиціи правительству, съ нимъ очень считаются, его боятся, зная, какое могущественное оружіе въ его рукахъ. Человѣкъ исключительныхъ дѣловыхъ способностей, онъ меньше всѣхъ интересуется идеями и принципами. Для него важна одна только практическая сторона дѣла, такъ, какъ онъ ее понимаетъ. Ни въ его наружности, ни въ манерѣ нѣтъ ничего общаго съ тѣми двумя государственными людьми, о которыхъ я говорилъ выше. Лицо его было бы даже вульгарно, если бы на немъ не лежала печать несокрушимой энергіи и силы воли. Вотъ человѣкъ, который знаетъ, чего хочетъ, и сдѣлаетъ все, чтобы добиться своей цѣли:—такая мысль невольно приходитъ въ голову при первыхъ же словахъ Нортклиффа. Онъ крайне сожалѣетъ, что ему не придется быть на банкетѣ печати (я его видѣлъ наканунѣ), въ виду своего отъѣзда на французскій фронтъ, куда онъ отправился „to see the battle of Verdun“,—чтобы видѣть битву подъ Верденомъ.

Лордъ Нортклиффъ.
Издатель „Times“.

Какъ я уже сказалъ, мнѣ не приходилось слышать здѣсь отъ кого-либо мнѣніе, что воинская повинность останется въ Англіи послѣ конца войны. Съ Нортклиффомъ на эту тему говорить не пришлось, но я знаю, что онъ держится другого мнѣнія. Онъ думаетъ, что Англія вообще еще далеко не развила всей своей мощи, которая еще понадобится, такъ какъ война, по его мнѣнію, должна продлиться „еще нѣсколько лѣтъ“. Послѣднее утверждение—самое, пожалуй, любопытное, что намъ здѣсь до сихъ поръ пришлось слышать, и высказано оно было съ большой авторитетностью.

Мы были приняты королемъ на третій день нашего пріѣзда. Рѣчь, съ которой король къ намъ обратился, выражая свое искреннее удовольствіе по поводу нашего пріѣзда, поздравляя насъ съ паденіемъ Эрзерума и высказывая надежду на прочность и постоянство сближенія Россіи съ Англіей, не могла не произвести на насъ глубокаго впечатлѣнія. Король говорилъ громкимъ, энергичнымъ голосомъ, раздѣльно и отчетливо выговаривая слова. Одѣтъ онъ былъ въ черный сюртукъ и держался въ высшей степени просто и любезно. Говорятъ, онъ теперь совсѣмъ оправился отъ послѣдствій несчастнаго случая, приключившагося съ нимъ во Франціи, когда подъ нимъ опрокинулась лошадь и дважды его придавила. Теперь онъ выглядитъ бодрымъ и здоровымъ. Во время рѣчи короля мы стояли передъ нимъ полукругомъ, причемъ я былъ ближе всѣхъ, справа отъ короля. Этимъ объясняется, что, по окончаніи рѣчи, король обратился ко мнѣ, спрашивая, былъ ли я уже въ Англіи раньше. Отвѣчая королю, я отъ имени всей нашей группы высказалъ, какъ глубоко мы тронуты его милостивымъ вниманіемъ и какъ будемъ рады передать о немъ русскому обществу. При аудіенціи присутствовалъ и представлялъ насъ русскій посольскій графъ Бенкендорфъ, отнесшійся къ намъ съ большой предупредительностью и любезностью и оказавшій намъ всякое содѣйствіе. То же самое я долженъ сказать и о другихъ чинахъ посольства.

Всего менѣ любезности, по отношенію къ намъ, проявила лондонская погода. На другой же день послѣ нашего прїѣзда все небо заволкло тучами и началъ падать мокрый снѣгъ, быстро накоплявшійся въ большихъ массахъ и очень стѣснявшій при ходьбѣ по улицамъ. Такъ продолжалось до сегодня. Все же выпадаютъ часы, когда небо проясняется, проглядываетъ красноватое солнце и жидкимъ золотомъ играетъ въ водахъ Темзы, окутанныхъ легкимъ полупрозрачнымъ туманомъ. Она протекаетъ передъ моими окнами. Выглянувъ въ окно направо, я вижу заостренный обелискъ „иглы Клеопатры“ (Cleopatra's needle), за нимъ желѣзнодорожный мостъ къ станціи Charing Cross, а тамъ,— въ глубинѣ,—стройныя громады вестминстерскихъ башенъ, мягко вырисовывающіяся въ утреннемъ туманѣ.

Завтра вечеромъ мы ѣдемъ въ Шотландію.

ФЛОТЪ

V

ы выѣхали изъ Лондона для посѣщенія флота въ понедѣльникъ, 15 (28) февраля, въ туманный и дождливый вечеръ. Въ составъ нашей компаніи входили, кромѣ шести лицъ, приглашенныхъ англійскимъ правительствомъ изъ Россіи, и ихъ спутника, г. Вильтона, еще корреспондентъ петроградскаго телеграфнаго агентства, только что вернувшійся изъ Салоникъ, г. Духовецкій, очень эффектный въ своей полу-военной формѣ съ погонами статскаго совѣтника, усердно величаемый англичанами „General“, а также мой товарищъ по первой Думѣ А. Ф. Аладынъ. Съ нимъ я не встрѣчался въ теченіе десяти лѣтъ. Онъ по наружности мало измѣнился,— только развѣ сталъ немного грузнѣе, да носитъ всегда очки, что придаетъ ему болѣе мирный видъ по сравненію съ боевымъ трудовикомъ, чей мѣдный голосъ такъ властно звучалъ подъ старой, съ тѣхъ поръ провалившейся, крышей Таврическаго дворца. Здѣсь онъ пріобрѣлъ своими публичными лекціями о Россіи большую извѣстность. Мнѣ пришлось слышать хвалебные отзывы изъ здѣшнихъ официальныхъ сферъ о его дѣятельности на пользу англо-рус-

скаго сближенія. Въ этихъ сферахъ онъ сталъ *persona gratissima*. По-англійски онъ теперь говоритъ какъ англичанинъ — вѣрнѣе, какъ лондонскій *sockpneu*, со всѣми особенностями этого склада рѣчи. И русская его рѣчь, оставшаяся столь-же напряженно-методической, какъ въ былые годы, приобрѣла какой-то англійскій оттѣнокъ.

Къ этимъ девяти лицамъ присоединились представители морского и военного вѣдомствъ, цензоръ отъ *Foreign office*, секретарь англо-русскаго комитета г. Бэканъ и извѣстный уже моимъ читателямъ г. Бальфуръ. Англійская пресса не была представлена. Г. Вильтону было поставлено непремѣнное условіе не писать ничего о поѣздкѣ въ англійскихъ газетахъ.

Чтобы дать понятіе о томъ, съ какимъ ревнивымъ вниманіемъ относятся англичане къ вопросу о посѣщеніи боевого флота, достаточно сказать, что со времени зачатія имъ теперешней стоянки, — а этому уже минуло больше года, — ни одинъ англичанинъ, кромѣ лицъ официальныхъ, не видѣлъ этого флота. Въ книгѣ посѣтителей, въ которую мы вписали наши имена, я видѣлъ подпись короля Георга, затѣмъ подписи французской депутаціи, непосредственной предшественницы нашей (среди нихъ хорошо извѣстныя имена Стефана Пишона, Ренэ Базена и Пьера Милля) — и больше, кажется, никакихъ *). Мы не имѣемъ права назвать или указать мѣстность, гдѣ находится флотъ. Точно такъ же названія судовъ и имена морскихъ офицеровъ — за исключеніемъ трехъ, опредѣленно намъ разрѣшенныхъ, — не должны быть извѣстны. Насъ просили сказать, что мы были „*Somewhere in the Northern Sea*“, — гдѣ-то въ Сѣверномъ морѣ, — и читателямъ придется удовольствоваться этимъ указаніемъ, несомнѣнно лишен-

*) Впослѣдствіи я узналъ, что ранѣе всѣхъ осматривали флотъ американскіе журналисты. Потомъ ѣздили туда и нѣкоторые корреспонденты русскихъ газетъ, въ томъ числѣ В. Е. Жаботинскій и Д. М. Городецкій.

нымъ какой-либо точности. Но до этого „гдѣ-то“ находящагося мѣста мы ѣхали изъ Лондона цѣлыхъ 21 часъ, съ часовой остановкой по дорогѣ въ небольшомъ провинціальномъ городѣ Инвернесъ, далеко къ сѣверу отъ Эдинбурга. Въ наше распоряженіе былъ отведенъ спальный вагонъ. Утромъ, на другой день мы его покинули и пересѣли въ обыкновенный вагонъ перваго класса, къ которому былъ прицѣпленъ нарядный и уютный вагонъ-ресторанъ. Для русскихъ желудковъ количество пищи, подаваемой за первымъ завтракомъ (въ девять часовъ утра) и за вторымъ (въ часъ дня), совершенно непосильно. Объ этомъ, помнится, писалъ Гончаровъ въ „Фрегатъ Паллада“, и то, что было вѣрно 65 лѣтъ тому назадъ, осталось и теперь. Необычна и послѣдовательность подаваемыхъ блюдъ, когда послѣ сладкаго и непосредственно передъ кофе вдругъ появляются — сардинки на гренкахъ и портвейнъ.

Въ оживленной бесѣдѣ, въ чтеніи и въ глазѣни изъ оконъ на пейзажъ, постепенно мѣнявшійся и становившійся все суровѣе и однообразнѣе, прошелъ день. Мелькали мимо оконъ холмы, покрытые снѣгомъ, красивыя озера съ покатыми берегами, поросшими какими-то приземистыми и корявыми березами, дубами, орѣшникомъ, — временами появлялись на нѣсколько секундъ то справа, то слѣва громады сѣрыхъ замковъ, напоминавшихъ о романахъ Вальтера Скотта. Нѣсколько часовъ мы ѣхали берегомъ моря, потомъ потеряли его изъ виду, и, подымаясь все выше и выше къ сѣверу, катили по пожелтѣвшимъ унылымъ волнистымъ равнинамъ, гдѣ уже не видно было ни деревень, ни признаковъ жизни. Къ пяти часамъ дня мы достигли конечнаго пункта — маленькаго затеряннаго въ далекой глуши городка, самое имя котораго мы впервые узнали. Уже темнѣло, погода — свѣжая и вѣтреная — хмурилась. Выйдя изъ вагона, мы были встрѣчены военнымъ комендантомъ города, капитаномъ морской службы, вернувшимся на дѣйствительную службу изъ отставки.

На вокзалѣ насъ также ожидалъ the provost—городской голова.

Послѣ обычныхъ представленій и взаимныхъ привѣтствій, комендантъ просилъ насъ пожаловать прямо къ нему, на чашку чая. Вещи наши, представлявшія довольно внушительное количество чемодановъ, портъ-пледовъ и несессеровъ, были отвезены прямо въ маленькую гостиницу, гдѣ предстоялъ ночлегъ. У коменданта, занимающаго хорошенькій удобный домикъ по дорогѣ на вокзалъ, мы нашли многочисленное дамское общество и нѣсколько городскихъ нотаблей. Члены нашей группы, владѣющіе англійскимъ языкомъ, разговаривали за себя и за другихъ, оказавшихся довольно безпомощными въ такой обстановкѣ и усердно приналегшихъ на чай и сандвичи. Нѣсколько дамъ-доброволицъ взялись показать намъ городъ. Обойти его можно свободно въ часъ—полтора. Что за удивительный городъ! Весь изъ сѣраго камня, онъ словно рожденъ той поднявшейся надъ моремъ скалой, на которую онъ взгромоздился. Жителей въ немъ мало, заняты они исключительно рыболовствомъ и тесаніемъ камней. Но волна богатства, разливаясь по всей странѣ, доплеснула и до этого глухого уголка. Оно сказывается и въ рядѣ изящныхъ, дышащихъ довольствомъ домовъ, и въ нѣсколькихъ отличныхъ магазинахъ, и даже въ той „Королевской гостиницѣ“, въ которой мы собрались послѣ прогулки по городу и берегу шумящаго моря и осмотра мѣстной достопримѣчательности—какихъ-то мало интересныхъ развалинъ не то сгорѣвшей, не то рухнувшей церкви.

Гостиница была вполнѣ благоустроенная, ужиномъ насъ угостили на славу, но, Боже мой, какъ тамъ было холодно! Въ спальнѣ дыханіе превращалось въ паръ, кровать напоминала ледникъ, и пришлось наподобіе полярныхъ путешественниковъ спать, закутавшись въ разныя шерстяныя одежды, не снимая шерстяныхъ носковъ. Да, въ это время года все въ Англии можетъ быть гостепріимнымъ,—кромѣ климата...

VI.

Въ 8^{1/2} часовъ утра назначенъ былъ отходъ миноносца. Ровно въ 8 часовъ мы сѣли въ три автомобиля, быстро помчавшіе насъ внизъ къ морю. Дождя не было, но вѣтеръ дулъ съ большой силой и по небу стлались свинцовыя тучи, только изрѣдка на короткое время разбѣгавшіяся. Раза два-три проглядывало блѣдное солнце, было холодно и неуютно, но на эти мелочи никто изъ насъ, взволнованныхъ предстоящимъ зрѣлищемъ, не обращалъ вниманія. На молѣ, вдоль котораго чернѣлъ грозный destroyer, насъ встрѣтилъ капитанъ, рослый красавецъ, съ твердыми чертами бритаго лица и ясными голубыми глазами. Онъ уже давно командуетъ своимъ миноносцемъ и любить его нѣжно.

Подъ предводительствомъ капитана мы спустились во внутреннее помѣщеніе, гдѣ оказалась довольно просторная рубка и рядомъ съ ней капитанская каюта. Кое-кто изъ нашей компаніи остался внизу, другіе пошли на палубу, третьи,—и я въ томъ числѣ,—пошли наверхъ, на капитанскій мостикъ. Почти тотчасъ послѣ отхода началась качка. Миноносецъ шелъ со скоростью 30 узловъ въ часъ. Стоя наверху, видно было, какъ его носовая часть то вздымалась, то стремительно опускалась, причемъ насъ то-и-дѣло хлестали по лицу соленыя брызги. По словамъ капитана, эта часть моря—наихудшая во всемъ свѣтѣ, такъ какъ здѣсь нѣсколько скрещивающихся теченій, достигающихъ скорости 10 узловъ въ часъ. Правда, онъ же увѣрялъ, что сегодня море совсѣмъ спокойно,—сравнительно, конечно, такъ какъ бывали бури, когда волны достигали маяка, стоящаго на скалѣ высотой въ 300 футовъ. Переходъ продолжался болѣе 1^{1/2} часовъ. Всѣ его перенесли благополучно, за исключеніемъ одного пассажира, котораго я изъ скромности не хочу называть и который— правда, въ теченіе всего 10—15 минутъ—чувствовалъ себя весьма непріятно и былъ зеленъ, какъ огурецъ.

Приблизительно черезъ часъ послѣ отхода начала постепенно развертываться изумительная картина. Я не знаю морскихъ терминовъ и полный профанъ въ морскомъ дѣлѣ. Я могу передавать только свои внѣшнія впечатлѣнія житейскимъ, отнюдь не техническимъ языкомъ. И вотъ—преобладающее впечатлѣніе: мы почувствовали какую-то стихійную мощь, какую-то жуткую, притаившуюся силу. Въ жизни своей я не видалъ такого количества судовъ, собранныхъ въ одно мѣсто. Миноносцы, транспорты, угольщики, крейсера разныхъ типовъ и тяжелыя, самодовольныя громады дредноутовъ—еле успѣваешь всмотрѣться въ одинъ, и уже равняешься съ другимъ. Мелькаютъ названія, мнѣ объясняютъ значеніе и боевую цѣнность этихъ безчисленныхъ судовъ, годъ ихъ постройки, быстроту хода, силу вооруженія, но я плохо слушаю. Любая книжка объ англійскомъ флотѣ мнѣ все это расскажетъ,—но никогда мнѣ, навѣрно, не придется созерцать такое зрѣлище. И сейчасъ мнѣ начинаетъ казаться, что я его видѣлъ во снѣ. Пишу спокойно въ уже обжитой комнатѣ лондонской гостиницы,—а воображеніе возстанавливаетъ картину волнующагося подъ ненастными тучами моря, окаймленнаго то плоскими, то скалистыми островами и этихъ сѣрыхъ страшилищъ, вооруженныхъ пушками въ шесть тысячъ пудовъ вѣсомъ, съ 60-пудовыми снарядами. Словно какіе-то колоссальные указательные пальцы торчатъ онѣ и кажутся какими-то ненужными придатками, и трудно себѣ представить, что весь этотъ броненосецъ въ двадцать милліоновъ рублей, съ водоизмѣщеніемъ въ 27.000 тоннъ, длиною въ 645 футовъ, съ турбинами въ 29.000 лошадиныхъ силъ, развивающими скорость въ 21 узелъ въ часъ, съ командой въ тысячу двѣсти человекъ, съ необозримымъ множествомъ сложнѣйшихъ и удивительныхъ приспособленій, съ мастерскими, хлѣбопекарнями, магазинами, даже съ церковью, вмѣщающей до ста молящихся, со школой и библіотекой, съ безконечными телефонами, безпроводнымъ телеграфомъ,—что все это ко-

лоссальное богатство человѣческихъ средствъ, изобрѣтательности, остроумія—все это приноровлено и приспособлено вотъ къ этимъ восьми или десяти чудовищамъ крупнѣйшаго калибра и двѣнадцати поменьше, что въ нихъ ultima ratio, вся цѣль, весь смыслъ, и что безъ нихъ этотъ мощный корабль сталъ бы ненужной грудой стали и желѣза. Грозны эти чудовища,—но они могутъ быть ручными—для своихъ, для той знающей руки, которая ими управляетъ. Одинъ легкій поворотъ колеса, доступный пятилѣтнему ребенку,—и они послушно протягиваются кверху или книзу, останавливаясь мгновенно подъ любымъ угломъ... Слово фокусъ какой-то, такой простой и легкой, и такой на видъ невинный...

Но я спуталъ нить своего разказа. Мы еще не на броненосцѣ,—мы еще кружимся на нашемъ миноносцѣ между неподвижными громадами и смотримъ маневръ—стрѣльбу крейсеровъ, атаку четырехъ миноносцевъ,—смотримъ, какъ они бѣшено куда-то мчатся, перестраиваются, поворачиваютъ... Блеснетъ желтый огонь, рывкнетъ выстрѣлъ и черезъ три-четыре секунды фонтаномъ всплѣнется вода на мѣстѣ попаданья. Мы подходимъ къ броненосцу, на которомъ насъ ожидаетъ адмиралъ Джонъ Джеллико, верховный главнокомандующій (Supreme Admiral) британскимъ флотомъ.

Хочется напомнить нѣсколько данныхъ изъ жизни этого замѣчательнаго человѣка, которому теперь ввѣрена судьба морскихъ силъ Англїи. Адмиралу Джеллико сейчасъ 55 лѣтъ. Главнѣйшей заслугой его блестящей карьеры слѣдуетъ признать его работу по усилению боевой способности флота. Въ теченіе перваго года, что онъ занималъ въ адмиралтействѣ постъ Director of ordnance, онъ поднялъ процентъ попаданій при боевой стрѣльбѣ съ 42 до свыше 70. Онъ былъ ближайшимъ помощникомъ и сотрудникомъ сэра Джона Фишера (бывшаго перваго морского лорда) и вмѣстѣ съ нимъ подготовилъ переходъ къ эрѣ дредноутовъ. Человѣкъ большой отваги и рѣшимости, онъ три раза

Сэръ Джонъ Джеллико.

уже подвергался смертельной опасности и спасался благодаря счастливымъ случайностямъ. Между прочимъ, онъ командовалъ въ 1893 году „Викторіей“, когда она была потоплена въ Средиземномъ морѣ „Кэмпердоуномъ“ вслѣдствіе неправильнаго маневра, вызваннаго необъяснимой ошибкой адмирала Трайона. Джеллико въ это время былъ боленъ и лежалъ въ кровати. За нимъ побѣжали и позвали его наверхъ, но онъ отправился осматривать нижнее помѣщеніе судна, чтобы убѣдиться, всѣ ли люди успѣли

выйти. Когда судно начало тонуть, онъ выплылъ на поверхность въ состояніи крайняго изнеможенія. Какой-то мичманъ поддержаль его и помогъ ему спастись.

По наружному своему виду адмираль Джеллико на первый свой взглядъ не производитъ поражающаго впечатлѣнія. Небольшого роста, сухощавый, очень моложавый, съ быстрыми движеніями, онъ держится чрезвычайно просто и привѣтливо. Только взглядывшись пристально въ его обвѣтренное лицо, съ тонкими губами сжатаго рта, орлинымъ носомъ и прямымъ, твердымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, вы ощущаете внутреннюю силу этого человѣка и готовы повѣрить, что участь англійскаго флота находится въ надежныхъ рукахъ.

Другой замѣчательный человѣкъ, котораго мы встрѣтили на броненосцѣ,—вице-адмираль Стэрди (Sturdee). Онъ командоваль эскадрой, которая въ концѣ 1914 года была послана въ южную часть Атлантическаго океана для уничтоженія германской эскадры адмирала фонъ-Шпее, потопившей 1-го ноября того года англійскій броненосецъ „Good Hope“, вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ въ 1.650 человѣкъ и адмираломъ Крэдономъ, командовавшимъ эскадрой. Въ этомъ же бою погибъ другой крейсеръ „Mouth“ и едва спасся легкій крейсеръ „Glasgow“. 8-го декабря произошелъ бой у Фалькландскихъ острововъ между эскадрами фонъ-Шпее и Стэрди, окончившійся потопленіемъ двухъ нѣмецкихъ бронированныхъ крейсеровъ „Шарнгорста“ и „Гнейзенау“ и двухъ легкихъ крейсеровъ „Лейпцига“ и „Нюрнберга“. Спасся только одинъ легкій крейсеръ „Дрезденъ“, потопленный впоследствии, въ мартѣ прошлаго года. Самъ адмираль фонъ-Шпее и два его сына погибли въ этомъ бою. Англичанамъ удалось спасти не болѣе двухсотъ человѣкъ изъ состава непріятельскаго экипажа. Тонушіе не могли долго держаться на поверхности ледяной воды. Къ тому же стаи альбатросовъ, носившіяся надъ ними, пока они цѣплялись за обломки кораблей, напали на нихъ и выклевывали имъ глаза. Обреченныя германскія суда от-

стрѣливались до послѣдней минуты. „Нюрнбергъ“, объятый пламенемъ, пошелъ ко дну въ то время, какъ его пушки еще стрѣляли. Самъ адмиралъ Стэрди признаетъ, что въ этомъ бою непріатель оказалъ геройское сопротивленіе. Въ сущности говоря, участь эскадры фонъ-Шпее съ самаго начала была рѣшена, такъ какъ англійская эскадра превосходила ее быстротой хода и дальностью боя. Но въ стратегическомъ отношеніи бой у Фальккландскихъ острововъ—одна изъ наиболѣе блестящихъ страницъ военной исторіи Англій, такъ какъ весь планъ, приведшій къ полному крушенію нѣмецкихъ силъ въ Атлантическомъ океанѣ, былъ выполненъ съ соблюденіемъ абсолютной тайны и съ поразительной точностью. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ оцѣнивается современными англійскими исторіографами войны.

На завтракѣ, которымъ насъ чествовалъ адмиралъ Джеллико, мнѣ пришлось сидѣть между нимъ и вице-адмираломъ Стэрди. У этого послѣдняго—маленькаго, коренастаго—незаурядны только живые блестящіе глаза, полные ума и энергіи.

О тяжести службы при настоящихъ условіяхъ можно составить себѣ представленіе изъ того факта, что за восемнадцать мѣсяцевъ большинство офицеровъ могли воспользоваться отпускомъ только одинъ разъ на нѣсколько дней. Они ежеминутно должны быть готовы ко всевозможнымъ неожиданностямъ. И они прекрасно понимаютъ, что, когда наступитъ часъ столкновенія, оно будетъ кровопролитнымъ и смертоноснымъ для многихъ изъ нихъ. Но къ этой мысли они привыкли и ею не тревожатся. Трудно представить себѣ болѣе беззаботную, спокойную, милую компанію. „Keer smiling“—„пожалуйста, улыбайтесь“,—эта надпись большими буквами красовалась на стѣнѣ просторной и изящной каютъ-компаніи, гдѣ мы днемъ пили чай. Вездѣ кругомъ фотографіи, цвѣты, книги, иллюстрированные журналы. Разумѣется, есть фортепіано. Внѣшнія условія жизни—хоть куда, но всякому понятно, какое огромное нервное напряженіе

требуется отъ этихъ людей, незамѣчающихъ его только потому, что нельзя же вѣчно жить съ натянутыми нервами.

Привѣтственная рѣчь Джеллико, съ очень многозначительнымъ и обратившимъ на себя большое вниманіе намекомъ на возможность совмѣстныхъ дѣйствій союзныхъ флотовъ—англійскаго и русскаго—въ Балтійскомъ морѣ,—была имъ произнесена легко и свободно, безъ цвѣтовъ краснорѣчія, но съ большой искренностью. Не то, увы, произошло на другомъ броненосцѣ, гдѣ завтракала часть нашей компаніи, не помѣстившейся цѣликомъ на броненосцѣ адмирала Джеллико. Тамъ ораторъ—почтенный, немолодой адмиралъ,—дойдя до середины своей рѣчи, очевидно, заранѣе подготовленной, запнулся, смутился и на нѣсколько минутъ мучительно умолкъ, тщетно стараясь найти продолженіе,—потомъ началъ съ самаго начала, повторилъ свою рѣчь дословно и, вновь запнувшись на злополучномъ мѣстѣ, съ трудомъ выпутался и договорилъ. Какъ ни жалко было бѣднягу адмирала, но этотъ маленькій эпизодъ внесъ какую-то трогательную ноту, которую живо почувствовали русскіе гости.

Я заговорилъ съ Джеллико о Тирпицѣ. Онъ его хорошо знаетъ и былъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Двѣ дочери Тирпица, какъ оказывается, учились въ Англии, говорятъ по-англійски, какъ природныя англичанки, и уѣхали отсюда передъ самымъ началомъ войны. Въ свое время Джеллико былъ „взысканъ милостью“ Вильгельма: онъ кавалеръ ордена Краснаго Орла второй степени. О нѣмцахъ онъ говоритъ съ тѣмъ спокойнымъ, сдержаннымъ достоинствомъ, которое можно было подмѣтить у большинства выдающихся англичанъ, мною встрѣченныхъ. Въ этой сдержанности, въ отсутствіи истерики и безполезной злобы, чувствуется болѣе холодная, болѣе грозная сила. Несомнѣнно, въ Англии ненависть противъ Германіи растетъ съ каждымъ днемъ, но англичане умѣютъ оставаться хладнокровными, и имъ претятъ всякіе аффекты, а въ особенности,—всякое показное чувство. Оттого-то

въ ихъ прессѣ рѣдко можно встрѣтить грубыя, площадныя выходки. Они не любятъ браниться, они предпочитаютъ дѣло праздному слову.

Само собою понятно, что я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи получить отъ Желлико и Стэрди ихъ автографы на карточкѣ меню. Желлико подписался моей ручкой Swap и съ большой похвалой отозвался о перѣ, въ самомъ дѣлѣ, пишушемъ очень плавно и легко... Передъ тѣмъ, какъ проститься, я сказалъ адмиралу, что онъ доставилъ бы мнѣ большую радость, если-бы согласился принять отъ меня на память эту ручку. Когда мнѣ придется читать о подвигахъ британскаго Grand Fleet, я буду представлять себѣ, что приказы и отчеты адмирала Желлико подписаны моей ручкой. Ею же онъ будетъ пользоваться, отвѣчая на безчисленныя письма со всѣхъ концовъ Британской Имперіи, сопровождающія всевозможныя посылки отъ имени взрослыхъ и дѣтей, для которыхъ имя адмирала давно стало фетишемъ...

Распростившись съ адмираломъ, съ его начальникомъ штаба, вице-адмираломъ Мадденомъ, со всѣми нашими гостепріимными хозяевами, обмѣнявшись рукопожатіями и привѣтствіями, мы сошли въ паровой катеръ, повезшій насъ къ второму—новѣйшему—броненосцу, который намъ хотѣли показать. Онъ чуть длиннѣе перваго и потому быстроходнѣе. Въ немъ еще болѣе простора, блеску,—еще яснѣе даже для непосвященнаго глаза планомѣрность и цѣлесообразность каждой части его сложнаго устройства. И тутъ насъ принимали также радушно, водили по всему огромному кораблю, лазили въ разные закоулки, радовались нашему восхищенію и удивленію.

Времени, однако, въ нашемъ распоряженіи было немного. Въ 4 часа назначено было чаепитіе на третьемъ броненосцѣ, которымъ командуетъ вице-адмиралъ Sturdee. Здѣсь уже осмотровъ не было, была непринужденная дружелюбная бесѣда, былъ чай со множествомъ всякихъ вкусныхъ печеній, конфетъ, фруктовъ — и, наконецъ, около пяти

часовъ—отъѣздъ. Передъ тѣмъ, какъ вернуться на миноносецъ, ожидавшій насъ, мы послали по беспроволочному телеграфу привѣтъ и благодарность Джеллико, и черезъ какія-нибудь двадцать минутъ, уже на пути, получили его отвѣтъ, съ лестнымъ для насъ заявленіемъ, что содержаніе нашей прощальной телеграммы будетъ сообщено британскому флоту.

Обратный путь мы прошли безъ приключеній. На этотъ разъ никто не пострадалъ отъ качки, хотя она скорѣе усилилась сравнительно съ утромъ. Въ 6 часовъ мы были на берегу, а черезъ часъ поѣздъ мчалъ насъ обратно въ Лондонъ. Тѣ же милые и привѣтливые люди насъ провожали, а на столикахъ вагона мы нашли два пучка подсиѣжниковъ изъ сада комендантскаго дома, положенные для насъ заботливой рукой жены коменданта.

VII.

Первый этапъ нашего путешествія пройденъ. Черезъ четыре дня мы ѣдемъ на фронтъ. Въ промежуткѣ бываемъ въ Портсмутѣ и Ольдершотѣ, гдѣ обучаются войска, а по возвращеніи изъ Франціи посвятимъ нѣсколько дней осмотру заводовъ и мастерскихъ, изготовляющихъ снаряды. Обо всемъ этомъ мнѣ придется рассказать уже вернувшись въ Россію, такъ какъ письма отсюда идутъ случайно и медленно. Предстоитъ, конечно, немало сильныхъ и новыхъ впечатлѣній, но всѣ они, вѣроятно, только углубятъ и обострятъ то, что уже сложилось. Мы почували силу поднявшагося на защиту своей страны и всей Европы англійскаго народа. Эта сила еще разовьется и развернется. Ея запасы неисчислимы. Нужно было немало времени для того, чтобы разбудить эту силу. Но теперь она несокрушима. Она не ослабѣетъ и не уступитъ прежде, чѣмъ не будетъ достигнута конечная побѣда.

ВСТРѢЧИ: ХАГБЕРГЪ РАЙТЪ. УЭЛЛЪЗЪ. ЛОРДЪ КИТЧЕНЕРЪ.

VIII

элльзъ ждетъ насъ къ себѣ въ деревню завтра. Я заѣду за вами въ половинѣ десятаго утра“.

Это приглашеніе было мнѣ передано въ одну изъ субботъ, проведенныхъ въ Лондонѣ, Хагбергомъ Райтомъ, — человѣкомъ, мало извѣстнымъ въ широкихъ кругахъ въ Россіи, но поистинѣ заслуживающимъ не только извѣстности, но и самаго глубокаго уваженія и горячей признательности со стороны каждаго русскаго. Братъ знаменитаго врача, Хагбергъ Райтъ (Hagberg Wright) завѣдуетъ обширнымъ книгохранилищемъ London Library, но большая часть его времени въ настоящую войну посвящена

другому дѣлу. Райтъ—знатокъ Россіи, онъ много разъ и подолгу бывалъ въ ней, прекрасно изучилъ ея литературу, перевелъ на англійскій языкъ нѣсколько нашихъ былинъ и народныхъ пѣсенъ. Онъ относится къ Россіи съ совершенно исключительной любовью и живымъ интересомъ. Побуждаемый этими чувствами, онъ поставилъ себѣ задачей нравственно облегчать безконечно-тяжелое положеніе нашихъ плѣнныхъ—и офицеровъ, и солдатъ,—томящихся въ германскихъ лагеряхъ. Онъ доставляетъ имъ книги на русскомъ языкѣ. Нѣсколько лицъ ему помогаетъ. Конечно, онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нашимъ посольствомъ въ Лондонѣ. Съ тѣхъ поръ, что Райтъ принялся за дѣло, и до настоящаго времени имъ отправлено книгъ нашимъ плѣннымъ болѣе, чѣмъ на сто тысячъ рублей. Пакеты онъ посылаетъ индивидуально, ведетъ огромную переписку и съ офицерами, и съ солдатами. Послѣдніе больше всего требуютъ учебниковъ, и Райтъ выбивается изъ силъ, стараясь доставить эти книги изъ Россіи. Своей энергіей и любовью къ предпринятому дѣлу онъ заразилъ служащихъ въ London Library, и всѣ они добровольно и безкорыстно оказываютъ ему содѣйствіе. Въ этомъ ирландцѣ, въ чьихъ жилахъ течетъ и шведская кровь (мать его—шведка), чувствуется, подъ нѣсколько суровой внѣшностью, пылкій энтузіазмъ, благородная преданность идеѣ. Встрѣча и общеніе съ нимъ—одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ впечатлѣній моей поѣздки въ Англию.

На слѣдующее утро послѣ приведеннаго разговора Райтъ, дѣйствительно, пріѣхалъ къ намъ въ гостиницу и забралъ Чуковского, Толстого и меня въ автомобиль. Мы поѣхали на Ливерпульскій вокзалъ. Уэлльзъ живетъ въ деревнѣ, верстахъ въ шестидесяти къ сѣверо-востоку отъ Лондона. Онъ арендуетъ въ обширныхъ помѣстьяхъ лэди-Уоррикъ (Warwick)—извѣстной поборницы социалистическихъ идей—небольшой участокъ земли и живетъ въ уютномъ старомъ двухъэтажномъ домѣ, значительно расширивъ его и введя всякія удобства и усовершенствованія.

До Уэллза въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ въ этомъ домѣ жило нѣсколько поколѣній священниковъ,—„quite a lot of fat parsons“,—какъ онъ шутливо замѣтилъ. Переходъ отъ нихъ къ Уэллзу—довольно рѣзкій и стоящій, очевидно, въ связи съ „передовыми“ идеями собственности, съ которой Уэллзъ находится въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Добравшись до станціи назначенія и выйдя изъ вагона, мы издали увидѣли хорошо знакомую мнѣ небольшую, плотную фигуру знаменитаго писателя, спокойно и пріятливо оглядывающаго насъ своими умными, нѣсколько лукавыми голубыми глазами, свѣтящимися изъ-подъ густыхъ косматыхъ бровей. Поразительно моложавый для своихъ пятидесяти лѣтъ, коренастый и загорѣлый, онъ мало или даже совсѣмъ не измѣнился со времени нашей встрѣчи въ Петроградѣ три года тому назадъ. Помню, какъ тогда его нѣсколько прозаическая наружность меня поразила своимъ несоотвѣтствіемъ съ тѣмъ представленіемъ, которое естественно создается объ авторѣ столькихъ замѣчательныхъ книгъ, то блещущихъ фантазіей, то изумляющихъ глубиной мысли, яркими мгновенными вспышками страсти, чередованіемъ сарказма и лиризма. Поневолѣ ждешь чего-то необыкновеннаго,—думаешь увидѣть чело-вѣка, котораго отличишь среди тысячи. А вмѣсто того—какъ будто самый заурядный англійскій squire,—не то дѣлецъ, не то фермеръ. Но вотъ, стоить ему заговорить со своимъ типичнымъ акцентомъ природнаго лондонца средняго круга—и начинается очарованіе. Этотъ чело-вѣкъ глубоко индивидуаленъ. Въ немъ нѣтъ ничего чужого, заимствованнаго. Иногда онъ парадоксаленъ, часто хочется съ нимъ спорить, но никогда его мнѣнія не оставляютъ васъ равнодушнымъ, никогда вы не услышите отъ него банальнаго общаго мѣста. По природѣ своей, по складу своего таланта, онъ представляетъ рѣдкую и любопытную смѣсь идеалиста и скептика, оптимиста и суроваго ѣдкаго критика. Эти противорѣчивыя черты его духовной сущно-

сти выражаются и въ книгахъ его, и въ его разговорѣ. Онъ очень многого ждетъ отъ человѣчества, отъ Англіи,— и очень малаго отъ современныхъ людей, отъ англичанъ. Онъ съ увлеченіемъ строить политическія и соціальныя утопіи,—но онъ не знаетъ и не интересуется знать, кто въ парламентѣ представляетъ его округъ, и, конечно, онъ въ выборахъ не участвуетъ. Поразительная его плодовитость (порою вредящая законченности и продуманности его произведеній, особенно послѣднихъ) объясняется не только его талантомъ и трудоспособностью, но и всѣмъ складомъ его жизни. Работѣ онъ постоянно отдаетъ большую часть своего времени, живя въ деревнѣ и проводя два—три дня въ недѣлю въ небольшой своей квартирѣ, въ Лондонѣ, гдѣ у него очень небольшой кругъ близкихъ людей. Въ лондонскомъ обществѣ онъ мало бываетъ, и, конечно, все его время распределено съ тѣмъ умѣніемъ и той экономіей, которыхъ, увы, намъ такъ недостаетъ въ Россіи. Оттого имя Уэлльза можно встрѣтить на страницахъ газетъ исключительно въ связи съ его литературными произведеніями. Какихъ-либо другихъ „выступленій“ онъ абсолютно и органически чуждъ.

Оказалось, что отъ станціи до дома съ полчаса ѣзды на моторѣ. У Уэлльса свой собственный небольшой автомобиль, которымъ онъ умѣло править. Было прекрасное утро,—солнце, кажется, впервые выглянуло со дня нашего пріѣзда въ Англію. Днемъ, впрочемъ, оно снова скрылось, началъ хлопьями падать снѣгъ, надвинулись тучи,—словомъ, пошла обычная картина. Мы ѣхали по старой римской дорогѣ, здѣсь пролегающей и окаймленной живой изгородью. Кругомъ желтѣли поля, окутанныя утреннимъ туманомъ. Кое-гдѣ подымались холмы, открывались неглубокія долины. Проѣхали деревню, съ аккуратными домиками, крытыми черепицей и обвитыми плющемъ, и очутились въ обширномъ, сильно запущенномъ паркѣ, съ рѣдкими огромными деревьями и домами сторожей, выбѣгающихъ на звукъ автомобильнаго гудка, чтобы отворять

ворота. Еще нѣсколько поворотовъ—и показался кирпичный старинный домикъ, весь одѣтый зеленью, съ характернымъ англійскимъ порталомъ и нѣсколькими великолѣпными хвойными деревьями, окружающими въѣздъ. Этотъ домъ арендованъ Уэлльзомъ на шестьдесятъ лѣтъ. „Какъ видите, я успѣю въ немъ состариться“,—замѣтилъ онъ. Около дома—огородъ, небольшая оранжерея, а дальше—очень оригинальный сарайчикъ, приспособленный для badminton—игра въ мячъ, напоминающая лаунъ-теннисъ, но съ тѣмъ главнымъ различіемъ, что ракеты отсутствуютъ и мячъ ловятъ руками. Въ эту игру мы послѣ завтрака играли съ большимъ азартомъ, причемъ наибольшую ловкость и наибольшее оживленіе проявлялъ хозяинъ дома.

IX.

На порогѣ дома насъ встрѣтила г-жа Уэлльзъ—худенькая шатенка, съ блѣднымъ лицомъ и красивыми задумчивыми глазами. Дѣти Уэлльза отсутствовали: я сейчасъ не помню, гдѣ они: кажется, въ школѣ. Въ домѣ гостила г-жа Вандервельде, англійчанка, жена извѣстнаго бельгійскаго вождя социалистовъ, нынѣ принявшаго министерскій портфель,—очень бойкая дама, поразившая меня смѣлостью и непринужденностью замѣчаній по адресу ея соотечественниковъ, даже очень „высокопоставленныхъ“. Къ завтраку пріѣхалъ со своей семьей издатель „Daily Express“, одного изъ реакціоннѣйшихъ англійскихъ листковъ, отъ всей души презираемыхъ Уэлльзомъ,—что не мѣшаетъ ему поддерживать добрососѣдскія отношенія съ издателемъ. При этомъ Уэлльзъ отнюдь не стѣсняется высказывать своему деревенскому пріятелю истинное свое мнѣніе объ его издательской дѣятельности. „Это одна изъ нашихъ особенностей, кажется. Мы можемъ очень хорошо уживаться въ нашихъ личныхъ отношеніяхъ съ людьми, расходясь съ ними глубоко въ политическихъ и общественныхъ взгля-

дахъ“. Такъ сказалъ, между прочимъ, Уэлльзъ. Для меня это не было новостью. Я зналъ, что, напримѣръ, Бальфура и Асквита всегда связывала близкая пріязнь, на которой отнюдь не отражалось ихъ политическое соперничество, нерѣдко принимавшее форму ожесточенной партійной борьбы. За время своего пребыванія въ Англіи мнѣ пришлось бывать въ обществѣ людей, политически далекихъ другъ отъ друга, часто враждебныхъ. Я никогда не замѣчалъ никакой натянутости—не говоря уже о неприязни—между ними. На завтракѣ Institute of journalists предсѣдательствовалъ Гардинеръ, руководитель „Daily News“. Произнесение тоста за его здоровье было поручено лорду Бѣрнгаму, издателю „Daily Telegraph“ (политическіе враги!), и онъ сказалъ такое убѣжденное и восторженное похвальное слово по адресу Гардинера, которое дай Богъ услышать отъ союзника и друга. Мнѣ кажется, что такія отношенія возможны только тамъ, гдѣ борьба на общественной аренѣ не переходитъ въ грубую свалку,—гдѣ люди остаются—въ англійскомъ смыслѣ слова—„джентльмэнами“ при какихъ бы то ни было условіяхъ, и, наконецъ, гдѣ существуетъ извѣстный—и довольно высокій—этический минимумъ, которому каждый долженъ удовлетворять, если онъ хочетъ оставаться общественнымъ или политическимъ дѣятелемъ.

На внутреннемъ устройствѣ дома, гдѣ живетъ Уэлльзъ, лежитъ печать изящества, комфорта, простоты. Прелестна гостиная съ большимъ окномъ-дверью въ садъ. По тремъ ея стѣнамъ идутъ полки съ книгами, четвертая, полукруглая, занята окнами. Желтоватая занавѣски даютъ мягкій пріятный свѣтъ. Среди книгъ много классиковъ, въ переводахъ: Гомеръ, Платонъ, Цицеронъ. Великолѣпное старинное изданіе сочиненій Маккиавелли, очевидно, послужившее матеріаломъ при писаніи романа „The new Macchiavelli“. Такое же превосходное собраніе сочиненій Фильдинга. Въ другой небольшой комнатѣ, по сосѣдству съ гостиной, гдѣ Уэлльзъ работаетъ, цѣлый шкапикъ, напол-

ненный его произведениями, которымъ онъ самъ,—по его словамъ,—уже потерялъ счетъ. На одномъ изъ столиковъ въ этой комнатѣ лежитъ скромный кожаный бюваръ съ адресомъ, поднесеннымъ Уэлльзу покойнымъ „Всероссійскимъ Литературнымъ Обществомъ“ во время его прїѣзда въ Петроградъ. Каминъ расписанъ—очень затѣйливо и остроумно—самимъ хозяиномъ дома. На стѣнахъ старыя гравюры и литографіи. Изъ нихъ одна, особенно нравящаяся Уэлльзу, изображаетъ всю Royal Family въ 40-хъ годахъ, чопорно гуляющую на берегу пруда, у подножья Виндзорскаго замка, въ милыхъ костюмахъ того времени, такихъ красочныхъ и такихъ неудобныхъ и нелѣпыхъ. Въ другой комнатѣ висятъ русскія лубочныя картинки съ изображеніемъ Троицко-Сергіевской лавры, Соловецкаго монастыря, монашеской трапезы. Нижний этажъ занятъ столовой, гостиной, рабочей комнатой и дѣтской, переполненной старыми игрушками. Верхній—многочисленными спальнями, отчасти предназначенными для гостей у Уэлльза прїятелей, тремя или четырьмя уборными съ ваннами, помѣщеніями для прислуги. Уэлльзъ съ видимымъ удовольствіемъ водилъ насъ по всему дому. Устройство его и приспособленіе ко вкусамъ и привычкамъ новыхъ владѣльцевъ (домъ занятъ Уэлльзомъ всего два года назадъ), очевидно, были предметомъ тщательныхъ и долгихъ заботъ.

Мы прїѣхали часовъ въ одиннадцать и почти сразу отправились, съ хозяиномъ во главѣ, гулять по окрестностямъ. Уэлльзъ хотѣлъ намъ показать англійскую деревню, оговариваясь, что она для Англій вообще не типична, такъ какъ уровень благосостоянія жителей выше нормальнаго: большинство ихъ владѣтъ участками земли, выкупленными у лэди Уоррикъ,—надо думать по справедливой оцѣнкѣ...—Мы хотѣли посмотрѣть деревенскій „public house“—полу-кабачекъ, полу-ресторанъ, съ крошечными комнатами, низкими закопченными потолками, маленькими рѣшетчатыми окнами, старой, потемнѣвшей и истертой

деревянной мебелью. По случаю воскресенья онъ былъ закрытъ, но жена хозяина, изъ любезности къ Уэллзу и его русскимъ гостямъ, согласилась насъ впустить и даже показала свою собственную жилую комнату, всю увѣшанную старыми и новыми картинками, портретами короля, Китченера, еще кого-то, уставленную всякими бездѣлушками. Пошли дальше по деревнѣ. Все такіе хорошенькіе, словно игрушечные, домики, большей частью обвитые плющемъ, выбѣленные, съ зелеными ставнями, не скученные. Жителей не видно: сейчасъ воскресное утро—кто въ церкви, кто сидитъ дома. Мы хотѣли было попросить Уэллза провести насъ къ кому-нибудь изъ деревенскихъ жителей посмотреть на обстановку и домашнее устройство, но оказалось, что онъ мало съ кѣмъ знакомъ, а войти прямо въ домъ къ незнакомому, да еще цѣлой компаніей,—неудобно: хозяева могутъ смутиться и даже, пожалуй, обидѣться. Прошли дальше по большой тѣнистой аллеѣ къ очаровательной старинной церкви, совсѣмъ маленькой, съ нѣсколькими часовнями и великолѣпными мраморными гробницами семейства Уоррикъ XVI и XVII вѣковъ, со статуями, медальонами, рельефами—все произведенія итальянскихъ мастеровъ, которыхъ англійская знать, побывавшая въ Италіи Ренессанса, выписывала въ Англию для выполненія заказовъ. На стѣнахъ еле замѣтные слѣды очень старыхъ фресокъ. На скамейкахъ и люпитрахъ (это, кажется, неподходящее слово, но я другого не знаю) остались молитвенники, hymnbooks, Евангелія, обозначающія мѣсто каждаго прихожанина. Около церкви старое кладбище. А по той сторонѣ дороги, передъ домомъ церковнаго сторожа—краснорѣчивый остатокъ старины: „the stocks“—деревянные колодки съ желѣзными цѣпами. Сюда, еще въ началѣ прошлаго вѣка, сажали мѣстныхъ жителей за всякія мелкія провинности, лицомъ къ дорогѣ, съ ногами и руками, защемленными въ отверстія колодокъ, на потѣху и поруганіе прохожимъ. Теперь цѣпи заржавѣли, дерево мѣстами погнило, но сторожъ

бережетъ этотъ „историческій памятникъ“ и, видимо, гордится имъ.

Послѣ завтрака погода испортилась, и мы отправились играть въ badminton. Въ углу сарайчика стоитъ пьянола, за которую усѣлась г-жа Вандервельде и принялась аккомпанировать нашей игрѣ всякими плясовыми мотивами, причемъ и Уэлльзъ, и другіе ухитрялись играть, приплясывая и притаптывая и, очевидно, всей душой отдаваясь забавѣ. Очень бы хотѣлось въ эту минуту сфотографировать Уэлльза, со смѣющимся лицомъ, съ мячикомъ въ рукахъ, въ деревенской курткѣ и высокихъ сапогахъ, подпрыгивающаго на мѣстѣ и хитрыми глазами высматривающаго— въ какое бы мѣсто запустить мячъ, чтобы побольше насолить противникамъ. Какъ онъ радовался каждой удачѣ и какъ ребячески досадовалъ на неловкость своихъ партнеровъ и на собственные промахи!

Часа въ четыре пили чай, а тамъ наступило время отъѣзда. Подали автомобиль, Уэлльзъ усѣлся на мѣсто шоффера—и мы покатали на станцію. Уже проводивъ насъ въ вагонъ, за минуту до отхода поѣзда, онъ вдругъ воскликнулъ: „Ахъ, да, вѣдь, есть, по крайней мѣрѣ, двадцать вещей, о которыхъ я хотѣлъ васъ спросить, и не успѣлъ! Что Дума, какіе у васъ виды на будущее, что дѣлаетъ ваше правительство, и т. д. Вотъ досада!“ Правда, мы обо всемъ этомъ не говорили,—но я немного сомнѣваюсь, интересуется ли это сейчасъ Уэлльза. Онъ слишкомъ занятъ другимъ: войной, будущимъ Англій, будущимъ Европы *).

Два мѣсяца тому назадъ Уэлльзъ кончилъ большой романъ, который въ ближайшемъ будущемъ начнетъ пе-

*) Въ день своего отъѣзда изъ Лондона, я завтракалъ съ Уэлльзомъ (котораго случайно встрѣтилъ дня за два на улицѣ) и убѣдился, что мое первое впечатлѣніе было ошибочнымъ. Уэлльзъ подробно разспрашивалъ меня—если не о двадцати вещахъ, то о существеннѣйшихъ, особенно интересуясь положеніемъ польскаго и финляндскаго вопросовъ.

чататься въ одномъ изъ лондонскихъ періодическихъ изданій. Тема этого романа — изображеніе переживаній, мыслей, настроеній, чувствъ, связанныхъ съ войной. „Въ сущности, я взялъ свою собственную среду, вотъ этотъ деревенскій уголокъ, гдѣ никто никогда серьезно не думалъ о войнѣ, ни объ отношеніяхъ съ Германіей, ни о внѣшней политикѣ вообще, ни о возможности набора, — гдѣ не существовало никакого представленія о реальныхъ опасностяхъ, связанныхъ съ войной, и гдѣ все это вдругъ стало живой дѣйствительностью, требующей отъ каждаго опредѣленной и ясной точки зрѣнія“.

Уэллзъ, конечно, не договариваетъ. Событія этой войны постепенно привели Англію къ пересмотру всѣхъ установившихся точекъ зрѣнія, всѣхъ политическихъ credo, даже всѣхъ предразсудковъ. Не избѣгъ общей участи и онъ самъ, и едва ли онъ теперь подписался бы подъ тѣми своими статьями, въ которыхъ онъ доказывалъ, что Англія должна употребить всѣ усилія, чтобы избѣгнуть войны съ Германіей, такъ какъ исторія готовитъ ей борьбу бокъ-о-бокъ съ Германіей, — на равнинахъ Польши... Сборникъ этихъ статей, подъ заглавіемъ: „An Englishman looks at the World“, вышелъ въ свѣтъ уже послѣ начала войны, и приведенныя строки прозвучали въ немъ тяжелымъ диссонансомъ. Для Уэллза, какъ и для многихъ англичанъ, будущее могущество и ростъ Россіи искони представлялись наиболѣе грозной опасностью, и притомъ — не политической только. Не знаю, отказался-ли онъ окончательно отъ этого взгляда, но дѣти его учатся русскому языку, и самъ Уэллзъ также убѣжденно говоритъ о необходимости прочнаго внутренняго сближенія съ Россіей. Въ его романѣ есть и личныя переживанія. У него въ домѣ жилъ въ качествѣ воспитателя его дѣтей молодой прусскій нѣмецъ, которому пришлось уѣхать въ Германію. „Онъ былъ разстроенъ до послѣдней степени, плакалъ, какъ ребенокъ, и, уѣзжая, забылъ свою скрипку, съ которою я теперь не знаю, что дѣлать“. Уэллзъ не принадлежитъ къ числу

тѣхъ, кто скрежещеть зубами при одномъ упоминаніи о нѣмцахъ. Это не значить, конечно, что онъ ихъ защищаетъ или имъ симпатизируетъ. Но, во-первыхъ, онъ между ними различаетъ обманутыхъ и обманщиковъ, а во вторыхъ, онъ не вмѣняетъ гнусностей и жестокостей однихъ всѣмъ другимъ. Съ этимъ связанъ и другой его взглядъ—на возможный конецъ войны. Онъ съ горечью указываетъ на огромную популярную литературу, инспирируемую нѣмцами и направленную къ тому, чтобы пропагандировать нѣмецкія объясненія войны, сѣять рознь и возбуждать недовѣріе между союзниками. „Мы же,—говорилъ онъ,—палець о палець не ударимъ, чтобы бороться съ этой пропагандой и постараться добраться до сознанія разумной части населенія“. Уэлльзъ думаетъ, что въ Германіи возможна въ близкомъ будущемъ революція, соединенная съ сверженіемъ прусскаго ига и всѣхъ его нынѣшнихъ проявленій. Онъ считаетъ, что это было бы лучшимъ, исторически наиболѣе справедливымъ и наиболѣе прочнымъ исходомъ войны,—и что есть возможность этому содѣйствовать. Я боюсь, что здѣсь онъ становится утопистомъ...

Сейчасъ Уэлльзъ „отдыхаетъ“, то есть пишетъ не романъ, а социальнo-психологическіе этюды на тему о томъ, что будетъ послѣ войны. Онъ, конечно, не сомнѣвается въ ея колоссальныхъ послѣдствіяхъ, которыя отразятся на всѣхъ сторонахъ жизни, на индивидуальной и общественной психологіи, на политическомъ и социальномъ строѣ. И онъ хочетъ угадать, какую форму примутъ грядущія измѣненія.

Х.

Видѣли мы и лорда Китченера. Правда, это было милолетное свиданіе. Насъ „показали“ другъ другу. Конечно, для насъ зрѣлище было интереснѣе. Китченеръ—очень

застѣнчивый человѣкъ. Для него пытка—говорить публично или хотя бы обращаясь къ группѣ лицъ. Въ парламентѣ и при другихъ публичныхъ выступленіяхъ онъ ограничивается чтеніемъ по бумажкѣ заранѣе приготовленной рѣчи. При этомъ онъ читаетъ очень плохо: невнятно, слишкомъ тихо, торопясь и путая. Кстати замѣчу, сами англичане въ общемъ считаютъ себя—за исключеніемъ профессиональныхъ политиковъ—плохими ораторами и очень цѣнятъ способность говорить не смущаясь и находчиво, когда этого требуютъ обстоятельства.

Китченеръ принималъ насъ въ своемъ просторномъ кабинетѣ въ War Office, большомъ зданіи противъ Уайтхолля, съ монументальной лѣстницей и снующими по коридорамъ чиновниками. Насъ ввелъ не то секретарь, не то другой „чинъ“, одѣтый въ штатское платье. Китченеръ стоялъ у стола и встрѣтилъ насъ обычнымъ англійскимъ привѣтствіемъ: „How do you do“. Затѣмъ произошелъ краткій разговоръ: Китченеръ спросилъ насъ о нашихъ впечатлѣніяхъ и высказалъ нѣсколько лестныхъ замѣчаній по адресу русскихъ солдатъ. Каюсь, я больше разглядывалъ Китченера, чѣмъ слушалъ то, что онъ говорилъ. Импонируетъ, прежде всего, его стройная, высокая фигура. Онъ держится удивительно бодро для своихъ лѣтъ. Какъ лордъ Weardale увѣряетъ, это потому, что Китченеръ всю жизнь оставался холостымъ. Его смуглое лицо, съ густыми усами, освѣщается большими глазами на выкатъ, прямо и пристально смотрящими изъ-подъ слегка нависшаго лба. Выраженіе этихъ глазъ—повелительное, властное—придаетъ Китченеру отдаленное сходство съ Бисмаркомъ.

Какъ бы ни оцѣнивать таланты Китченера и способность его стоять во главѣ War Office,—если даже согласиться, что онъ для этого человѣкъ неподходящій, и что постепенное ограниченіе его власти и сокращеніе его функций—основательно и разумно, все же невозможно отрицать огромную роль, которую сыграли въ началѣ войны и въ дѣлѣ набора его обаяніе, популярность, его

личность, его громкое имя. Трудно, даже невозможно назвать кого-либо другого, который въ этомъ отношеніи могъ бы съ нимъ соперничать. Теперь, несомнѣнно, эта роль уже въ значительной своей части — въ прошломъ. Теперь не рѣдкость даже въ парламентѣ услышать ядовитыя замѣчанія по адресу Китченера, и всего нѣсколько дней тому назадъ правительству пришлось отвѣчать на рядъ весьма нескромныхъ и не очень тактичныхъ вопросовъ, смыслъ которыхъ сводился къ тому, что содержаніе, получаемое Китченеромъ, не находится въ соотвѣтствіи съ пользой, приносимой его дѣятельностью. Во всякомъ случаѣ и сейчасъ эта крупная личность, съ такимъ большимъ историческимъ прошлымъ, производитъ яркое, глубокое впечатлѣніе *).

*) Эти строки появляются въ печати послѣ того, какъ трагическая кончина Китченера окружила новымъ ореоломъ эту исключительную историческую фигуру. Могли ли мы думать, смотря на этого стройнаго, крѣпкаго, полнаго жизни старика, что смерть уже стоитъ за его плечами?

ПОЊЗДКА НА ФРОНТЪ

XI

ь четвергъ, 25-го февраля, часть нашей группы—В. И. Немировичъ-Данченко, гр. А. Н. Толстой и я—выѣхала изъ Лондона. Сопровождалъ насъ уже извѣстный читателямъ делегатъ пріемнаго комитета, г. Бальфуръ. Было довольно холодное туманное утро. Поѣздъ, повезшій насъ въ Фолькстонъ, былъ занятъ исключительно военными—офицерами и солдатами. На вокзалѣ Charing Cross царило большое оживленіе, и цѣлыми группами стояли отъѣзжавшіе и провожавшіе. Вездѣ кругомъ слышны были бодрые, веселые голоса. Вмѣстѣ съ нами ѣхалъ знакомый намъ по предыдущимъ поѣздкамъ капитанъ Скэльзъ, свободно говорящій по-русски, рослый и стройный красавецъ, много лѣтъ прослужившій въ Индіи, участвовавшій въ войнѣ съ самага начала, раненый въ ногу, вылечившійся удивительно удачно и теперь несущій службу при англійской главной

квартирѣ. Упоминаю о немъ, какъ объ одномъ изъ типичныхъ англійскихъ офицеровъ, которыхъ мы за это время перевидали такое множество. Безъ всякаго пристрастія скажу, что общеніе съ ними оставляетъ самое отрадное впечатлѣніе. Сдержанные и скромные, они подкупаютъ своей благородной простотой, искренностью, жизнерадостностью. Я не слышалъ отъ нихъ ни одного хвастливого слова, ни одной безтактной или вульгарной выходки. Среди нихъ сразу чувствуешь себя легко и свободно. Не говорю уже о ихъ очаровательной любезности по отношенію къ намъ, о постоянной готовности оказать намъ услугу, сдѣлать пріятное. Чрезвычайно нравится и ихъ манера въ обращеніи съ начальствомъ, почтительное и проникнутое исполнительностью, но въ то же время чуждое искательства, полное непринужденности и спокойнаго достоинства. Такіе люди — на своемъ мѣстѣ и хороши во всѣхъ роляхъ: товарищей, начальниковъ, подчиненныхъ. Конечно, я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, настоящихъ офицеровъ, состоявшихъ уже на службѣ до начала войны. Но я ни минуты не сомнѣваюсь въ томъ, что для всей той многочисленной молодежи, которая за эти полтора года непрерывно пополняла кадры офицерскаго состава, они являлись образцомъ, создавая атмосферу благородныхъ традицій, человѣческаго отношенія къ врагу, отваги и самоотверженности. Говоря такъ, я не плачу только долгъ гостепріимства, а передаю подлинное свое впечатлѣніе, которое, думаю, раздѣляютъ и мои товарищи.

Около часу дня мы сѣли на пароходъ. Море было спокойное, и переѣздъ занялъ менѣе двухъ часовъ. Передъ отходомъ позавтракали, а затѣмъ пошли за плавательными поясами, которые вручаются каждому пассажиру и непременно должны быть надѣты. Очень недавно, какъ извѣстно, въ виду самаго Дувра, погибъ пароходъ „Maloja“, везшій въ Индію нѣсколько сотъ человѣкъ, — было много жертвъ, и мѣры безопасности естественно должны были усиливаться. Конечно, я упоминаю только о мѣрахъ, при-

нимаемыхъ непосредственно по отношенію къ пассажирамъ. О другихъ говорить не приходится, но понятно, что онѣ требуютъ самой тщательной и непрерывной сторожевой службы, на водѣ и въ воздухѣ. При всемъ томъ, ни малѣйшаго признака нервности или безпокойства на пароходѣ не замѣчается. Переполнившіе его сверху до низу пассажиры размѣстились, какъ каждому удобнѣе,— одни гуляютъ на верхней палубѣ, другіе разсѣлись въ деревянныхъ раздвижныхъ креслахъ, третьи разбрелись по внутреннимъ помѣщеніямъ или спятъ въ повалку, заполнивъ весь залъ 3-го класса. Курятъ, читаютъ газеты, разговариваютъ. Только что скрылись за горизонтомъ очертанія „туманнаго берега Альбіона“—и съ противоположной стороны начинаетъ вырисовываться рѣзкая линія французскаго берега, съ крутыми склонами песчаныхъ скалъ и амфитеатромъ красныхъ крышъ приморскаго города. Еще полчаса—и мы у цѣли. Недалеко отъ берега уныло торчатъ изъ воды мачты и трубы какого-то коммерческаго парохода, на-дняхъ наткнувшася—въ нѣсколькихъ миляхъ отъ порта—на мину и съ трудомъ добравшася до того мѣста, гдѣ онъ теперь затонулъ: словно онъ хочетъ сказать намъ: „*hodie mihi, cras tibi*“... Мы пристаемъ и послѣ очень (для насъ лично) несложныхъ формальностей выходимъ на дебаркадеръ, гдѣ насъ встрѣчаетъ капитанъ Робертсъ, завѣдующій тѣмъ домомъ, гдѣ намъ отведено помѣщеніе. Домъ этотъ находится въ ближайшихъ окрестностяхъ другого города, гдѣ въ настоящее время расположена главная квартира. Намъ предстоитъ приблизительно двухчасовая поѣздка на моторахъ, по прекрасной ровной дорогѣ.

Здѣсь, оказывается, все время стояла такая же суровая, совсѣмъ зимняя погода, какъ и въ Англии. Холмы и поля покрыты снѣгомъ, окутаны мглой, небо сѣрое, непривѣтливое. Было уже совсѣмъ темно, когда мы доѣхали до „Château“—довольно большого сѣраго двухъэтажнаго дома простой архитектуры, стоящаго въ концѣ аллеи старыхъ высокихъ тополей. Хозяева Château живутъ въ Парижѣ и

предоставили домъ свой въ распоряженіе англійскихъ военныхъ властей. Обычно они занимали Château только въ лѣтніе мѣсяцы, и потому тамъ нѣтъ никакихъ настоящихъ приспособленій для отопленія. Въ нижнемъ этажѣ, гдѣ находится столовая, гостиная, пріемная и билліардная, теперь поставлены желѣзныя печки и керосинки, но наверху въ спальняхъ,—съ отличными постелями, опрятными уборными и удобной мебелью,—температура не превышаетъ 5° по Реомюру и спать приходится въ шерстяномъ бѣльѣ, спрятавшись подъ перину. Спалось, впрочемъ, отлично, и никто не схватилъ насморка.

Къ обѣду пріѣхалъ другой офицеръ, капитанъ Рейнольдъ, сопровождавшій насъ въ теченіе послѣдующихъ трехъ дней въ нашихъ поѣздкахъ,—старый знакомый моего брата по его службѣ въ Индіи. Выяснилась программа нашего посѣщенія. Ежедневно мы выѣзжали на моторахъ въ 8½—9 часовъ утра. Въ первый день визитъ къ командиру одной изъ армій, потомъ поѣздка въ разрушенный городокъ V. и въ другой городокъ S. И здѣсь, и тамъ дѣятельно работаетъ англійская артиллерія. Второй день—поѣздка къ морю для осмотра одной изъ тыловыхъ базъ, питающихъ армию. Третій день—поѣздка во Фландрію, на передовыя позиціи, и визитъ къ командиру другой арміи. Въ первый же день мы были приглашены главнокомандующимъ, сэромъ Дугласомъ Хэгомъ, къ обѣду. Познакомивъ насъ съ этой программой, намъ вручили карты мѣстностей, по которымъ лежалъ нашъ маршрутъ. Часовъ въ одиннадцать мы разошлись по своимъ комнатамъ. Въ моей оказались на стѣнахъ портреты Маріи Антуанеты, Наполеона и Гамбетты,—доказательство политическаго эклектизма хозяевъ. Кругомъ дома все было тихо,—только изрѣдка гдѣ-то недалеко лаяли собаки. „Какими странными и непредвидѣнными путями попали мы въ эту провинціальную глушь Сѣверной Франціи“,—думалъ я, засыпая.—И мнѣ, казалось, что все кругомъ—тоже недоумѣваетъ...

На другой день, около девяти часовъ утра, къ входнымъ дверямъ подали два автомобиля. Въ одномъ помѣстились В. И. Немировичъ-Данченко, кап. Рейнольдзъ и я. Въ другомъ—гр. А. Н. Толстой и г. Бальфуръ. Утро было сырое, туманное. Погода въ этотъ день причинила намъ большія непріятности, такъ какъ нельзя было видѣть на сколько-нибудь далекое разстояніе. Командующій арміей—высокаго роста, статный и бодрый генераль, лѣтъ на видъ подь шестьдесятъ, принималъ насъ въ хорошенькой виллѣ, гдѣ онъ помѣщается со своимъ штабомъ. Нечего и говорить, что и онъ, и всѣ другіе высшіе начальники отнеслись къ намъ съ тѣмъ же радушіемъ и привѣтливимъ вниманіемъ и выражали свое искреннее удовольствіе по поводу нашего посѣщенія. Между прочимъ, генераль показалъ намъ только что сфотографированныя съ аэроплана воронки, произведенныя взрывомъ минъ и занятія англійскими войсками. Эти фотографіи даютъ полную иллюзію луннаго пейзажа. Правда, большіе успѣхи сдѣлало челоувѣчество. Прежде воевали на сушѣ и на водѣ, теперь воюють, кромѣ того, въ воздухѣ, подь водой, даже подь землей, и эта послѣдняя форма войны уже имѣетъ свои особые приемы и секреты, своихъ спеціалистовъ, своихъ безвѣстныхъ героевъ... Свиданіе наше съ генераломъ было непродолжительное. Мы спѣшили къ мѣсту назначенія, въ V., минуя A., B., S. и рядъ другихъ городовъ и мѣстечекъ, названія которыхъ, прежде невѣдомыя, прославились въ первый годъ войны. Чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ чаще и чаще на пути нашемъ попадались, то навстрѣчу, то обгоняемая нами, части войскъ, военные грузовики, мотоциклисты, мчащіеся съ головокружительной быстротой,—кавалеристы на великолѣпныхъ рослыхъ и откормленныхъ лошадяхъ; мулы, повозки и моторы Краснаго Креста. При въѣздѣ въ какое-то мѣстечко, большая вывѣска протянулась черезъ дорогу на двухсаженной высотѣ:

„please slow down“,—„пожалуйста, замедлите ходъ“,—а при выѣздѣ—такая же вывѣска съ надписью: „thank you“—„спасибо“,—значить, поблагодарили—и можно опять ѣхать большой скоростью. Конечно, на каждой вывѣскѣ надписи

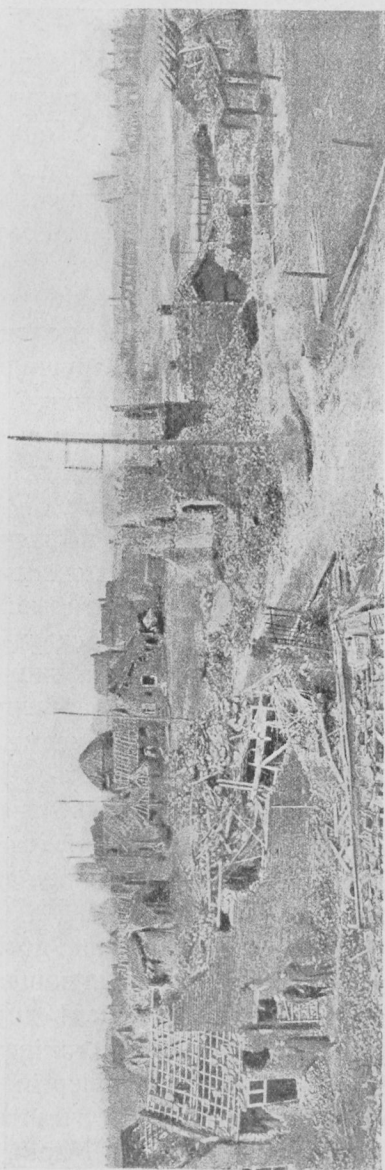

Воронка въ г. V.

на обѣихъ сторонахъ, въ обратномъ порядкѣ. Практично—и вѣжливо: воюють джентльмэны.

Въ населенныхъ пунктахъ раскинулись артиллерійскіе и автомобильные парки. Стоять нескончаемыми рядами грузовики, кругомъ нихъ копошатся шофферы, тщательно осматривая ихъ, смывая грязь, смазывая и провѣряя части.

Тамъ и здѣсь устроены лагери, дымятся кухни. Вездѣ большое оживленіе, и на каждомъ шагу признаки обдуманной системы, порядка и дисциплины. Первые слѣды разрушенія — въ довольно большомъ городѣ В., куда изрѣдка залетаютъ снаряды. Но полную и грозную картину мы находимъ только въ V. Этотъ городокъ осенью 1914 года находился въ нѣмецкихъ рукахъ. Онъ былъ занятъ нѣмцами при первомъ ихъ наступленіи, въ самомъ началѣ кампаніи въ западной Фландріи, и взятъ обратно французами въ декабрѣ того же года, послѣ необычайно ожесточеннаго боя, начатаго артиллеріей и закончившагося на улицахъ V. Въ центрѣ города находился такъ наз. Château,—особнякъ, принадлежавшій богатому мѣстному фабриканту—переходившій нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки; былъ моментъ, когда въ верхнемъ этажѣ еще держались нѣмцы, а нижній уже былъ захваченъ французами, и перестрѣлка шла черезъ потолокъ, который рухнулъ, и немногіе еще уцѣлѣвшіе нѣмцы провалились внизъ. То-то, должно быть, была кошмарная картина! Теперь отъ замка остались развалины. Въ такомъ же видѣ и всѣ другіе дома,—исключеній я не видалъ: сплошное разрушеніе, какъ будто систематическое. Вотъ остатки церкви, позади которой возвышается большое Распятіе, уцѣлѣвшее одно въ этомъ царствѣ смерти. Кое-гдѣ еще видны вывѣски. Конечно, городъ обезлюдѣлъ еще тогда, полтора года тому назадъ,—жизнь отъ него отхлынула. Вернется ли она когда-нибудь сюда? Сколько пройдетъ времени, пока эти опустошенныя, словно выжженныя мѣста станутъ похожими на прежнія? Какая для этого потребуется энергія, какія средства! Вотъ мысли, невольно приходившія въ голову, пока мы шагали по грязнымъ, неровнымъ плитамъ мостовой, прислушиваясь къ непрерывному грохоту орудій. Здѣсь расположена очень хорошо скрытая артиллерія. Отсюда же начинается линія окоповъ, ведущихъ къ передовымъ позиціямъ. Мы прошли въ помѣщеніе одного изъ начальниковъ, живущаго здѣсь же, въ окопахъ. Его „кабинетъ“ вырытъ на

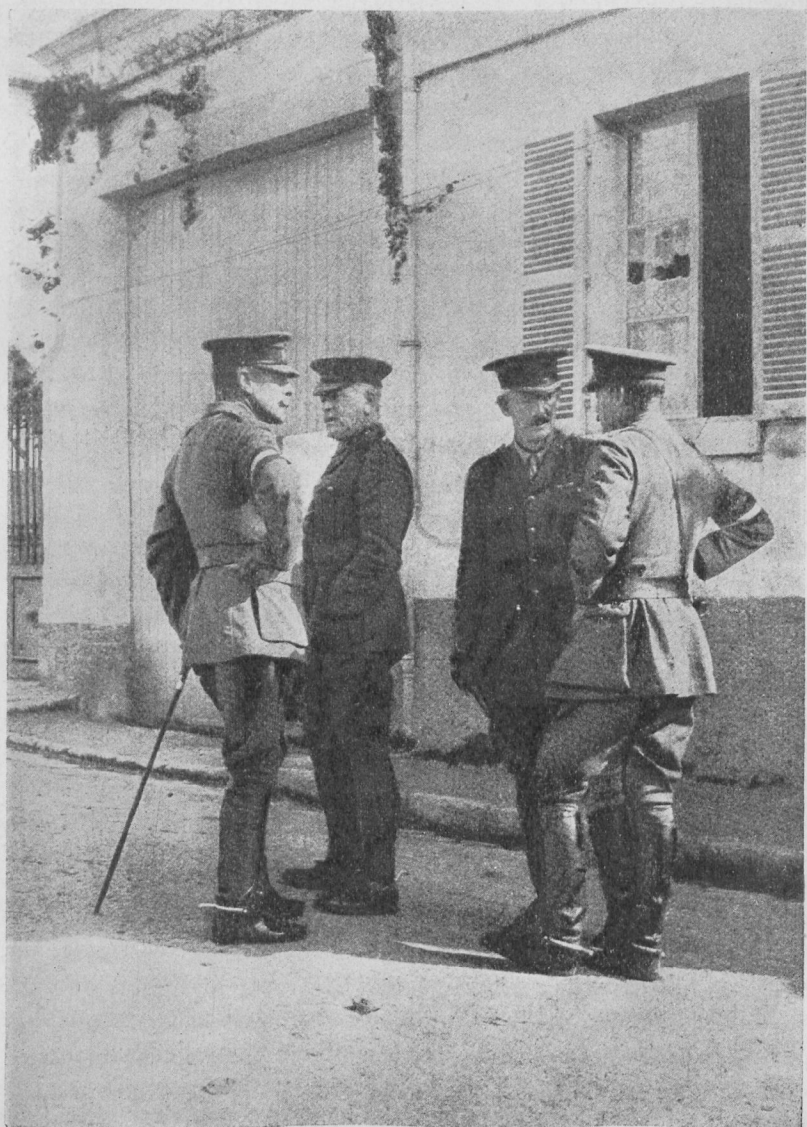

Връзды въ г. V.

глубинѣ нѣсколькихъ аршинѣ, а къ спальнѣ ведетъ рядъ ступенекъ, уходящихъ сажени на двѣ въ землю. Вездѣ вода и жидкая грязь. Пройдя оттуда обратно къ бывшему городу, мы зашли въ одну изъ центральныхъ кухонь, откуда супъ развозится въ бутылкахъ „Термосъ“. Наступалъ обѣденный часъ, супъ былъ готовъ, и мы захотѣли его попробовать: онъ оказался очень вкуснымъ, но сильно поперченнымъ. Затѣмъ прошли къ скрытой батарее, только что начинавшей дѣйствовать. Нѣмцы не отвѣчали. Намъ очень хотѣлось пройти къ передовой линіи окоповъ, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ потребовалось бы еще часа полтора, что совершенно нарушило бы установленную программу, включавшую завтракъ у начальника дивизіи. Волей-неволей пришлось вернуться къ автомобилямъ и ѣхать обратно, въ мѣстечко Х., гдѣ помѣщается начальникъ дивизіи со своимъ штабомъ.

Вторая часть дня посвящена была поѣздкѣ на другую артиллерійскую позицію, съ наблюдательнымъ пунктомъ, расположеннымъ на мѣстѣ, откуда открывается широкій горизонтъ,—въ этотъ день, на наше несчастье, застланный туманомъ, сквозь который проступали лишь смутныя и неясныя очертанія далекихъ лѣсовъ, фабричныхъ трубъ и отдѣльныхъ домовъ. Вся мѣстность кругомъ этого пункта изрыта снарядами... Сегодня нѣмцы и здѣсь не отвѣчаютъ англійскимъ гаубицамъ, работу которыхъ мы наблюдаемъ сверху, но недолго: туманъ мѣшаетъ ориентироваться какъ слѣдуетъ, и стрѣльба прекращается еще задолго до наступленія сумерекъ.

Въ исходѣ седьмого часа мы были дома и полчаса спустя ѣхали обѣдать къ главнокомандующему, сэру Дугласу Хэгу. Тамъ мы встрѣтили, въ числѣ другихъ, знаменитаго лорда Дарби (Derby), главу Recruiting Office, положившаго колоссальное количество энергіи и труда на осуществленіе набора добровольцевъ. Въ штабѣ главнокомандующаго служить братъ королевы Маріи, герцогъ Текскій (Duke of Teck). За обѣдомъ я сидѣлъ между нимъ и

Налѣво: сэръ Дугласъ Хэгъ и ген. Монро.

начальникомъ штаба, съ которымъ велъ оживленную бесѣду, коснувшуюся, между прочимъ, вопроса о будущей системѣ обязательной военной службы въ Англии. Здѣсь, на фронтѣ, мнѣ пришлось услышать мнѣнія, прямо противоположныя лондонскимъ взглядамъ. Между прочимъ, командующій одной изъ армій сказалъ мнѣ: „Не забудьте, что послѣ войны всѣ эти милліоны солдатъ, по возвращеніи домой, вновь превратятся въ избирателей,—и, конечно, они всѣ будутъ сторонниками обязательной службы. Опытъ долженъ былъ ихъ убѣдить въ ея необходимости“. Въ какой формѣ должна осуществиться эта служба, возможно ли ограничиться просто той или другой системой обязательнаго военнаго обученія и воспитанія, приспособленной къ общему школьному обученію, или же надо идти и дальше, введя настоящую повинность—на этотъ счетъ мнѣнія расходятся. Лично я увѣренъ, что Англія и здѣсь сумѣетъ найти самостоятельные, оригинальные пути.

Сэръ Дугласъ Хэгъ сидѣлъ противъ меня, разговаривая во время обѣда вполголоса со своими сосѣдами—В. И. Немировичемъ-Данченко и лордомъ Дарби. У него матово-блѣдное, красивое, характерное лицо,—слегка вьющіеся сѣдѣющіе волосы и острый взглядъ свѣтлыхъ глазъ, выражающихъ умъ и сильную волю. Когда мы встали послѣ обѣда и перешли въ сосѣдную комнату, онъ подошелъ ко мнѣ и, начавъ обычными любезными фразами, высказалъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній по поводу Вердена, въ судьбѣ котораго онъ былъ совершенно увѣренъ. Какъ и многіе другіе, онъ спрашивалъ меня о положеніи нашихъ военныхъ дѣлъ, о нашемъ вооруженіи, о путяхъ сообщенія. Кстати замѣчу, что и онъ, и его начальникъ штаба съ большимъ сочувствіемъ и удовлетвореніемъ говорили о назначеніи ген.-ад. Куропаткина.

Второй день нашего пребыванія во Франціи былъ цѣликомъ занятъ поѣздкой въ приморскій городъ, питающій часть арміи. Англичане правильно разсудили, что организація снабженія арміи всѣмъ необходимымъ не можетъ

насъ не интересовать. Всякому понятно, какія трудности представляетъ эта организація при существующихъ условіяхъ, географическихъ и иныхъ. И надо сказать, что задача разрѣшена блестяще. Здѣсь не жалѣли ни денегъ, ни силъ. Возвели обширнѣйшіе, прочные ангары, на каменномъ основаніи, крытые желѣзомъ, и сдѣлали это со сказочной быстротой. Проложили вездѣ рельсовые пути, провели электричество. Устроили рядъ огромныхъ мастерскихъ для ремонта одежды, обуви, вооруженія и снаряженія, велосипедовъ, кухонъ, повозокъ, противогазовыхъ масокъ. Вездѣ кипитъ работа, дающая хлѣбъ тысячамъ, здѣсь занятымъ. Все поломанное, попорченное, разорванное—если оно не приведено въ окончательную негодность, — привезенное сюда, чинится, передѣлывается, исправляется и въ совершенно обновленномъ видѣ посылается обратно на фронтъ. Мастерскія непрерывно расширяются и растутъ. Въ ближайшемъ будущемъ сапожная мастерская будетъ изготовлять до 30.000 паръ сапогъ въ недѣлю, причемъ эти „ремонтированные“ сапоги ничѣмъ не отличаются, ни по внѣшнему своему виду, ни по качествамъ, отъ совершенно новыхъ, стоя ровно вдвое дешевле. Мы видѣли цѣлыя горы велосипедовъ, сложенныхъ у воротъ ангара. На видъ—это ломъ, ржавая рухлядь. На самомъ дѣлѣ, пройдя черезъ ремонтную мастерскую, большая часть „возвращается въ строй“ и продолжаетъ службу.

Получается впечатлѣніе, что въ англійской арміи ничто не пропадаетъ. Даже ветошь, тряпки собираются, сортируются и продаются на вѣсъ за большія деньги, послѣ тщательной дезинфекции. Сюда присылаются маски, бывшія въ употребленіи и попорченныя газами. Здѣсь онѣ подвергаются ряду химическихъ процессовъ и снова приводятся въ годность. Въ мастерской, гдѣ ремонтируются маски, работаютъ только женщины—мѣстныя жительницы. Порядкомъ завѣдуетъ англичанка, до войны принимавшая дѣятельное участіе въ суффражистскомъ движеніи. Мы примѣрили маски. Онѣ устроены такъ, что въ самомъ

дѣлѣ абсолютно предохраняють отъ дѣйствія газовъ, а надѣтъ ихъ—дѣло нѣсколькихъ секундъ.

Очевидно, здѣсь имѣется множество отличныхъ специалистовъ, такъ какъ иныя работы—напримѣръ, ремонтъ пулеметовъ—требуютъ большихъ техническихъ знаній и умѣнія обращаться со сложными машинами. Работы идутъ лихорадочнымъ темпомъ, должны быть напрягаемы всѣ усилія для того, чтобы совершался правильный оборотъ и не накапливалось залежей. Конечно, здѣсь царить строгая, чисто-военная дисциплина, которой подчиняются и мужчины, и женщины, составляющія большинство.

Въ другомъ мѣстѣ—склады автомобильныхъ принадлежностей и запасныхъ частей: начиная съ шинъ и кончая всевозможными мелкими винтами, назначеніе которыхъ извѣстно только посвященнымъ. Все это разсортировано въ величайшемъ порядкѣ, по опредѣленной системѣ, и получается возможность сразу найти подходящую часть для каждой изъ многочисленныхъ марокъ, принятыхъ въ арміи, и отправить ее на мѣсто для замѣны пришедшей въ негодность.

Но особенно поражаютъ своей огромностью и благоустройствомъ склады пищевыхъ продуктовъ, одежды и обуви. Войдя въ такой складъ, вы видите передъ собой какъ бы рядъ улочекъ, тянущихся вдоль зданія и пересѣкаемыхъ поперечными, но улочки эти образуются не строеніями, а плотно нагроможденными почти до самой крыши деревянными ящиками: тутъ и сухари всемірно извѣстной фирмы Huntley-Palmers, и такъ называемые „iron rations“—запаянные въ жестяныя коробки суточные пайки, раздаваемые передъ боемъ, и варенье, и мясные консервы, и сыръ, и сахаръ. Въ отдѣльномъ помѣщеніи—большія глиняныя фляги съ ромомъ. Затѣмъ—безконечные ряды ящиковъ съ сапогами, рубашками, всѣми частями солдатской одежды. Все это непрерывно расходуется и пополняется. Но есть и крупный неприкосновенный запасъ, рассчитанный на возможное временное прекращеніе сооб-

шенія съ Англіей. Нечего и говорить, что все это размѣщено и расположено въ высшей степени практично и цѣлесообразно. Самый порядокъ нагрузки и отправки продуктовъ поражаетъ своей простотой и остроуміемъ. Каждая часть войскъ, обозначаемая условнымъ терминомъ „секція номеръ такой-то“, имѣетъ свое отдѣленіе въ пакгаузѣ, мимо котораго идетъ рельсовый путь, и свои вагоны, съ соотвѣтствующими номерами. Изъ cadaго отдѣленія продукты, доставленные изъ складовъ, согласно поступающимъ наканунѣ требованіямъ, прямо грузятся въ вагонъ, предназначенный именно для этого отдѣленія и носящій номеръ этой же секціи. Затѣмъ эти вагоны отводятся и распределяются по рельсовымъ путямъ согласно своему назначенію. Между прочимъ, мнѣ пришлось неоднократно слышать отъ англичанъ самые лучшіе отзывы о функционированіи французскихъ желѣзныхъ дорогъ, работающихъ съ величайшимъ напряженіемъ, аккуратностью и точностью и удовлетворяющихъ очень большимъ требованіямъ.

Осматривали мы и хлѣбопекарню, устроенную въ помещеніи, которое до войны было занято писчебумажной фабрикой, принадлежавшей нѣмецкому подданному. Сейчасъ это самая большая пекарня во Франціи. Здѣсь ежедневно выпекается и вывозится много десятковъ тысячъ хлѣбовъ изъ превосходной муки, легкихъ, съ аппетитной, хрустящей подъ зубами, коркой,—настоящее лакомство! Чрезвычайно словоохотливый специалистъ, завѣдующій хлѣбопекарней, съ гордостью водилъ насъ по всѣмъ ея отдѣламъ, подробно объясняя всѣ устройства съ педантической точностью, перебирая всѣ стадіи хлѣбопеченія,—такъ что вызвалъ даже нѣкоторое нетерпѣніе у нашихъ провожатыхъ. Они, вообще, боялись, что мы будемъ нѣсколько разочарованы, проведя цѣлый день въ тылу,—но мы постарались ихъ успокоить, увѣривъ ихъ по совѣсти, что безъ этого осмотра мы никогда бы не получили сколько-нибудь полной картины размаха англійскихъ средствъ, англійской изобрѣтательности и энергіи.

ХІІІ.

Наступилъ третій и послѣдній день нашего пребыванія на англійскомъ фронтѣ. Надъ нами, наконецъ, смѣлостивилась погода: съ утра выглянуло солнце, показалось синее небо, стало теплѣе. Въ обычный часъ выѣхали автомобили, но поѣхали мы на этотъ разъ въ разныя стороны. В. И. Немировича-Данченка наши хозяева не рѣшились везти въ окопы, опасаясь, что его черезчуръ утомить продолжительная ходьба по очень неудобнымъ мѣстамъ. Взамѣнъ этого ему показали Ипръ и другія мѣста по близости. Онъ поѣхалъ отдѣльно, съ кап. Скэльзъ. Наши же два автомобиля (въ одномъ—кап. Рейнольдзъ и я, въ другомъ—гр. Толстой и г. Бальфуръ) послѣ двухчасовой ѣзды добрались до мѣстечка Р. во Фландріи, расположеннаго позади передовыхъ окоповъ. По дорогѣ мы наблюдали тѣ же картины, что и въ первый день, но подъ лучами весенняго солнца люди казались еще бодрѣе и оживленнѣе, лошади—еще наряднѣе.

Мѣстечко отдѣляется отъ линіи окоповъ довольно большимъ и густымъ лѣсомъ, по которому проложены въ разныя стороны мостки, носящіе названія популярныхъ лондонскихъ улицъ. Лѣсъ неоднократно подвергался обстрѣлу, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ многія, наполовину снесенныя, деревья. Другія сплошь покрыты слѣдами шрапнельныхъ пуль, словно истыканы. Сейчасъ лѣсъ весь полонъ пѣнія птицъ, щебечущихъ и свистящихъ на всѣ лады и не умолкающихъ даже тогда, когда гремятъ пушечные выстрѣлы: очевидно, онѣ привыкли къ этому аккомпанименту. По мосткамъ, неровнымъ и скользкимъ, идти трудно. Но на обратномъ пути, послѣ того, какъ мы побываемъ въ окопахъ, мы оцѣнимъ разницу. Сегодня нѣмецкія батареи молчатъ и здѣсь. „Разговариваетъ“—и очень внушительно—только одна сторона.

Мы идемъ по лѣсу, оставивъ автомобили гдѣ-то далеко на дорогѣ. Впереди идетъ маіоръ N., свой человекъ въ

томъ лабиринтѣ, куда мы попадаемъ по выходѣ изъ лѣсу. Онъ ведетъ насъ рѣшительно и безошибочно.

Внѣшній видъ окоповъ хорошо извѣстенъ по фотографіямъ. Здѣсь они производятъ такое же внушительное

Лѣсъ около П.

впечатлѣніе, какъ и приморскіе сараи и склады, своею прочностью, тщательностью работы, обиліемъ использованнаго матеріала. Кажется, что и здѣсь сооружалось нѣчто фундаментальное, предназначенное для долгой, очень

долгой службы. Даже трудно себѣ представить, чтобы наступило время, когда всѣ эти глубокіе ходы, со всевозможными укрытіями, бороздящіе почву на пространствахъ сотенъ верстъ, станутъ ненужными и мирно зарастутъ травой! Вообще, какъ-то не вѣрится, чтобы здѣсь могла быть какая-нибудь другая жизнь, кромѣ той, что здѣсь сейчасъ кипитъ. Такъ и кажется, что идетъ какая-то издавна налаженная, ставшая привычной и нормальной, работа, исполняемая въ условіяхъ привычной и нормальной жизни. Всѣ встрѣчные кажутся такими спокойными и беззаботными, такъ весело и добродушно посматриваютъ, съ такой расторопностью отвѣчаютъ на вопросы. А между тѣмъ, сидя здѣсь, ни одинъ не можетъ поручиться, что до смѣны останется въ живыхъ.

Почва здѣсь состоитъ изъ желтой глины, смѣшанной съ пескомъ, съ ней очень нелегко справляться. Мы увязали бы выше колѣна, если бы по всѣмъ ходамъ не были проложены узенькіе рѣшетчатые мостки, опирающіеся на ребромъ поставленныя доски. Это была египетская работа, но она принесла колоссальное облегченіе. Тамъ, гдѣ такихъ мостковъ нѣтъ, ходьба въ окопахъ превращается въ тяжелое, утомительное физическое упражненіе. Мы никогда не смогли бы продѣлать ту двухчасовую — приблизительно — „прогулку“, которая не стоила намъ особенно большихъ усилій. Правда, Толстой подъ конецъ еле плелся, но въ этомъ были виноваты не окопы, а необыкновенные какіе-то сапоги изъ толстѣйшей кожи, купленные имъ спеціально для поѣздки на фронтъ и превратившіеся въ своего рода испанскіе сапоги—изошренное орудіе пытки. Конечно, мы нерѣдко скользили, чуть не падали и вышли изъ окоповъ, сильно перепачкавшись. Во все время нашего обхода пушечная пальба не прекращалась, то-и-дѣло слышалось визжаніе пролетающихъ надъ нашими головами снарядовъ, посылаемыхъ туда, къ нѣмцамъ. Изрѣдка въ эту музыку вносилъ разнообразіе свистъ случайной пули. Высоко въ синемъ небѣ зарѣялъ аэропланъ, тотчасъ окру-

женный, словно гирляндой, бѣлыми облачками разрывающихся шрапнелей. Поворачивая то направо, то налево, мы зигзагами выбрались до первой линіи окоповъ.

Дорога въ лѣсу.

По дорогѣ бросались въ глаза типическія особенности англійской солдатской жизни въ окопахъ. Словъ нѣтъ, здѣсь живется очень не сладко, но, кажется, сдѣлано все, чтобы облегчить и улучшить неизбѣжныя тягости этой полу-подземной жизни. Вырытыя въ землѣ жилия помѣ-

шенія устланы брезентами. Видна всякая домашняя утварь. Всѣ люди всегда свѣже-выбриты: это — абсолютное правило, и офицеры первые подаютъ примѣръ. Заботы о гигиенѣ напоминаютъ о себѣ запахомъ дезинфекции: отхожія мѣста устроены позади окоповъ, но здѣсь, въ окопахъ, имѣются повсюду signs, съ надписями. Во время нашего обхода кончался обѣденный часъ, и намъ то-и-дѣло попадались солдаты, жующіе бисквиты Huntley-Palmers, густо намазанные вареньемъ.

Отъ передовой линіи до нѣмецкихъ окоповъ настолько близко, что по вечерамъ иногда слышна музыка: такъ было наканунѣ нашего пріѣзда, вѣроятно, по случаю субботняго вечера. Виденъ дымъ нѣмецкихъ кухонъ. Изъ подозрительной трубы наблюдательнаго пункта и въ перископѣ видна вся линія нѣмецкихъ окоповъ, ровная, прямая, съ широкой полосой проволочныхъ загражденій и кольевъ впереди. Противники зорко слѣдятъ другъ за другомъ. Намъ все время напоминали наши спутники, что высунуть хоть на секунду голову, значитъ подвергнуться риску получить пулю: тамъ, какъ и здѣсь, въ разныхъ мѣстахъ, стоятъ на чеку мѣткіе стрѣлки, не теряющіе удобнаго случая. Родственникъ кап. Рейнольдза нѣсколько дней назадъ погибъ такимъ образомъ: ему прострѣлили голову.

Въ самихъ окопахъ, конечно, довольно безопасно, но эта безопасность — относительная. Не говоря уже о минахъ, бываютъ случаи, когда въ окопы попадаютъ снаряды, а въ то мѣсто, которое мы посѣтили, во время самага нашего обхода, словно желая доставить намъ интересныя ощущенія, нѣмцы принялись стрѣлять гранатами, разрывавшимися у самыхъ окоповъ, наполняя воздухъ удушливымъ запахомъ и чернымъ дымомъ. (Кстати, я забылъ упомянуть, что и въ первый, и въ этотъ день насъ всѣхъ снабдили — на всякій случай — сумками съ противогазовыми масками). Одна такая граната разорвалась шагахъ въ 8—10 впереди насъ, осыпавъ землей и кусочками дерева. Поневолѣ пришлось на минуту всѣмъ остановиться.

Мѣстами окопъ настолько сужается, что двумъ людямъ трудно разойтись. Особенно трудно пролѣзать въ наблюдательные пункты, увязая въ жидкой грязи. Кое-гдѣ рыли новыя траншеи, клали мостки, выкачивали воду. Она здѣсь — главный врагъ, съ которымъ труднѣе всего бороться.

Наступало время возвращенія, — нашей своеобразной прогулкѣ приходилъ конецъ. Выйдя изъ окоповъ и быстро пройдя по открытой полянкѣ, мы пошли мимо небольшого кладбища, съ деревянными крестами, на которыхъ написаны безвѣстныя имена павшихъ смертью храбрыхъ. Иные изъ этихъ крестовъ уже потемнѣли, другіе — совсѣмъ свѣжіе, какъ свѣжи могилы, оскѣненные ими. Когда-нибудь, когда кончится война, сюда придутъ жены, отцы, матери, — искать дорогія имена. А потомъ — жизнь сдѣлаетъ свое дѣло: погнутыя и истлѣютъ кресты, сравняются и зарастутъ могилы, и въ этомъ уголкѣ земли, гдѣ за много вѣковъ столько было пролито крови, исчезнутъ всякіе слѣды послѣдней бойни.

Пройдя обратно лѣсомъ, мы нашли свои автомобили и поѣхали къ начальнику дивизіи, пригласившему насъ завтракать. Оказалось, что веселый и энергичный генералъ, принимавшій насъ, давно когда-то былъ въ Россіи и даже зналъ немного по-русски, но теперь помнитъ только нѣсколько словъ, въ родѣ „здравствуйте“ и „до свиданія“. Отъ него, между прочимъ, я узналъ, что Уинстонъ Черчилль за короткое время своей службы на фронтѣ дважды подвергался смертельной опасности: въ его спальню попало два снаряда. Генералъ шутливо замѣтилъ, что нѣмцы какъ будто слѣдятъ за Черчиллемъ и усиливаютъ огонь артиллеріи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Черчилль появляется со своей частью.

По обыкновенію, и здѣсь, и попозже, за чаемъ, у командующаго арміей, пришлось отвѣчать на рядъ жадныхъ вопросовъ: какое настроеніе въ русской арміи, — чего ожидаютъ отъ предстоящихъ операцій, какъ обстоитъ

со снарядами и винтовками, когда откроется путь къ Архангельску. И такъ же, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, не было сдѣлано ни одного намека, ни одного вопроса, касающагося больныхъ сторонъ нашей внутренней политики и домашнихъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи англійскіе офицеры проявляли большой тактъ.

Былъ уже четвертый часъ, когда мы простились съ генераломъ и поѣхали дальше. Путь нашъ лежалъ по направленію къ высокому холму, съ вершины котораго открывается во всѣ стороны великолѣпный видъ и въ ясные дни видны на далекое пространство линіи окоповъ и остатки Ипрскихъ башенъ. Къ сожалѣнію, когда мы влѣзли на его вершину, то оказалось, что горизонтъ окутанъ легкимъ туманомъ, мѣшающимъ видѣть сколько-нибудь отчетливо. Пришлось повѣрить на слово, что еле замѣтное продолговатое бѣлесоватое пятно, поблескивающее въ туманѣ—остатки ипрской ратуши, а темная линія, бѣгущая параллельно горизонту—нѣмецкіе окопы. Потомъ, у командующаго арміей, мы видѣли превосходныя фотографіи Ипра,—и я понялъ то выраженіе какого-то мистическаго ужаса, съ которымъ одинъ молодой офицеръ мнѣ о немъ говорилъ: „It is as flat as your hand“—„Ипръ—это плоское мѣсто, какъ ваша ладонь“. Это—нѣкоторое преувеличеніе, но все же трудно себѣ представить болѣе жуткую картину разрушенія.

Мнѣ рассказывали про одну кошмарную подробность. Какъ извѣстно, при обстрѣлѣ изъ тяжелыхъ орудій нѣмцы съ особенной тщательностью выискиваютъ и разрушаютъ церкви, полагая, что ихъ высокія башни легко могутъ быть приспособлены для наблюденія и сигнализациі. По обыкновенію, церкви окружены кладбищами, куда, разумѣется, попадаетъ очень много снарядовъ. Они вырываютъ могилы, выворачиваютъ гробы,—гробы разваливаются,—и обнаженные скелеты въ разныхъ позахъ валяются на кучахъ взрытой земли. Въ мѣстечкѣ, откуда мы ходили въ окопы, одинъ изъ нашихъ спутниковъ расска-

зываетъ, что послѣ одной такой бомбардировки онъ видѣлъ скелетъ, оказавшійся въ сидячемъ положеніи надъ обломками вывороченнаго изъ могилы и разбитаго гроба и словно вперившій куда-то вдаль свои зіяющія пустыя глазныя впадины.

XIV.

На обратномъ пути я много говорилъ съ моимъ спутникомъ на тему о трудностяхъ, съ которыми связаны для Англій подготовка и пополненіе кадровъ офицерскаго состава. Этого же вопроса мнѣ неоднократно приходилось касаться въ бесѣдахъ съ высшими начальствующими лицами. Нельзя, конечно, отрицать эти трудности. Здѣсь сильнѣе всего сказываются историческія условія англійской жизни—государственной и общественной, гдѣ офицерство искони составляло привилегированную и очень немногочисленную группу. Какъ извѣстно, въ Англій есть только двѣ высшія военныя школы, выпускающія сравнительно немного офицеровъ. Первые мѣсяцы войны внесли большія опустошенія въ ихъ ряды. Теперь, конечно, приходится—въ Англій, какъ и въ другихъ странахъ—напрягать всѣ усилія для того, чтобы не прекратился приливъ новыхъ подготовленныхъ элементовъ. Устраиваются практическія занятія съ инструкторами, всякіе спеціальныя курсы. Съ самаго начала войны организованъ, такъ называемый, Officers Training Corps—предметъ большихъ заботъ и большого вниманія со стороны Китченера. Какъ это часто бываетъ въ Англій, очень трудно точно опредѣлить, какія условія, какой цензъ нужны для того, чтобы имѣть право получить comission, то-есть офицерскій чинъ (такъ называемые по comissioned officers, сокращенно N. C. O.—соотвѣтствуютъ нашимъ унтеръ-офицерамъ и фельдфебелямъ). Требуется извѣстная степень образованія и извѣстное общественное положеніе, а также рекомендація со стороны лицъ, пользуя-

щихся довѣріемъ высшаго военного начальства. Затѣмъ необходимо нѣкоторый срокъ дѣйствительной службы въ войскахъ. Послѣ производства въ первый чинъ дальнѣйшая карьера вполнѣ зависитъ отъ боевыхъ отличій,—вообще отъ того, насколько данное лицо окажется способнымъ и пригоднымъ къ исполненію военной службы. Нечего и говорить, что эта карьера часто совершается съ головокружительной быстротой.

При теперешнихъ условіяхъ позиціонной войны, испытываемыя затрудненія,—какъ они ни велики—нѣсколько упрощаются въ виду того, что эта позиціонная война не требуетъ отъ офицерскаго состава ни особой активности, ни особыхъ знаній. (Конечно, я здѣсь имѣю въ виду одну только пѣхоту). Въ будущемъ, съ переходомъ въ наступленіе, задача должна будетъ еще осложниться.

Къ вечеру этого дня мы вернулись въ нашъ Château, гдѣ нашли В. И. Немировича-Данченка, безгранично довольнаго своей поѣздкой на Ипръ и другія мѣста. Еще наканунѣ мы рѣшили воспользоваться нашимъ пребываніемъ во Франціи и проѣхать на два дня въ Парижъ. Намъ глубоко интересовала картина Парижа во время войны,—и особенно,—во время грозныхъ верденскихъ дней. Ожидалось приглашеніе со стороны французскаго правительства—посѣтить французскій фронтъ: это приглашеніе, дѣйствительно, послѣдовало, но, къ сожалѣнію, я имъ не могъ,—по личнымъ причинамъ,—воспользоваться, да и получено оно было нами уже послѣ возвращенія въ Англію. Такимъ образомъ, въ Парижъ мы поѣхали безъ всякой официальной миссіи, простыми туристами, и не раскаялись въ нашей поѣздкѣ, хотя она и стоила намъ большаго утомленія вслѣдствіе особенностей теперешняго желѣзнодорожнаго и пароходнаго сообщенія между Парижемъ и Лондономъ.

Выѣхали мы изъ нашего гостепріимнаго Château въ понедѣльникъ, 29 февраля (13 марта), въ девять часовъ утра,—и только къ семи часамъ вечера добрались до Парижа.

Постепенно по дорогѣ хаки стало смѣняться свѣтло-голубымъ сукномъ французскихъ мундировъ, а фуражки—полукруглыми, съ полями, стальными касками. Обѣ этихъ каскахъ говорятъ съ большимъ одобреніемъ. Онѣ сильно повліяли на уменьшеніе числа пораненій въ голову осколками и спасли не одну сотню жизней. Я пробовалъ надѣть такую каску. Словъ нѣтъ, разница въ вѣсѣ очень замѣтна, и *à la longue*, этотъ новый видъ старыхъ головныхъ уборовъ можетъ, пожалуй, сильно утомлять голову, привыкшую къ легкому кепи. Но, конечно, преимущества его слишкомъ очевидны, чтобы здѣсь могли быть какія-нибудь колебанія. Меня, однако, интересовалъ вопросъ:—какъ бы наши солдаты отнеслись къ этимъ каскамъ, если бы возникла мысль о ихъ примѣненіи въ русской арміи? Не думаю, чтобы онѣ могли стать у насъ популярными, и ужъ навѣрно ихъ бы окрестили какимъ-нибудь мѣткимъ словомъ...

По дорогѣ отъ моря къ Парижу, такъ же, какъ и на пути Ньюкэстль—Лондонъ, ежеминутно война о себѣ напоминаетъ. На остановкахъ раскрываются двери купэ и входятъ сборщицы съ кружками, собирающія на раненыхъ, на плѣнныхъ, на разныхъ *oeuvres*—на станціяхъ вездѣ военная охрана, по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги мелькаютъ лагеря, парки,—видны обучающіяся части войскъ, кавалерійскіе отряды. По мѣрѣ удаленія поѣзда отъ морского берега, становилось все теплѣе и яснѣе, и въ Парижѣ мы могли насладиться двумя весенними днями, голубымъ небомъ и яркимъ солнцемъ, о самомъ существованіи котораго такъ легко было забыть въ Лондонѣ.

Къ семи часамъ поѣздъ вошелъ въ *Gare du Nord*.

ПАРИЖЪ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ АНГЛІЮ

XV

первые я былъ въ Парижѣ въ 1895 году, и съ тѣхъ поръ, за двадцать одинъ годъ, не менѣе пятнадцати разъ подѣзжалъ къ нему по знакомой дорогѣ, упирающейся въ Gare du Nord. И въ памяти моей вставали привычныя картины, привычныя впечатлѣнія. Людный и гулкій вокзалъ, веселыя лица встрѣчающихъ и такія же веселыя лица пассажировъ, словно радовавшихся тому, что они добрались до Ville-Lumière,—самая эта Ville-Lumière, залитая огнями, широкіе тротуары, по которымъ непрерывно льется шумная оживленная толпа, безчисленные моторы, съ ихъ однообразнымъ характернымъ гудкомъ, сіяющія зеркальныя окна роскошныхъ магазиновъ, „террасы“ большихъ кафе съ безчисленными рядами столиковъ, оставляющихъ прохожимъ лишь узенькую тропинку, непрерывно вспыхивающія разноцвѣтныя свѣтотыя вывѣски, манящія рекламы бульварныхъ театровъ, то звонкіе, то хриплые возгласы

камло, уличныхъ продавцовъ, разносчиковъ,—и надъ всѣмъ этимъ какая-то особенная атмосфера жизнерадостности, беззаботности, что-то праздничное, свѣтлое. Да, конечно, эти впечатлѣнія—поверхностныя. Нарядный и веселый Парижъ заслоняетъ собой другой Парижъ, съ его лохмотьями и нищетою, съ язвами и пороками. Все же въ оглушительной полифоніи парижской жизни—для чужеземцевъ слышнѣ всего были голоса, пѣвшіе веселое allegro. И жизнь эта всегда привлекала своей безпечной, радостной стороной, неизмѣнно дѣйствовавшей даже на закоренѣлыхъ ипохондриковъ.

Теперешній Парижъ съ тѣмъ, привычнымъ, знакомымъ, любимымъ,—не имѣетъ ничего общаго. Контрастъ такъ великъ, что на первыхъ порахъ испытываешь прямо жуткое, потрясающее ощущеніе. Можетъ быть, такому впечатлѣнію содѣйствовалъ тотъ особенный моментъ, переживавшійся какъ разъ во время нашего двухдневнаго пребыванія: это былъ одинъ изъ наиболѣе тревожныхъ періодовъ верденскихъ дней. Можетъ быть, мы невольнo сопоставляли Парижъ съ Лондономъ, и это подчеркивало контрастъ. Но, во всякомъ случаѣ, не эти случайные приатки могли создать общее настроеніе, сразу охватившее меня и все возраставшее въ теченіе короткихъ двухъ дней, прожитыхъ въ „столицѣ міра“.

Началось съ первыхъ же шаговъ. Мы приѣхали въ Парижъ воинскимъ поѣздомъ. Такіе поѣзда, очевидно, приходятъ не только изъ Булони, а еще изъ разныхъ пунктовъ французскаго фронта и въ разные, не всегда напередъ опредѣленные и извѣстные часы. Ко времени ихъ прихода, въ самомъ зданіи вокзала, за рѣшеткой, въ проходахъ, по тротуарамъ прилегающей къ вокзалу улицы—вездѣ стоятъ густыя толпы народу,—большой частью, женщины: матери, жены, сестры, ожидающія своихъ близкихъ. Но на лицахъ не видно веселыхъ улыбокъ, предвкушающихъ радостную встрѣчу. Они чаще всего выражаютъ мучительную тревогу неизвѣстности, они ищутъ жадными глазами

въ толпѣ прибывшихъ—и не всегда находятъ. И такъ каждый день, а сейчасъ, когда все еще длится гомерическая схватка подъ Верденомъ, уносящая столько человѣческихъ жизней, растеть волненіе оставшихся, томительное безпокойство ожиданія.

Выйдя вслѣдъ за носильщиками на улицу и дождавшись „taxi“, мы поѣхали обычной дорогой безконечной улицы Лафайетъ къ нашей гостиницѣ, гдѣ мы наканунѣ предусмотрительно заказали себѣ комнаты. Было уже темно, но улицы показались намъ свѣтлѣе лондонскихъ,—быть можетъ, потому, что тамъ, въ Лондонѣ, вѣчный туманъ, нависшій надъ городомъ, еще сгущаетъ сумерки скуднаго освѣщенія. Но въ этотъ часъ центральныя улицы Лондона кипятъ жизнью, переполнены народомъ. Здѣсь же сразу поражаетъ какое-то безлюдье. Бульвары почти пусты,—мало прохожихъ, мало и автомобилей. Также, какъ и въ Лондонѣ, не видно освѣщенныхъ оконъ: всѣ они плотно завѣшаны. Театровъ издали не замѣтишь. Лишь немногіе *consommateur*’ы занимаютъ столики большихъ кафе. И тутъ Парижъ какъ-то стихъ. Сразу почувствовалось—Парижъ сталъ другимъ,—и съ каждымъ часомъ это чувство усиливалось.

Наша гостиница тоже стала другою. Я жилъ въ ней два года тому назадъ, за два мѣсяца до войны, въ разгаръ парижскаго сезона. Она недавно была открыта, и въ ея нарядномъ ресторанѣ съ бойкими плафонами и стѣнными панно работы Фламенга собиралась широкая космополитическая толпа. Въ hall’ѣ всегда было людно и шумно, сновала прислуга, носились мальчишки-шассёры, непрерывно скользила вверхъ и внизъ огромная клѣтка лифта. Здѣсь же устроившаяся филиала театральнаго агентства продавала по какимъ-то невѣроятнымъ цѣнамъ билеты и на дягилевскіе спектакли въ Grand-Opera, и на вагнеровскіе—въ Елисейскомъ театрѣ. Не знаю, придется ли мнѣ когда-нибудь въ жизни услышать въ Парижѣ „Тристана“ и „Мейстерзингеровъ“ на нѣмецкомъ языкѣ и въ исполненіи нѣ-

мецкихъ артистовъ; думаю, что и дѣти мои до этого не доживутъ. Теперь, во всякомъ случаѣ, казалось чѣмъ-то неправдоподобнымъ, небывалымъ это столь недавнее прошлое и вся тогдашняя обстановка. Покинутая иностранцами гостиница преобразилась. Она живетъ только прїѣзжими изъ провинціи и съ фронта. Всѣ цѣны нивелированы: десять франковъ за любую комнату въ одну кровать, двѣнадцать за комнату въ двѣ кровати. Благодаря такой скидкѣ (приблизительно втрое), гостиница полна и можетъ работать, вѣроятно, только сводя концы съ концами. Значительно поубавлена прислуга, все стало проще и скромнѣе, совершенно не видно дамъ въ умопомрачительныхъ туалетахъ, незамѣтно публики и въ ресторанѣ, а филиала театральнаго агентства вяло торгуетъ дешевыми мѣстами въ немногихъ театрахъ и мюзикъ-холлахъ.

Парижскіе театры сейчасъ находятся въ полномъ упадкѣ. Это—тоже послѣдствіе настроенія, охватившаго все население въ связи съ войной. Когда въ началѣ прошлаго года театры открылись, были сдѣланы нѣкоторыя попытки сценическаго творчества, отвѣчающаго психологическимъ запросамъ времени. Эти попытки успѣха не имѣли. Публика не ходила ни на новыя пьесы, ни на тѣ старыя, которыя рассчитаны были на подъемъ благородныхъ патріотическихъ чувствъ. René Doumic, извѣстный критикъ *Revue des Deux Mondes*, даетъ этому явленію такое объясненіе: Публика разсуждаетъ упрощенно—*le public est simpliste*. Сколько бы ей ни доказывали законность существованія театра при всякихъ условіяхъ, сколько бы ни повторяли, что театръ для многихъ и многихъ является средствомъ существованія, даетъ имъ кусокъ хлѣба, что онъ даетъ отдыхъ натянутымъ нервамъ,—что онъ можетъ поучать, быть школой патріотизма и мужества,—публика все это слушаетъ, но остается при особомъ мнѣніи. Для нея театръ есть мѣсто развлеченія, куда она идетъ, чтобы провести съ удовольствіемъ вечеръ. И вотъ, публика считаетъ, что сейчасъ не время искать развлеченій и удовольствій. Подобно тому, какъ рели-

гія всегда считала театр врагомъ, также и современная религія патріотизма относится къ нему подозрительно. Намъ всѣмъ,—говоритъ Doumic,—кажется, что только тѣ вправѣ показываться въ театрахъ, кто купилъ это право,—право развлекаться и веселиться,—на поляхъ сраженія или въ окопахъ, цѣною страданій и тысячи опасностей. Пусть они—отпускные, раненые, больные—и ихъ семьи ходятъ въ театр: этому можно только сочувствовать. Но для нихъ театр нуженъ, конечно, не идейный, не воспитательный. Имъ нуженъ театръ веселый, забавный. Отсюда преобладаніе въ репертуарѣ открывшихся театровъ легкихъ комедій и фарсовъ. Но современнымъ авторамъ въ настоящую минуту тоже не до фарса и вотъ—приходится возобновлять всякое старье, иной разъ хорошо позабытое, иной разъ—сравнительно недавнее. И выволакивается на свѣтъ Божій пестрая рухлядь, откуда извлекаются такія архаическія вещи, какъ фарсъ „Coralie et C-ie“, производившій фуроръ и въ Парижѣ, и у насъ лѣтъ двадцать тому назадъ, а теперь, для сколько-нибудь развитого вкуса, совершенно невыносимый. Я былъ въ театрѣ два раза и оба раза съ отвращеніемъ уходилъ, просидѣвъ одно—два дѣйствія. Веселье, создаваемое такими средствами, ощущается, какъ нѣчто очень напряженное, натянутое, внѣшнее. Ему не могутъ отдаться ни актеры, ни публика. Составъ зрителей ничего общаго не имѣетъ съ обычнымъ. Я не скажу, чтобы преобладали военные. Мнѣ кажется, что большая часть публики—мелкіе чиновники, лавочники, приказчики, старые ранты. Въ одинъ изъ театровъ я попалъ на „премьеру“—не на настоящую, конечно, а на репризу. Прежде эти премьеры (даже такія, какъ возобновленіе „Прекрасной Елены“ или „Орфея въ аду“) были парижскими событіями, собиравшими въ театръ „Variétés“ весь литературный, театральный и свѣтскій Парижъ. Теперь зала скорѣе напоминала провинціальное захолустье. Въ антрактахъ въ полутемномъ фойе бродятъ вялыя фигуры. Выходишь изъ театра на пустынный и темный бульваръ—и всѣми фиб-

рами ощущаешь разительную перемену: не тотъ Парижъ, не тѣ парижане...

XVI.

Въ этомъ новомъ Парижѣ, въ новомъ настроеніи парижанъ—какія преобладаютъ черты? Очень ошибутся тѣ, кто подумаетъ, что суровыя условія войны, сознаніе ея близости, сознаніе еще не устраненныхъ окончательно опасностей и мысль о страшныхъ, уже принесенныхъ и еще предстоящихъ жертвахъ,—что все это порождаетъ уныніе, угнетенную подавленность. Этого настроенія теперь нѣтъ. Его не было и въ грозные дни августа и сентября 1914 года:—такъ говорили мнѣ люди, пережившіе эти дни, когда судьба Парижа казалась рѣшенной, когда бѣжали тѣ, кто потрусилъ и побогаче. Населеніе Парижа сохранило тогда изумительное спокойствіе духа. Не было ни одной секунды паники или растерянности. Потомъ, когда непосредственная опасность миновала, когда вернулось правительство, когда смягчился строгій военный режимъ, введенный въ первые дни,—парижане вздохнули свободнѣе. Но настоящей реакціи, конечно, не могло произойти. Врагъ еще такъ близокъ,—часъ его рѣшительнаго пораженія еще такъ далекъ,—еще во вражескихъ рукахъ столько французской земли, столько прекрасныхъ французскихъ городовъ... Это сознаніе не даетъ мѣста жизнерадостности, веселью; но оно—какъ я сказалъ—не порождаетъ духа унынія. Что-то другое встаетъ надъ прелестнымъ, печальнымъ Парижемъ: „печаль его свѣтла“,—въ ней чувствуется какое-то душевное перерожденіе. „Парижъ сталъ похожимъ на большой монастырь“—эти слова одного моего пріятели, тонкаго и чуткаго наблюдателя парижской жизни, не слѣдуетъ, конечно, понимать буквально. Но въ нихъ правильно подмѣчена особенная черта подвижничества, одержимости одной высокой идеей,—готовности принести въ жертву личные интересы, привязанности, прихоти.

Не поразительна ли хотя бы такая подробность: въ Парижѣ—этомъ міровомъ центрѣ моды и нарядовъ—совсѣмъ не видно разряженныхъ женщинъ. Мнѣ рассказывали, что парижанки всякихъ общественныхъ слоевъ, отъ низшихъ до высшихъ, всѣ работаютъ въ разныхъ oeuvres для войны, для раненыхъ, для плѣнныхъ. Оттого ихъ такъ мало видно и на улицахъ, и въ магазинахъ. Я нарочно заходилъ въ нѣсколько большихъ торговыхъ домовъ, обычно биткомъ набитыхъ кліентками, и удивлялся малолюдству, опустѣнію. Исчезли вереницы изящныхъ автомобилей, всегда дожидавшихся по rue de la Paix, у дверей разныхъ модныхъ портныхъ, ювелировъ, шляпницъ,—не видно ихъ и въ аллеяхъ Булонскаго лѣса. Самыхъ taxis какъ будто поубавилось, и во всякое время дня можно свободно переходить avenue de l'Opéra и бульвары, не рискуя, какъ прежде, быть сбитымъ съ ногъ.

На другой же день послѣ пріѣзда, я почувствовалъ, что прошло то время, когда въ Парижѣ можно было пріѣзжать „просто такъ“, празднымъ туристомъ, безъ опредѣленнаго дѣла, для отдыха и развлеченій. Такому фланеру сейчасъ въ Парижѣ не мѣсто,—онъ долженъ чувствовать себя чѣмъ-то ненужнымъ, лишнимъ, даже мѣшающимъ. Парижъ для насъ былъ только передышкой. Мы думали пробыть въ немъ три дня—и на другой же день послѣ пріѣзда рѣшили, что это слишкомъ много, что „засиживаться“ здѣсь нечего: дѣла у насъ въ Парижѣ не было, а Парижъ властно требуетъ работы. И мы на одинъ день сократили свое пребываніе. Пріѣхавъ въ понедѣльникъ, вечеромъ, мы въ ночь на четвергъ выѣхали обратно.

Если настроеніе Парижа и вся фізіономія города ярко отражаютъ войну и все, что переживается Франціей, то внѣшняя жизненная обстановка мало измѣнилась. Самое замѣтное—это обязательное закрываніе всѣхъ ресторановъ и кафе въ 10 часовъ вечера. Парижъ пересталъ ужинать или ужинаетъ дома. Даже въ гостиницѣ можно получать послѣ 10 часовъ только холодныя закуски, да фрукты. Но

если днемъ зайти въ популярный ресторанъ—въ родѣ *Grüner*—тамъ такъ же людно и шумно, какъ всегда, такъ же обильно и вкусно кормятъ и поятъ. Цѣны мало измѣнились и недостатка ни въ чемъ не замѣтно. Специально для военныхъ существуютъ разныя ограниченія. Ранѣе пяти часовъ вечера—если не ошибаюсь—они не могутъ садиться за столики на террасахъ кафе; въ какіе-то часы дня они не могутъ получать вина. По сравненію съ Лондономъ и Петроградомъ, на улицахъ замѣтно очень немного военныхъ, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. Больше всего мы ихъ видѣли въ Булонскомъ лѣсу, гдѣ катаютъ въ открытыхъ автомобиляхъ раненыхъ и по аллеямъ медленно гуляютъ, опираясь на палку или на костыли, выпущеники изъ госпиталей. Кстати, о Булонскомъ лѣсѣ. Въ началѣ войны въ газетахъ были извѣстія о порубкахъ и просѣкахъ, которыя въ немъ пришлось сдѣлать. Мы ихъ не могли найти, хотя объѣздили довольно большую часть лѣса. Во всякомъ случаѣ, *Allée des Accacias* и окрестности очаровательныхъ озеръ остались нетронутыми.

Возвращаясь съ прогулки и проѣзжая мимо величественной громады *Arc de triomphe*, я на одну секунду невольно представилъ себѣ ту картину, которая въ августѣ 1914 года была такъ близка къ осуществленію: оставленный Парижъ занимаютъ нѣмцы,—они стоятъ шпалерами по широкимъ *avenues*, ведущимъ къ аркѣ, а подъ нею, въ какомъ-нибудь *ad hoc* сочиненномъ театральномъ костюмѣ, проѣзжаетъ сухорукій кайзеръ, съ надменно поднятой головой; рядомъ съ нимъ торжествующая, самодовольная фигура кронпринца, а позади безчисленная свита пруссаковъ. Это могло быть—и отъ одной мысли становится жутко. Помню, тогда писали о томъ, что отдача Парижа не значитъ потеря кампаніи. Стратегически подобное разсужденіе, быть можетъ, правильно. Но я не могу себѣ представить, какъ бы перенесла Франція такой моральный ударъ,—какъ бы она сумѣла отъ него оправиться...

Какое счастье, что этого не случилось!..

Обратный нашъ путь лежалъ черезъ Булонь. Въ нормальныхъ условіяхъ изъ Парижа туда доѣзжаютъ въ 4—5 часовъ. Нашъ поѣздъ отошелъ въ 11 часовъ вечера, и только къ половинѣ десятаго утра на слѣдующій день мы были въ Булони, остановившись по дорогѣ не то сорокъ три, не то сорокъ шесть разъ. Отъѣзжая, я спрашивалъ себя—когда, при какихъ условіяхъ я снова увижу Парижъ? Во время войны я ужъ, конечно, въ него не попаду больше. Но и здѣсь, какъ въ окопахъ Фландріи, казалась такой далекой, такой невѣроятной возможность прежней жизни. Да ея и нѣтъ, этой возможности,—по крайней мѣрѣ, для нашего поколѣнія...

Булонь насъ встрѣтила чудеснымъ утромъ, обѣщавшимъ спокойный, „гладкій“ переходъ. Обѣщаніе было сдержано. Качки не было никакой. По-прежнему, всѣ надѣли пробковые пояса, и это уже казалось какимъ-то ненужнымъ обрядомъ. Но объ истинномъ его значеніи напоминали три спутника нашего перехода: миноносецъ, вдали равнявшійся съ нами и охранявшій насъ, да два дирижабля, сверкавшіе подъ лучами утренняго солнца и несшіеся высоко въ воздухѣ параллельно нашему пути, то сопровождая насъ, то навстрѣчу намъ. На пароходъ мы едва не опоздали, онъ отошелъ на цѣлый часъ раньше предполагаемаго по расписанію срока. Если бы не любезность неизмѣнно дежурящаго, при отходѣ, какъ и при прибытіи пароходовъ, военнаго комиссара, намъ не удалось бы уѣхать, такъ какъ у насъ не было времени для исполненія необходимыхъ паспортныхъ формальностей. Мы объяснили, кто мы такіе — и комиссаръ, забравъ наши паспорта, куда-то ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся: все было готово, положены надлежащіе штемпеля — путь былъ свободенъ.

До подхода къ берегамъ Англій мы наслаждались прекрасной погодой и яркимъ солнцемъ. Увы, уже на пути

къ Лондону оно закрылось тучами, а Лондонъ основательно поддержалъ свою репутацію, уже установившуюся въ нашихъ глазахъ. Грязь, слякоть, туманъ, дождь—все это показалось послѣ Парижа вдвойнѣ непріятнымъ.

Товарищей нашихъ: Чуковского, Егорова и Башмакова—мы уже не застали. Оказалось, что они накануне выѣхали на англійскій фронтъ съ тѣмъ, чтобы непосредственно оттуда отправиться на фронтъ французскій. Приглашеніе отъ французскаго правительства было получено какъ разъ во время нашего пребыванія въ Парижѣ. Оно было намъ передано по телеграфу, но телеграмма до насъ не дошла. Ни я, ни Толстой не могли этимъ приглашеніемъ воспользоваться, такъ какъ были связаны опредѣленными сроками возвращенія.

Когда мы уѣзжали во Францію, было рѣшено, что осматривать мастерскія и заводы мы будемъ по возвращеніи, въ то время, какъ наши товарищи поѣдутъ на англійскій фронтъ. Вернувшись, мы ожидали найти программу ближайшихъ дней, и, явившись въ то отдѣленіе Foreign Office, которое завѣдывало нашей поѣздкой, просили указаній. Увы, намъ пришлось нѣсколько дней подѣржать и по телефону, и личными посѣщеніями напоминать о себѣ—и, въ концѣ концовъ, уѣхать изъ Англїи, не видавъ ни мастерскихъ, ни заводовъ. Правда, въ предпоследній день пребыванія въ Лондонѣ мы въ теченіе двухъ съ половиной часовъ обходили нѣкоторыя изъ мастерскихъ колоссальнаго казеннаго завода въ Вуличѣ (Woolwich), но сдѣлать это пришлось съ той же скоростью, съ какою по дешевому тарифу „кукамъ“ показываютъ итальянскіе музеи и храмы,—и приблизительно съ тѣми же результатами: словно тамъ не побывали...

Эта досадная неудача объясняется отчасти небрежностью, отчасти нераспорядительностью тѣхъ мелкихъ чиновниковъ, на чьей обязанности лежало выработать нашу программу. Какъ всѣ чиновники на свѣтѣ—они „завалены дѣломъ“. Чрезвычайно любезные, они обѣщаютъ „все

устроить“. „Не безпокойтесь, вамъ все покажутъ, вы получите подробное распредѣленіе“. Потомъ они о васъ забываютъ, занятые очереднымъ дѣломъ. Конечно, намъ слѣдовало сразу махнуть на нихъ рукой и непосредственно обратиться къ представителямъ интересующихъ насъ учреждений и къ тѣмъ лицамъ, съ которыми мы хотѣли видѣться. Чувство деликатности и увѣренность, что обѣщанія будутъ исполнены, удержали насъ отъ проявленія такой инициативы. Въ результатѣ, намъ пришлось жестоко обмануться въ нашихъ ожиданіяхъ. Мы не видѣли ни „снабжения“, ни министра снабженія—Ллойдъ-Джорджа. А оставаться еще на недѣлю было совершенно невозможно.

Въ пятницу, 11 (24) марта, мы съ Толстымъ выѣхали въ Ньюкэстль, гдѣ на другой день должны были осмотрѣть судостроительный заводъ и ночью сѣсть на пароходъ, идущій въ Норвегію...

Мнѣ приходится еще вернуться къ нѣкоторымъ моментамъ нашего лондонскаго пребыванія, выпавшимъ изъ хронологической послѣдовательности моего разсказа. И хотѣлось бы остановиться на иныхъ наблюденіяхъ, впечатлѣніяхъ, фактахъ, тѣсно связанныхъ съ переживаемой въ Англіи и во всемъ свѣтѣ эпохой.

ПОРТСМУТЬ

XVIII

ь промежутокъ времени между нашимъ возвращеніемъ съ сѣвера Шотландіи, гдѣ мы осматривали флотъ, и поѣздкой на англійскій фронтъ насъ возили большой компаніей въ Портсмуть и въ Ольдершотъ. Въ эти же дни мы посѣтили главную квартиру бой-скоутовъ и популярнаго ихъ главу генерала Баденъ-Поуэлла, ѣздили въ одинъ изъ маленькихъ бой-скоутскихъ лагерей подъ Лондономъ, осматривали огромную мастерскую, специально устроенную извѣстнымъ мебельнымъ фабрикантомъ Waring'омъ (владѣльцемъ фирмы Waring and Gillow), были „чествуемы“ англійской прессой въ лицѣ Association of journalists, пригласившей насъ на завтракъ, за которымъ собралось болѣе 150 журналистовъ. Для работы мы могли воспользоваться только воскресеніемъ,—и мой сосѣдъ Толстой, съ утра одѣвшись въ теплую пижаму, запаливъ одну изъ многочисленныхъ трубокъ, которыми онъ обогатилъ въ Лондонѣ свою коллекцію, и потребовавъ себѣ чернаго кофе, цѣлый день стучалъ на пишущей машинѣ, изумляя меня своей энергіей. Отъ времени до времени его звали къ телефону разные новые

англійскіе знакомые—и это были для него самыя тяжелыя минуты, когда приходилось спѣшить ему на помощь...

Въ Портсмутѣ мы выѣхали утромъ въ одинъ изъ самыхъ холодныхъ и ненастныхъ дней. Шелъ снѣгъ крупными мокрыми хлопьями, тотчасъ же превращающимися въ сѣрую слякоть. Холодно было и въ вагонѣ экстреннаго поѣзда, везшаго насъ шестерыхъ, Аладина, Вильтона, Бальфура, Духовецкаго и трехъ представителей министерствъ военного, морского и иностранныхъ дѣлъ. Когда мы проѣхали лондонскія предмѣстья, въ окна глянулъ настоящій зимній пейзажъ, поля казались покрытыми глубокимъ снѣгомъ. Сколько разъ пришлось намъ по этому поводу слышать шутку о томъ, что мы привезли съ собою „русскую погоду“! Правда, многіе насъ увѣряли, что такого снѣжнаго марта не бывало въ Англии лѣтъ сорокъ.

Желѣзная дорога проходитъ черезъ весь городъ и кончается у самаго залива. При выходѣ изъ вагона насъ встрѣтили начальствующія лица разныхъ наименованій и ранговъ и повели насъ къ набережной. Здѣсь насъ ожидало необыкновенное зрѣлище. Прямо передъ нашими глазами, въ глубинѣ залива, высилась громада стариннаго паруснаго крейсера: это—„Victory“,—корабль, на которомъ былъ убитъ Нельсонъ, во время Трафальгарской битвы. Уже болѣе ста лѣтъ стоитъ онъ здѣсь на покоѣ, этотъ памятникъ морской славы и морского могущества Англии. На палубѣ его есть мѣсто, гдѣ вдѣлана плита съ надписью: „Здѣсь палъ Нельсонъ“, такая же лаконическая и въ то же время много говорящая, какъ и слова знаменитаго приказа: „Англія ожидаетъ, что каждый исполнитъ свой долгъ“.

Но не эта славная реликвія привлекаетъ сейчасъ общее вниманіе. Она—прошлое. Мы же такъ поглощены настоящимъ и будущимъ, а что можетъ лучше символизировать это настоящее и это будущее, какъ не тѣ двѣ таинственно-чудесныя машины, похожія на какія-то исполинскія игрушки, которыя вотъ сейчасъ рѣютъ высоко въ небѣ, потомъ плавно спускаются къ водной глади и черезъ се-

кунду стрѣлой несутся по ней, вздымая пѣнящіяся брызги? Какое яркое, наглядное сопоставленіе двухъ историческихъ эпохъ: это грузное, неповоротливое судно, на которомъ столько лишняго, ненужнаго, неотдѣлимое отъ воды, зависящее отъ воли вѣтра, превращавшееся во время штиля въ мертвую массу,—и эти фантастическія диковинки, полу-лодки, полу-птицы, легкія, быстрыя, словно живыя. Имъ одинаково привольно и въ воздухѣ, и на водѣ. Къ ней онѣ слетаютъ, какъ чайки на отдыхъ, и опять взлетаютъ, повинуваясь невидимымъ движеніямъ управляющей руки, и кружатся на высотѣ, а потомъ улетаютъ куда-то, оставляя насъ подѣ впечатлѣніемъ волшебнаго видѣнія.

Намъ рассказали о техническихъ улучшеніяхъ и новыхъ выдумкахъ, примѣненныхъ на этихъ гидропланахъ. Неустанно работаетъ изобрѣтательная мысль въ этой области, гдѣ на нашихъ глазахъ осуществлено столько чудеснаго. Многія загадки уже разрѣшены, но нѣтъ предѣловъ поступательному ходу человѣческаго генія, и дѣтямъ нашихъ дѣтей эти изумительныя птицы будутъ казаться чѣмъ-то столь-же архаическимъ и первобытнымъ, какимъ теперь кажется намъ нельсоновскій крейсеръ.

Размѣстившись въ нѣсколькихъ автомобиляхъ, мы поѣхали смотрѣть мастерскія, расположенныя на большомъ пространствѣ, все растущія и непрерывно развивающія свою производительность. Вотъ ремонтная мастерская, „quite a little thing“—совсѣмъ маленькая вещь, какъ намъ говорятъ наши спутники, но въ ней можно провести не одинъ день, пока разберешься во всѣхъ этихъ сложныхъ устройствахъ, вертящихся валкахъ, кранахъ, молотахъ, въ этомъ лабиринтѣ, гдѣ увѣренно расхаживаютъ только привычныя, а тѣ, кто случайно попалъ, на каждомъ шагу озираются, боясь зацѣпиться за какой-либо винтикъ этой адской механики, обступившей насъ со всѣхъ сторонъ. Тутъ надо смотрѣть въ оба,—а кое-гдѣ вовсе нельзя смотрѣть незащищеннымъ глазомъ. Нельзя и подходить близко къ инымъ „операціямъ“ въ родѣ

рѣзки стальной болванки, не рискуя получить поврежденіе—если не тѣла, то платья. Впрочемъ, В. И. Немировичъ-Данченко, не слушаясь предостерегающихъ возгласовъ, рѣшительными шагами подходитъ къ работающему мастеру и нѣсколько минутъ стоитъ въ твердой позѣ, подавая примѣръ отваги, окруженный снопами искръ, которыя цѣлыми звѣздами вырываются изъ-подъ станка...

Послѣ „little thing“—вещи побольше, уже не ремонтныя, а строительныя мастерскія, гдѣ изготовляютъ гидропланы, тяжелыя и легкія орудія, всевозможныя приспособленія для броненосцевъ. Память отказывается вмѣщать все это разнообразіе. Остается только общее впечатлѣніе огромныхъ сараевъ, изъ конца въ конецъ уставленныхъ станками—какого-то безконечнаго количества пушекъ въ разныхъ стадіяхъ готовности,—и среди всей этой массы мертваго металла, оживающаго только для того, чтобы наносить смерть, спокойныя, дѣловитыя фигуры, энергичныя лица мастеровъ и рабочихъ, не обращающихъ никакого вниманія на случайныхъ посѣтителей и методически дѣлающихъ свое дѣло.

Изъ мастерскихъ мы ѣдемъ къ знаменитымъ „dockyards“ Портсмута, гдѣ и въ мирное время кипитъ лихорадочная работа, занимающая много тысячъ людей. Легко себѣ представить, что дѣлается здѣсь теперь, когда на постройкѣ одного броненосца временами бываютъ заняты до 10.000 рабочихъ одновременно. Взойдя на одинъ такой строящійся гигантъ, мы застали минуту, когда рабочіе уходятъ обѣдать. Шли они цѣлой колонной, въ нѣсколько тысячъ человекъ, оживленно и быстро, чтобы не терять ни одной минуты отведеннаго на отдыхъ времени. Нечего и говорить, что при всѣхъ входахъ и выходахъ—непрерывный контроль. Но, конечно, сами рабочіе лучше всего охраняютъ верфи отъ проникновенія вражескихъ элементовъ, такъ какъ всѣ знаютъ другъ друга.

Съ броненосца на мониторъ, а оттуда къ строящимся и уже почти достроеннымъ подводнымъ лодкамъ, растя-

нувшимя на днѣ дока, словно чудовищные аллигаторы на отдыхѣ. Намъ опредѣляютъ ихъ размѣры,—и мы ахаемъ. Вотъ тоже нѣчто, возникшее на нашей памяти. Припоминая первые опыты, видя то, что теперь уже стало реальной возможностью, невольно вспоминаешь „Наутилусъ“ таинственнаго капитана Немо. Кто знаетъ, не осуществится ли и эта фантазія неистощимаго сказочника? Но пока еще далеко, безконечно далеко до роскошныхъ и просторныхъ покоевъ „Наутилуса“, съ его залами и библіотекѣй-музеемъ. Здѣсь все служить одной технической цѣли. Удобства жизни—въ полномъ пренебреженіи. Не хотятъ даромъ тратить ни одного квадратнаго дюйма. Оттого, должно быть, еще труднѣе здѣсь служба. Мнѣ сна всегда казалась какимъ-то максимумомъ напряженія физическихъ и духовныхъ силъ, непрерывнымъ подвигомъ. И когда я, полчаса спустя послѣ осмотра лодокъ, увидѣлъ за завтракомъ одного изъ отважнѣйшихъ героевъ подводной войны въ Балтійскомъ морѣ, Георгіевскаго кавалера, плечистаго красавца, съ простодушнымъ, открытымъ и рѣшительнымъ лицомъ,—я почувствовалъ къ нему и нѣжность, и восхищеніе, и признательность.

По обыкновенію, вторая половина дня была отдѣлена отъ первой торжественнымъ завтракомъ. На этотъ разъ онъ происходилъ въ старинномъ и живописномъ помѣщеніи, обычно занятомъ офицерскимъ собраніемъ, а теперь, если не ошибаюсь, временно отведенномъ командиру порта. Проѣзжая туда, мы видѣли часть города и предместья, откуда ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ такое же точно холодное снѣжное утро выѣхалъ на почтовомъ дилижансѣ, нагруженномъ всякимъ домашнимъ скарбомъ, скромный мелкій чиновникъ, переведенный изъ Портсмута въ Лондонъ и перевозившій туда свою семью: жену и двухъ маленькихъ дѣтей, родившихся здѣсь: дѣвочку и мальчика, худенькаго, невзрачнаго, болѣзненнаго. Этотъ мальчикъ былъ Чарльзъ Диккенсъ.

Это можетъ показаться неправдоподобнымъ, но это все же такъ: каждый изъ многочисленныхъ завтраковъ и обѣдовъ, которыми насъ такъ усердно угощали, носилъ свой особенный индивидуальный отпечатокъ, сохранившійся очень живо въ памяти. Я не говорю о кулинарной сторонѣ, конечно, а только вспоминаю и внѣшнюю обстановку, и настроеніе, зависѣвшее, въ свою очередь, отъ состава хозяевъ и гостей и отъ ихъ распредѣленія. Однимъ изъ мучительныхъ вопросовъ, встававшихъ передъ каждымъ изъ такихъ „social functions“,—какъ называютъ англичане эти банкеты, былъ всегда вопросъ: будутъ ли спичи, и если будутъ—кому держать отвѣтъ. За все время только разъ случилось, что спича не было: этотъ исключительный случай произошелъ въ главной квартирѣ, гдѣ рѣчи, вообще, не приняты. Былъ еще одинъ завтракъ, послѣдній передъ отъѣздомъ изъ Англии, въ Ньюкэстлѣ, гдѣ насъ принимала дирекція огромнаго судостроительнаго завода и гдѣ мой визави, М. Бальфуръ, держалъ со мной пари на шиллингъ, что спича не будетъ, я же, по нервнымъ движеніямъ рукъ хозяина, по его смущеннымъ тоскливымъ взглядамъ и нерѣшительнымъ разсѣяннымъ фразамъ, ясно видѣлъ, что онъ вынашиваетъ привѣтственное обращеніе. Пари я выигралъ и получилъ шиллингъ, но зато пришлось отвѣчать... Въ Портсмутѣ отвѣтная рѣчь Башмакова привела одного изъ моихъ сосѣдей—почтеннаго адмирала—въ полное восхищеніе; не самая рѣчь, впрочемъ, а отважная рѣшимость оратора. Адмиралъ находилъ, что здѣсь было проявлено больше храбрости, чѣмъ въ любомъ морскомъ подвигѣ. Въ комнатѣ рядомъ во время завтрака игралъ военный оркестръ, и дважды мы видѣли очень оригинальную картину: при рѣзкихъ, пронзительныхъ звукахъ шотландской волынки распахивались двери и чрезъ нихъ входили въ залъ три дюжихъ молодца, съ волынками въ рукахъ и продолжая играть, маршировали вокругъ зала,

а затѣмъ выходили черезъ другія двери. У нихъ были высокіе мохнатые кивера и ярко-красные съ темными клѣтками Kilt'ы—юбки, замѣняющія у шотландскихъ солдатъ шаровары. Весь костюмъ ихъ (трудно назвать мундиромъ)—особенно картинный и богатый, съ массой побрякушекъ, съ ниспадающими пушистыми хвостами, и затѣйливые инструменты—сочетаніе большихъ кожаныхъ мѣшковъ и посеребренныхъ трубокъ, и необычайный характеръ музыки, какой-то стихійно-народный,—все это вмѣстѣ производило неотразимый эффектъ. Мы захопали и закричали „браво“: хайлендеры шли въ ногу, невозмутимо раздувая щеки, красныя отъ напряженія, но какъ будто совершенно равнодушныя къ нашимъ выраженіямъ удовольствія. Они изъ клана Стюартовъ, аристократія среди своихъ соплеменниковъ, и привыкли къ успѣху, на этотъ разъ особенно шумному...

Послѣ завтрака мы поѣхали въ морскія казармы, гдѣ насъ ожидалъ цѣлый рядъ картинокъ военной жизни. Въ одной палатѣ партія недавно прибывшихъ новобранцевъ получаетъ обмундированіе. Разбираютъ и распредѣляютъ свертки, примѣряютъ куртки, брюки, сапоги. Все это—перваго сорта, особенно сапоги, изъ плотной и мягкой кожи, съ толстой широкой подошвой американскаго фасона, со шнурами. Такіе сапоги въ любомъ лондонскомъ магазинѣ стоятъ 25—30 шиллинговъ. На обувь здѣсь обращаютъ большое вниманіе,—періодическій осмотръ солдатскихъ ногъ обязателенъ. Вотъ рядъ палатъ, гдѣ матросы обучаются, обѣдаютъ, отдыхаютъ, играютъ на бильярдѣ. Мы обращаемъ вниманіе на множество огромныхъ картинъ, висящихъ по стѣнамъ этихъ палатъ: всѣ онѣ—кисти одного мастера, очень тщательно изобразившаго различные знаменитые морскіе бои въ прошломъ и въ эту войну. Этотъ мастеръ—здѣсь же, простой матросъ, по профессіи маляръ-самоучка, дающій волю своему вдохновенію, къ общему удовольствію товарищей и начальства. Намъ его представляютъ, и мы сочувственно жмемъ ему руку. Да-

лѣ насъ ведутъ въ обширное помѣщеніе, гдѣ одновременно происходитъ обученіе различныхъ видовъ гимнастики и спорта. Какъ мы могли убѣдиться и здѣсь и въ Ольдершотѣ на другой день, эта сторона военного воспитанія,—какъ и можно было ожидать,—стоитъ здѣсь на большой высотѣ. Всѣ упражненія производятся съ огромнымъ оживленіемъ, удивительно весело, энергично, напористо. Фехтуютъ, боксируютъ, лазятъ, прыгаютъ, бѣгаютъ,—со всѣхъ сторонъ раздаются громкія слова команды, всѣ одѣты въ легкіе спортивные костюмы, всѣ съ видимымъ увлеченіемъ „работаютъ“; лѣнливыхъ нѣтъ, понукать некого.

При такихъ условіяхъ немудрено въ короткое время получить людей, великолѣпно тренированныхъ, способныхъ къ дѣющемуся физическому усилю, ловкихъ и проворныхъ. Придуманы и такія упражненія, которыя впоследствии, на войнѣ, легко могутъ получать практическое примѣненіе. Мы имѣемъ случай убѣдиться, что „лѣзть на стѣну“ не всегда безнадежное предпріятіе, и что при нѣкоторой смѣтливости и расторопности десятку-другому ловкихъ молодцовъ очень легко взгромоздиться на такую стѣну, вышиною сажени въ двѣ, чтобы потомъ такъ же легко съ нея спуститься. Въ большемъ ходу, разумѣется, боксъ, оставшійся однимъ изъ любимыхъ видовъ спорта, несмотря на воздвигнутое противъ него за послѣдніе годы гоненіе. Правда, это гоненіе было вызвано не столько самимъ боксомъ, сколько тѣми безобразными формами, какія онъ получаетъ въ платныхъ публичныхъ матчахъ, когда чѣмпіоны другъ у друга разбиваютъ скулы, носы, выбиваютъ зубы, когда хлещетъ кровь, наносятся порою удары, способные убить быка, а иногда,—надо сказать, въ исключительныхъ случаяхъ,—тотъ или другой чѣмпіонъ падаетъ, чтобы ужъ болѣе не встать.

Отсюда насъ повезли въ такъ называемую Gunnery—школу практическаго обученія матросовъ артиллерійской стрѣльбѣ, сборкѣ и разборкѣ, прицѣлкѣ и маневрированію

Хайлендеры, въ походной формѣ, играющіе
на волынкахъ.

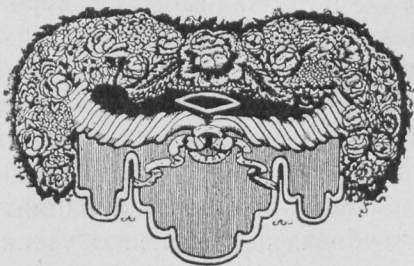
орудіємъ. Здѣсь имѣются всѣ существующія въ англійскомъ флотѣ образцы пушекъ, имѣются точныя воспроизведенія башни броненосца, со всѣмъ ея внутреннимъ устройствомъ и орудіємъ крупнѣйшаго калибра. Во время нашего посѣщенія шли уроки. Около орудій стояли группы матросовъ, внимательно и съ написаннымъ на лицахъ напряженіемъ слушающихъ объясненія, которыя давалъ старшій нижній чинъ,—видимо, знатокъ своего дѣла. Изъ Gunpowery мы проѣхали въ офицерскую школу и пили чай въ мѣстномъ офицерскомъ собраніи, къ которому ведетъ длинный коридоръ, весь увѣшанный превосходными гравюрными портретами первыхъ лордовъ адмиралтейства и первыхъ морскихъ лордовъ Англій, начиная съ прошлаго вѣка и кончая современниками. Среди нихъ бросается въ глаза характерное, еще совсѣмъ юношеское лицо Уинстона Черчилля, съ большимъ, умнымъ лбомъ, крѣпко сжатыми губами и рѣзкой линіей подбородка,—а неподалеку отъ него, рамка, откуда смотрятъ изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей острые глаза лорда Фишера, создателя дредноутовъ. Не знаю, кому изъ нихъ это сосѣдство непріятнѣе.

Какъ разъ въ день нашей поѣздки въ Портсмутъ Черчилль, пріѣхавшій спеціально для этой цѣли съ фронта, произнесъ въ палатѣ общинъ свою очень нашумѣвшую рѣчь, съ открытыми нападками на Бальфура и на морское вѣдомство и съ сенсаціоннымъ финаломъ—неожиданнымъ выраженіемъ горячаго пожеланія, чтобы Фишеръ вернулся на постъ главнокомандующаго морскими силами. Какъ извѣстно, Фишеръ оставилъ этотъ постъ изъ-за несогласій съ Черчиллемъ, тогдашнимъ морскимъ министромъ, по поводу экспедиціи въ Дарданеллы. Въ своей прощальной рѣчи передъ отъѣздомъ на фронтъ, 3—4 мѣсяца тому назадъ, Черчилль бросилъ по адресу Фишера нѣсколько очень ядовитыхъ замѣчаній, заключающихъ въ себѣ тяжелое обвиненіе. Теперь онъ какъ будто приносилъ *amende honorable*. Для всякаго другого это было бы не-

понятно, но для Черчилля законъ не писанъ. Нужно, однако, сказать, что это выступленіе было встрѣчено очень недружелюбно и печатью, и обществомъ. Черезъ нѣсколько дней Бальфуръ отвѣтилъ Черчиллю—и далъ изумительный образецъ уничтожающей діалектики, въ пухъ и прахъ обратившей и аргументы Черчилля, и его самого. Но и его отвѣтъ—не чуждый очень личнаго характера—произвелъ нѣсколько тяжелое впечатлѣніе, такъ какъ въ немъ именно эта искусная діалектика замѣнила разборъ по существу. А доводы Черчилля—его критика дѣятельности адмиралтейства—очень нуждались въ такомъ разборѣ.

Нашъ визитъ приходилъ къ концу. Гостепріимные хозяева проводили насъ до самаго поѣзда, съ утра ожидавшагося насъ. Уже наступили сумерки. Распростившись, мы влѣзли въ вагонъ-салонъ, раздѣленный на двѣ половины—одна для курящихъ, другая для некурящихъ (увы, очень немногочисленныхъ—и вѣчныхъ страдальцевъ!). Чуковский принялся въ десятый разъ рисовать спящаго Егорова. Толстой курилъ трубку. В. И. Немировичъ-Данченко волновался. Аладьинъ методически рассказывалъ. Башмаковъ все просилъ опредѣленно ему сказать, въ какой изъ двухъ партій онъ ѣдетъ на фронтъ,—причемъ отъ Портсмута до Лондона его участь была рѣшаема три раза, и каждый разъ по другому, а онъ съ одинаковой покорностью принималъ каждое рѣшеніе.

Когда мы доѣхали, было уже темно и по лондонскому небу гуляли снопы лучей прожекторовъ, нащупывающихъ врага.

МОБИЛИЗОВАННЫЙ WARING. ОЛДЕРШОТЪ. БОЙСКОУТЫ.

XX

ня за два до поѣздки въ Портсмуть мы провели утро въ колоссальной палаточной мастерской, устроенной на одной изъ лондонскихъ окраинъ мебельной фирмой Waring and Gillow. Владѣлецъ фирмы, чело-вѣкъ лѣтъ пятидесяти, м-г Waring, обла-даетъ, повидимому, совершенно исключи-тельной энергіей. Никогда раньше не занимавшійся этимъ дѣломъ, не имѣвшій къ нему никакого отношенія, онъ въ необычайно короткій срокъ, что-то около двухъ мѣся-цевъ, оборудовалъ и приспособилъ нѣсколько огромнѣй-шихъ, крытыхъ стекломъ, корпусовъ, служившихъ прежде выставочными зданіями, — закупилъ милліоны аршинъ холста и веревокъ, навербовалъ, постепенно увеличивая ихъ ко-

личество, свыше десяти тысячъ рабочихъ, преимущественно женщинъ, поставилъ нѣсколько тысячъ швейныхъ машинъ, устроилъ электрическое освѣщеніе, отопленіе, вентиляцію, развернулъ безчисленные столы, — и работа закипѣла, въ началѣ непрерывная, днемъ и ночью, — потомъ, когда главные заказы были выполнены, только дневная. Эта мастерская снабжаетъ значительную часть англійской арміи, — она же исполнила крупные заказы, оставшіеся пока неиспользованными, для арміи сербской. Палатки оттуда выходятъ въ готовомъ видѣ, разныхъ образцовъ и размѣровъ со всѣми приспособленіями. Ежедневно приѣзжаютъ правительственные приѣмщики, осматриваютъ палатки, кладутъ штампеля. Тутъ же происходитъ погрузка и отправка въ склады или прямо на фронтъ. Вся работа раздѣлена на цѣлый рядъ отдѣльныхъ специальностей. Сырой матеріалъ прибываетъ ежедневно нѣсколькими поѣздами и не залеживается. Тутъ же, въ другомъ корпусѣ, изготовляются крылья для аэроплановъ—работа, требующая большого вниманія и тщательности. Дальше въ особомъ помѣщеніи работницы съ поразительной быстротой и увѣренностью наносятъ кистью, обмокнутой въ жидкій растворъ краски, отличительные знаки—цвѣтные круги—на законченныя уже крылья. Еще далѣе—спеціальная мастерская, изготовляющая всѣ деревянные части крыльевъ. Намъ называютъ цифры, дающія представленіе о громадномъ размахѣ этой работы, о ея феноменальной производительности. Мы вспоминаемъ, что годъ тому назадъ здѣсь еще ничего не было—и готовы апплодировать. Въ мобилизаціи англійской промышленности m-r Waring сыгралъ почетную роль. При этомъ основное его предпріятіе продолжаетъ функционировать, и по окончаніи осмотра онъ просилъ насъ, въ видѣ особаго одолженія, посѣтить его обширный и роскошный магазинъ, занимающій нѣсколько этажей въ великолѣпныхъ хоромахъ на Oxford street. Тамъ мы могли полюбоваться настоящимъ музеемъ, гдѣ собраны подлинныя произведенія старыхъ мастеровъ, архитекторовъ и

столяровъ, служащія моделями для современныхъ воспроизведеній.

На другой день послѣ Портсмута насъ въ томъ же экстренномъ поѣздѣ повезли въ англійское Красное Село—Ольдершотъ (Aldershot), верстахъ въ шестидесяти отъ Лондона. Снѣгъ шелъ всю ночь, и трудно было повѣрить, что мы въ Англии.

Въ мирное время въ Ольдершотѣ квартируетъ всего нѣсколько тысячъ солдатъ. Теперь это огромный лагерь, уже пропустившій нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ обученныхъ новобранцевъ. Здѣсь мы видѣли стрѣльбу въ полѣ изъ винтовокъ по мишенямъ. Въ этой стрѣльбѣ приняли участіе Толстой и Егоровъ,—первый съ большимъ успѣхомъ, второй, кажется, безъ результата. Такъ какъ я въ послѣдній разъ стрѣлялъ изъ винтовки (берданки) четверть вѣка тому назадъ, то и не рѣшился продѣлать опытъ, заранѣе обреченный на неудачу... Потомъ смотрѣли на верховую ѣзду новобранцевъ въ узкомъ и длинномъ манежѣ,—гимнастическія упражненія такого же характера, какъ и въ Портсмутѣ, артиллерійскій маневръ на военномъ полѣ. Было очень холодно, ноги вязли въ грязи, ходить было трудно, и чувствовалось, что ничего особенно интереснаго здѣсь намъ не покажутъ. Это предчувствіе оправдалось, съ однимъ только исключеніемъ. Днемъ мы посѣтили аэродромъ и видѣли новаго типа аэропланы. На такомъ аэропланѣ капитанъ Гудденъ, одинъ изъ отважнѣйшихъ и опытнѣйшихъ англійскихъ летчиковъ, продѣлалъ на нашихъ глазахъ рядъ головокружительныхъ эволюцій. Кто-то изъ насъ—кажется, Чуковскій—спросилъ, не возьмутъ ли его полетать. Ему съ вѣжливой улыбкой отказали, объясняя, что было бы въ высшей степени неловко, если бы вдругъ произошелъ какой-нибудь несчастный случай съ однимъ изъ distinguished guests Англии. Напрасно мы увѣряли, что никакихъ затрудненій не будетъ, и что мы беремъ на себя всѣ послѣдствія возможной катастрофы, включая расходы по преданію землѣ останковъ

Въ палаточной мастерской Waring'a.

Слѣва направо: молодой Waring, гр. А. Н. Толстой, г. Вильтонъ, К. Чуковский, старший Waring, г. М. Бальфуръ, В. И. Немировичъ-Данченко, А. Ф. Аладынь, В. Д. Набоковъ, служащій фирмы, Е. А. Егоровъ, служащій, ген. Гермоніусъ, служащій.

того изъ насъ, которому суждено погибнуть: наши хозяева не рѣшились отступить отъ своего принципа, несмотря на всю вѣскость нашихъ аргументовъ.

Поѣздка въ маленькій бойскоутскій лагерь Кренфордъ подъ Лондономъ имѣла болѣе интимный характеръ. Наканунѣ мы были у генерала Бадень-Поуэлла въ главной квартирѣ бойскоутовъ. Сейчасъ она еще находится въ старомъ помѣщеніи на Victoria-Street—довольно тѣсномъ и неудобномъ. Но въ недалекомъ будущемъ она займетъ большой особнякъ—пожертвованный какимъ-то поклонникомъ этой удивительной организаціи. Основатель ея—бодрый, живой старикъ, полный энергіи и силъ—сохранилъ самыя лучшія воспоминанія о своей поѣздкѣ въ Россію и очень интересовался положеніемъ бойскоутовъ у насъ въ настоящее время. Какъ и прежде, онъ видитъ главную идею бойскоутизма не въ милитаризаціи воспитанія, а въ томъ, чтобы съ самаго ранняго возраста развивать въ мальчикахъ „good citizenship“—начала гражданственности, а для этого необходимо вырабатывать ихъ характеръ, пріучать ихъ къ наблюдательности, къ послушанію, къ тому, чтобы полагаться на самихъ себя, вкоренять въ нихъ нравственное благородство, внимательность къ другимъ, обучать ихъ обязанностямъ, полезнымъ для общества, и ремесламъ, полезнымъ для нихъ самихъ,—заботиться объ ихъ гигиенѣ и физическомъ развитіи. По мнѣнію Бадень-Поуэлла, опытъ войны только подтвердилъ, что одна муштровка и обученіе ружейнымъ приѣмамъ недостаточны для воспитанія вполнѣ пригоднаго солдата, а важнѣе всего выработка характера,—поднятіе духа, развитіе находчивости, самодѣятельности и самостоятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умѣніе повиноваться.

Меня интересовалъ вопросъ, какое участіе бойскоуты принимаютъ въ настоящей войнѣ. Оказалось, что около двухъ тысячъ мальчиковъ находятся въ распоряженіи адмиралтейства и несутъ караульную службу по морскому побережью. Далѣе, до шести тысячъ скоутовъ, достиг-

шихъ шестнадцати лѣтъ, образовали особый бойскоутскій оборонительный корпусъ и обучаются военнымъ приѣмамъ и стрѣльбѣ, на случай, если бы они понадобились. Бойскоуты собрали три тысячи фунтовъ на устройство перевязочныхъ пунктовъ и на другія военныя нужды. Болѣе сорока тысячъ старшихъ скоутовъ, достигшихъ восемнадцати лѣтъ, поступили въ армію и находятся на фронтѣ,— въ томъ числѣ очень большой процентъ скоутмастеровъ, т.-е. начальствующихъ лицъ. Изъ нихъ многіе были убиты, и Баденъ-Поуэлль опасается, что недостатокъ скоутмастеровъ затормозитъ дальнѣйшее развитіе организациі, насчитывавшей въ 1913 году болѣе полутора сотъ тысячъ членовъ.

Намъ показывали коллекціи бойскоутскихъ значковъ и эмблемъ. Очень любопытны такъ называемыя proficiency badges — повязки, указывающія на то, что ихъ носители избрали себѣ какую-либо полезную спеціальность и въ ней оказали успѣхи, причемъ по каждой спеціальности требуется выполненіе опредѣленныхъ задачъ. Тутъ и повязки со знакомъ Краснаго Креста — для санитаровъ, и знакъ съ изображеніемъ аэроплана — для того, кто построитъ модель аэроплана или дирижабля и изучитъ теорію летанія, и коровья голова — для специалиста по молочной части, и утюгъ — для умѣющаго стирать и гладить, и двѣ скрещенныя руки — для переводчика, имѣющаго элементарныя свѣдѣнія объ эсперанто или любомъ иностранномъ языкѣ, и наковальня — для кузнеца, и даже комическая маска для „развлекателя“ (entertainer). Чтобы удостоиться этой послѣдней повязки, нужно оказаться способнымъ въ теченіе по крайней мѣрѣ 15-ти минутъ занять смѣшанную аудиторію декламаціей, пѣснями, игрой на какомъ-либо инструментѣ, фокусами, рисованіемъ карикатуръ, танцами и даже чревоущаніемъ! Всѣхъ значковъ — и соотвѣтствующихъ имъ профессій — болѣе пятидесяти. Конечно, они не всѣ одинаково популярны...

На другой день, — какъ я уже сказалъ, — мы поѣхали въ маленькій загородный лагерь. Повезъ насъ (В. И. Неми-

ровича-Данченка, Чуковского, Егорова и меня) уже знакомый читателямъ Хагбергъ Райтъ, нанявшій для этой поѣздки цѣлый автобусъ и пригласившій двухъ дамъ, работающихъ съ нимъ въ дѣлѣ снабженія нашихъ плѣнныхъ книгами. Одна изъ дамъ взяла съ собой свою 12-лѣтнюю дочку, хорошенькую, веселую и забавную. Вначалѣ она дичилась и робѣла передъ „русскими джентльменами“, но черезъ полчаса мы стали короткими пріятелями, и она расшалилась во всю, по-дѣтски кокетничая съ каждымъ изъ насъ поочереды, а потомъ, вмѣстѣ со всѣми нами и приглашенными нотаблями, важно возсѣдала на эстрадѣ сарайчика, гдѣ человекъ тридцать маленькихъ бойскоутовъ продѣлывали всю свою — не очень сложную — программу, бойскоутскій оркестръ сыгралъ оба національныхъ гимна, начальникъ лагеря произнесъ рѣчь, кое-какъ я ему отвѣтилъ, — словомъ, все обошлось по принятому и уже привычному для насъ ритуалу. Потомъ мы пили чай въ красивомъ замкѣ мѣстнаго магната, и здѣсь, совершенно неожиданно, со стѣны одной изъ гостиныхъ, на меня глянулъ портретъ поразительной прелести и силы: случайный Ванъ-Дейкъ, подлинная жемчужина. Въ гостиной этой было холодно и сумрачно — но мнѣ показалось, будто кто-то ее сразу согрѣлъ и освѣтилъ, — и долго не хотѣлось уходить.

Уже стемнѣло. Спутники ворчали и торопили домой. Мы тронулись въ обратный путь. Всѣ немного утомились. Только наша маленькая пріятельница неугомонно болтала, смѣялась и шалила, пока мы не довезли ее до дома. Когда автобусъ остановился, она проворно выскочила на тротуаръ и, стоя у подъѣзда, сдѣлала намъ по всѣмъ правиламъ искусства большой церемонный реверансъ.

Она знала, что мы всѣ очарованы.

КОМИТЕТЪ ПОМОЩИ РУССКИМЪ ВОЕННОПЛѢННЫМЪ

XXI

а нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Англїи я имѣлъ возможность, въ бесѣдѣ съ супругой нашего посла, графиней С. П. Бенкендорфъ, получить свѣдѣнія о дѣятельности комитета помощи русскимъ военноплѣннымъ въ Германїи и Австріи. Позднѣе, уже по возвращенїи моемъ въ Россїю, мнѣ были пересланы нѣкоторыя документальныя данныя. Всѣмъ этимъ мнѣ хочется подѣлиться съ читателями. Здѣсь, во-первыхъ, одно изъ реальнѣйшихъ проявленїй отношенїя Англїи къ намъ. Но кромѣ того,—чѣмъ шире будетъ огласка, тѣмъ больше надежды на откликъ и участїе. За послѣднее время въ печати и въ публичныхъ собранїяхъ неоднократно указывалось на заброшенность нашихъ военно-

плѣнныхъ по сравненію съ плѣнными изъ другихъ союзныхъ армій. Никто не имѣетъ нравственнаго права закрыть глаза на тяжелое, мучительное — и физически, и нравственно — положеніе, въ которомъ находятся наши военноплѣнные, мириться съ этимъ положеніемъ, вызывающимъ жалость и недоумѣніе даже у товарищей по несчастію. Вѣдь, нескоро, очень нескоро пробьетъ для нихъ часъ возвращенія, а когда пробьетъ—будетъ ли онъ для всѣхъ счастливымъ? Не для всѣхъ, навѣрно, пройдутъ даромъ долгіе мѣсяцы плѣна...

Мнѣ кажется, что простой рассказъ о томъ, что сдѣлано англійскимъ комитетомъ, и какъ отозвалось сдѣланное имъ на нравственномъ состояніи тѣхъ, кому онъ помогъ, будетъ краснорѣчивѣе всякихъ призывовъ.

Я только что назвалъ комитетъ „англійскимъ“. На такомъ названіи настаиваетъ графиня Бенкендорфъ, хотя она сама стоитъ во главѣ комитета, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что ея неутомимая энергія болѣе всего способствовала успѣху дѣла. Названіе это оправдывается прежде всего составомъ комитета.

Предсѣдателемъ исполнительной комиссіи состоитъ извѣстный лордъ Дарби, вице-предсѣдателемъ сэръ Луисъ Маллетъ, почетнымъ казначеемъ—лордъ Ровельстонъ, секретаремъ—г. Джефферсонъ. Нашъ соотечественникъ, проф. П. Г. Виноградовъ,—почетный секретарь комитета. Но, конечно, это есть скорѣе формальное основаніе. По существу, комитетъ является англійскимъ въ силу того, что почти всѣ его средства добываются въ Англійи, при содѣйствіи разнообразнѣйшихъ учреждений и лицъ, принадлежащихъ къ очень широкому слою населенія.

Районъ дѣятельности комитета въ настоящее время охватываетъ двѣнадцать лагерей для военноплѣнныхъ нижнихъ чиновъ, двѣнадцать офицерскихъ лагерей и четыре лагеря для гражданскихъ плѣнныхъ. Среди гражданскихъ плѣнныхъ есть нѣсколько сотъ женщинъ и дѣтей, есть множество сильно нуждающихся мелкихъ чиновниковъ,

уведенныхъ изъ захваченныхъ нѣмцами губерній. Въ моемъ распоряженіи имѣются всѣ адреса лагерей, съ указаніемъ количества плѣнныхъ въ каждомъ изъ нихъ и съ фамиліями тѣхъ довѣренныхъ лицъ, которыя уполномочены на полученіе и распредѣленіе посылокъ для плѣнныхъ. Въ одиннадцати лагеряхъ для нижнихъ чиновъ организованы русскіе комитеты (Vertrauenskomitee). Такіе же комитеты существуютъ во всѣхъ четырехъ лагеряхъ для гражданскихъ плѣнныхъ. Въ большинствѣ этихъ комитетовъ предсѣдательствуютъ плѣнные русскіе врачи. Лазареты устроены въ девяти лагеряхъ для нижнихъ чиновъ, школы.—въ шести. Однимъ изъ многочислѣннѣйшихъ является лагерь въ Пархимѣ (Мекленбургъ-Шверинъ). Какъ видно изъ письменнаго сообщенія, полученнаго англійскимъ комитетомъ, здѣсь еще осенью прошлаго года былъ образованъ интернаціональный комитетъ помощи военноплѣннымъ, въ составъ котораго вошли представители русскіе и бельгійскіе. Главной задачей комитета является распредѣленіе поступающихъ пожертвованій между наиболѣе нуждающимися плѣнными. Число ихъ и степень нужды были выяснены строго произведенной анкетой. Уставъ комитета былъ утвержденъ комитетомъ Пархимскаго лагеря. Выработанъ порядокъ распредѣленія поступающихъ пожертвованій, причемъ всѣ посылки и деньги, поступающія на имя русскаго отдѣла, дѣлятся исключительно между русскими военноплѣнными, поступающія же просто на имя военноплѣнныхъ лагеря, безъ указанія воли жертвователя, дѣлятся между всѣми нуждающимися безъ различія ихъ національностей и религій. Аналогичныя организациі имѣются и въ другихъ лагеряхъ. Со всѣми ними англійскій комитетъ находится въ постоянныхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ и довольно хорошо (принимая въ соображеніе военцензурныя условія) освѣдомленъ о положеніи дѣла въ каждомъ изъ нихъ. Благодаря этому онъ можетъ планомѣрно и цѣлесообразно распредѣлять получаемыя имъ средства.

Открывъ свою дѣятельность лѣтомъ прошлаго года, комитетъ по 15 марта нынѣшняго года собралъ до пятидесяти двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, т.-е. свыше полумилліона рублей по номинальному курсу.

Списки пожертвованій періодически помѣщаются въ газетахъ, и въ нихъ не мало интересныхъ и трогательныхъ подробностей. Участвовали въ сборѣ и колоніи. Далекая Новая Зеландія, въ лицѣ общества Victoria League, доставила триста фунтовъ. Нашъ консулъ въ Гибралтарѣ собралъ 530 фунтовъ. Есть взносы, образовавшіеся благодаря отказу школьниковъ отъ наградъ за ученіе и за первенство въ спортѣ или отъ подарковъ на Рождество, есть маленькія пожертванія, собранныя въ сельскихъ школахъ. Сборы въ церквахъ дали около 2½ тысячъ фунтовъ. Рабочіе и мелкіе служащіе удѣлили изъ своихъ средствъ до 350 фунтовъ. Конечно, крупнѣйшую долю составляютъ взносы отдѣльныхъ частныхъ лицъ, въ сто, полтора, пятьсотъ и тысячу фунтовъ, а одинъ взносъ далъ десять тысячъ фунтовъ—около 150 тысячъ рублей по теперешнему курсу.

Какъ расходуются эти суммы? Прежде всего, значительная ихъ часть идетъ на посылку плѣннымъ хлѣба, въ которомъ они такъ остро нуждаются. По 1 марта комитетъ израсходовалъ на эту потребность до двадцати тысячъ фунтовъ. Далѣе идутъ расходы на приобрѣтеніе теплыхъ вещей (18.000 фунтовъ) и на пищевые продукты для больныхъ (850 фунтовъ). Имѣющихся сейчасъ свободныхъ средствъ можетъ хватить еще на нѣсколько (3—4) мѣсяцевъ,—и было бы крайне желательно усилить приливъ пожертвованій изъ Россіи.

Кромѣ взносовъ денежныхъ, были и пожертвованія вещами. Журналъ „Khaki“ прислалъ пищевыхъ продуктовъ на 500 фунтовъ, канадскій Красный Крестъ предоставилъ комитету 60 ящиковъ набрюшниковъ и напульсниковъ и до 20 пудовъ варенья. Были и другія пожертвованія теплыми вещами. Благодаря всему этому, комитетъ имѣлъ

возможность послать плѣннымъ свыше 55 тысячъ штукъ разнаго теплаго бѣлья, въ томъ числѣ около 18 тысячъ рубахъ.

XXII.

Предо мною лежатъ копіи писемъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какое впечатлѣніе производило на плѣнныхъ полученіе посылокъ. Я не могу не привести изъ нихъ нѣкоторыя выдержки. Читатель пусть сдѣлаетъ свои выводы.

Изъ лагеря Альгорна пишутъ по поводу полученія 900 хлѣбовъ и 300 пачекъ табаку:

„Нужно ли говорить, какое впечатлѣніе произвелъ на товарищей вашъ подарокъ-посылка? Большинство изъ насъ находится уже въ германскомъ плѣну отъ 9 до 18 мѣсяцевъ. До сихъ поръ мы посылокъ или совѣмъ не видали, или получаемъ въ такомъ количествѣ, что только единичные счастливыцы могутъ похвалиться ими (maximum 2—3 проц.).

Безъ преувеличенія могу сказать, что нашъ сегодняшній праздникъ останется самымъ памятнымъ днемъ за все время германскаго плѣна. Я не нахожу достойныхъ словъ, чтобы выразить вамъ ту искреннюю и сердечную благодарность, о которой меня просили товарищи. Чтобы понять наши чувства, нужно принять во вниманіе, что для многихъ изъ насъ вашъ подарокъ былъ первымъ и единственнымъ за все время плѣна“.

„Раненый рядовой русскій солдатъ“ пишетъ изъ другого лагеря: „Графиня, я получилъ отъ васъ посылку, состоящую изъ бисквита, банки консервовъ, бульону, плитки шоколаду и коробки какао, за что сердечно васъ благодарю... Это первая посылка, которую я получилъ, за 14 мѣсяцевъ моего плѣненія“.

Четыре подпрапорщика, уполномоченные лагеря въ Нейенкирхенъ, получили для нижнихъ чиновъ лагеря 42 пакета, въ которомъ находилось 272 рубашки, 60 фуфаякъ,

108 паръ чулокъ. „Слѣдовательно, получивъ таковыя, мы означенныя вещи роздали по усмотрѣнію нуждающимся нижнимъ чинамъ, которые, получая ихъ, чувствовали себя въ восторгѣ радости и глубокой благодарности означенному комитету... А почему приносимъ комитету искреннюю благодарность мы, военноплѣнные означеннаго лагеря; и чувствуя себя, что мы имѣемъ великую надежду въ жизни. Въ чемъ и подписуемся“.

„Восторгъ радости“ и „великая надежда въ жизни“— изъ-за рубахи, кальсонъ и пары чулокъ; поистинѣ малаго требуютъ эти люди отъ теперешней своей жизни!

А вотъ еще:

„Неописуемую радость и счастье у солдатъ раненыхъ (теплыя фуфайки раздаются только раненымъ) вызываютъ теплыя фуфайки. Это первыя посылки отъ благотворительнаго русскаго общества (NB. письмо написано на имя проф. Виноградова) для русскихъ солдатъ, и потому онѣ очень, очень дороги для нихъ. Наши солдаты получаютъ очень мало посылокъ изъ дому, можно сказать— почти не получаютъ, между тѣмъ, какъ наши союзники получаютъ ихъ почти ежедневно“.

Но какъ ни скудно живутъ наши плѣнные, и они умѣютъ отъ избытка своего дѣлиться.

„Въ послѣднее время—пишетъ изъ одного лагеря врачъ— у насъ находится въ лагерѣ 1000 сербскихъ военноплѣнныхъ, изъ которыхъ человекъ 70 лежатъ въ лазаретѣ. По требованію русскихъ больныхъ продукты мы должны давать также и сербамъ“. И предсѣдатель комитета въ другомъ лагерѣ, подпрапорщикъ Д., подтверждаетъ это отношеніе къ сербамъ.

„700 булокъ, по желанію всѣхъ русскихъ, находящихся въ лагерѣ, были отданы прибывшимъ въ нашъ лагерь сербамъ-военноплѣннымъ... Они терпятъ крайнюю нужду... Нашъ комитетъ принялъ горячее участіе въ ихъ нуждахъ. Поэтому мы просимъ васъ не оставить и сербовъ, какъ нашихъ союзниковъ, своимъ попеченіемъ“.

И, въ заключеніе, письмо (по-англійски) отъ англійскихъ солдатъ изъ лагеря въ Деберицѣ:

„Со времени отсылки моей послѣдней карточки, въ нашъ лагерь прислали еще 500 русскихъ. Мы съ ними отлично ладимъ. Очень забавно смотрѣть, какъ они учатся играть въ футболъ. Многіе изъ нихъ говорятъ по-англійски и быстро приобрѣтаютъ англійскія привычки. Здѣсь есть также французы и бельгійцы, очень хорошіе парни. Всѣ здѣсь получаютъ посылки, кромѣ русскихъ“.

Пусть не посѣтуетъ на меня читатель за эти выдержки и за сухія цифры, рисующія дѣятельность англійскаго комитета. Сопоставленіе тѣхъ и другихъ напрашивается само собою. Если нужно такъ мало для того, чтобы освѣтить лучомъ радости и счастья тяжелое однообразіе мрачнаго германскаго плѣненія, неужели мы откажемъ въ этомъ маломъ? Сколько еще предстоитъ мѣсяцевъ этого горькаго испытанія... Намъ такъ легко влить каплю отрады и бодрости въ измученныя сердца!

Но на русскомъ обществѣ, думается мнѣ, лежитъ еще и другой нравственный долгъ — долгъ признательности Англійи за ея великодушную и обильную помощь. Трудно ожидать, чтобы мы могли выплатить его въ полной мѣрѣ, — не такія у насъ средства, да и организациі для этого не существуетъ. И вполнѣ естественно, законно и необходимо, чтобы помощь наша шла прежде всего нашимъ плѣннымъ, обдѣленнымъ и заброшеннымъ. Но все же было бы тяжело сознавать, что проявленныя англичанами участіе къ русскимъ плѣннымъ, готовность помочь останутся безъ всякаго отклика. Они подумали о нашихъ военноплѣнныхъ, и мы должны подумать о плѣнныхъ англійскихъ солдатахъ. Существуетъ большая и дѣятельная организациа — объединенный военный комитетъ британскаго общества Краснаго Креста и ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго *),

*) Лондонскій адресъ: Joint War Committee of the British Red Cross society and the order of S-t John of Jerusalem, 83, Pall Mall London, S. W.

пекущійся о больныхъ и раненыхъ солдатахъ и матросахъ. Было бы хорошо, если бы хоть часть нашего общества направила туда (или хотя бы въ здѣшнее посольство) свои взносы, какъ нѣкоторое выраженіе нашей благодарности и нашей сердечной близости къ ея арміи и флоту. Это, конечно, не значитъ, что мы должны отнимать что-то отъ „своихъ“ и давать „чужимъ“. У насъ могутъ найтись люди, которымъ ихъ средства позволяютъ помогать „на два фронта“. А здѣсь, въ отношеніи Англїи, важенъ не размѣръ помощи, а ея нравственное значеніе.

ЛОНДОНСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ И ВПЕЧАТЛЕНІЯ ВОЗВРАЩЕНІЕ

XXIII

же я говорилъ о томъ, что послѣдняя недѣля въ Лондонѣ была проведена нами (Толстымъ и мною) въ непрерывномъ и, какъ оказалось, бесплодномъ ожиданіи осмотровъ мобилизованныхъ мастерскихъ и заводовъ. За это время удалось исполнить кое-какія работы, побывать въ театрахъ и видѣть ту часть Национальной Галлерей, которая еще открыта для публики.

Въ первый мой прїездъ въ Лондонъ весной 1914 года, Национальная Галлерей, какъ и всѣ другія публичныя картинныя галлерей Лондона, была закрыта. Это было въ раз-

гарь войны, объявленной суффражистками, послѣ нѣсколькихъ случаевъ поврежденія выставленныхъ картинъ. Закрытие имѣло настолько абсолютный характеръ, что никакія попытки получить личное разрѣшеніе не увѣнчались успѣхомъ, несмотря даже на содѣйствіе, оказанное мнѣ однимъ изъ чиновъ нашего посольства. Такъ я и уѣхалъ тогда, не выдавъ чудесъ этой галлерей, знакомыхъ мнѣ по снимкамъ. Теперь трудно повѣрить, что два года тому назадъ вопросъ о женскомъ избирательномъ правѣ, а рядомъ съ нимъ вопросъ ирландскій, стоялъ въ центрѣ общественной и государственной жизни, волнуя умы, раздѣляя англичанъ на враждующія партіи, грозя неразрѣшимыми конфликтами. Сейчас о суффражисткахъ никто не вспоминаетъ, о нихъ ничего не слышно. Было бы, конечно, легкомысленно дѣлать отсюда выводъ, что движеніе улеглось. Наоборотъ, можно съ увѣренностью сказать, что тотчасъ по окончаніи войны и женскій, и ирландскій вопросы будутъ вновь подняты. Но едва ли они встрѣтятъ прежнее отношеніе къ себѣ. Что касается Home Rule'a, то мнѣ приходилось слышать (между прочимъ, отъ О'Коннора, извѣстнаго ирландскаго парламентарія), что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ благополучномъ улаженіи конфликта съ Эльстеромъ, путемъ выработки того или другого компромисса. Во всякомъ случаѣ, опасность гражданской войны (если допустить, что она когда-либо существовала)—исчезла навсегда. Это, конечно, результатъ психическихъ переживаній, связанныхъ съ войной. Такимъ же результатомъ должно быть измѣненіе взглядовъ на женскій вопросъ. Во многихъ отношеніяхъ война заставила пересмотрѣть основы политическаго міросозерцанія, старыя политическія формулы. Несомнѣнно, что упорное противодѣйствіе законнымъ и естественнымъ стремленіямъ англійскихъ женщинъ къ политическому раскрѣпощенію въ значительной мѣрѣ было послѣдствіемъ не логическихъ аргументовъ (ихъ, вѣдь, не можетъ быть), не соображеній цѣлесообразности (самое это противодѣйствіе оказалось въ высшей

степени нецѣлесообразнымъ), а извѣстной складки политическаго мышленія, закоренѣлой привычки думать такъ или иначе, и не только умственныхъ, но и психическихъ навыковъ. Но въ этой области война произвела такія потрясенія, послѣ которыхъ прежніе, традиціонные подходы къ жгучимъ политическимъ проблемамъ окажутся невозможными, или, по крайней мѣрѣ, крайне непопулярными. Конечно, никто не возьмется съ увѣренностью предсказать, что женское избирательное право получить свое осуществленіе въ Англїи въ ближайшемъ будущемъ, но зато никто, по крайней мѣрѣ, среди тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось по этому поводу обмѣниваться взглядами, не допускаетъ возможности возобновленія прежней борьбы, въ ея часто возмутительныхъ и бессмысленныхъ формахъ, когда несдающееся упорство одной изъ сторонъ вызывало дикіе, варварскіе эксцессы другой...

Теперь въ Лондонѣ большинство картинныхъ галлерей (національная портретная, галлерей Tate и Wallace) тоже закрыто,—но по другимъ причинамъ... Цеппелины принудили къ принятію мѣръ предосторожности, картины убраны и спрятаны въ мѣста, гдѣ онѣ не подвергаются опасности отъ случайной бомбы. Закрыта и значительная (большая, въ сущности) часть Національной Галлерей, картины самыя знаменитыя совсѣмъ увезены. Но и того, что осталось, достаточно для доставленія—съ одной стороны—высокаго художественнаго наслажденія, и для возбужденія основательнаго безпокойства и тревоги.

Какъ извѣстно, Національная Галлерей находится въ центрѣ Лондона,—а, по своему географическому положенію, этотъ центръ является, въ то же время, центромъ danger zone, гдѣ рискъ нападенія—наибольшій. Бомбы уже падали на сравнительно недалекѣмъ разстояніи отъ Trafalgar square. Національная Галлерей крыта стекломъ, не могущимъ, разумѣется, оказать ни малѣйшаго сопротивленія, въ случаѣ паденія на него бомбы. Тамъ, гдѣ упала бы такая бомба, не осталось бы ничего отъ тѣхъ шедев-

ровъ искусства, которыми сейчасъ разрѣшаютъ любоваться публикѣ.

Мы стояли съ Толстымъ въ одной изъ залъ, гдѣ висятъ прелестная Musidoga и изумительные портреты Гэнсборо, такіе же дивные портреты Рейнольдса и Реберна, пейзажи Констэбля и Тэрнера—и жутко дѣлалось при мысли, что достаточно нелѣпой случайности,—и отъ всѣхъ этихъ чудесъ останется одно воспоминаніе.

Надо сказать, что мысль о такой возможности очень тревожитъ и волнуетъ лондонскую печать. Въ „Daily Telegraph“ ведется художественнымъ критикомъ, сэромъ К. Филиппсомъ, энергичная кампанія, направленная къ тому, чтобы убѣдить попечителей галлерей закрыть ее окончательно. Дѣло въ томъ, что здѣсь у попечителей, сохранившихъ для посѣтителей возможность обзрѣть хоть часть галлерей, были очень симпатичные мотивы. Они думали объ отпускныхъ солдатахъ, о широкой публикѣ, переживающей всѣ тягости военного времени и нуждающейся въ душевномъ отдыхѣ, въ здоровомъ и возвышенномъ развлеченіи. Нельзя отрицать вѣскости этихъ соображеній, но, конечно, они могутъ быть рѣшающими только въ томъ случаѣ, если приняты мѣры, вполне гарантирующія безопасность художественныхъ сокровищъ отъ всякихъ случайностей. Между тѣмъ, это отнюдь не сдѣлано, и Филиппсъ вполне правъ, когда утверждаетъ, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть выбора. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, рисковать цѣлостью безцѣнныхъ сокровищъ искусства, принадлежащихъ всѣмъ будущимъ поколѣніямъ, ради удовольствія или удобствъ кого бы то ни было изъ современниковъ.

Попечители выбрали компромиссъ, а въ данномъ вопросѣ компромиссъ не имѣетъ никакого смысла. Достаточно сказать, что въ открытыхъ для публики залахъ висятъ—кромѣ уже названныхъ произведеній англійской школы—рядъ шедевровъ итальянскихъ мастеровъ (напримѣръ, большая алтарная картина болонца Франческо Франчія, съ

дивной Pieta, нѣсколько полотень Корреджіо, новый, недавно прибрѣтенный Мазаччіо, превосходные Кривелли и Болтраффіо), чудесные пейзажи Клода Лоррена, а въ отдѣльной, недавно открытой, залѣ голландской школы можно любоваться четырьмя Рембрандтами первокласснаго достоинства, отличными картинами Метсю, Остаде, двумя Гоббема и недавно прибрѣтеннымъ „Концертомъ“ (другое названіе „La Collation“—ужинъ) Питера де-Гооха—этого восхитительнаго, единственнаго въ своемъ родѣ мастера (моего любимаго). Этотъ „Концертъ“, который я нѣсколько лѣтъ тому назадъ видѣлъ въ Амстердамѣ, находился въ галлерей Стенграхта и былъ проданъ въ 1913 году въ Парижѣ, при распродажѣ галлерей, за что-то около 70 тыс. франковъ, а Національная Галлерей купила его дешевле.

Болѣе двухъ часовъ бродили мы съ Толстымъ по полупустымъ заламъ, возвращаясь то къ тому, то къ другому полотну, съ трудомъ отрываясь отъ такихъ чудесъ, какъ „Приходскій писарь“ или „Ральфъ Шомбергъ“ кисти Гэнсборо, „Дама въ голубомъ“ его же, съ мечтательными темными глазами, словно освѣщающими болѣзненное блѣдное личико, великолѣпная „Мистриссъ Сиддонсъ“ и фантастическія свѣтотѣныя симфоніи Тэрнера. Нѣтъ, не хочется вѣрить, чтобы эти несравненные сокровища могли погибнуть отъ варварскаго налета. А въ памяти встаетъ разрушенный Ипръ, сожженный Лувенъ, истерзанннй Реймскій Соборъ... Развѣ этому можно было бы повѣрить?.. Куда отодвинулись предѣлы вѣроятнаго и возможнаго въ наше сплошь невѣроятное и сплошь невозможное время?..

XXIV.

О театральнй жизни Лондона не приходится сказать многое. Я уже упоминалъ въ своихъ очеркахъ о томъ состояніи упадка, въ которомъ влачитъ существованіе

свое театрѣ въ Парижѣ. Не лучше обстоитъ дѣло и здѣсь. Но мнѣ кажется, что причиною этого упадка не является только война. Во всякомъ случаѣ, она въ Лондонѣ не отразилась ни на количествѣ предлагаемаго театральнаго товара, ни на количествѣ потребителей этого товара. Нѣсколько театровъ, которымъ посчастливилось угодить публикѣ той или другой пьесой, работаютъ великолѣпно, собирая этой пьесой изо дня въ день полный залъ. Между тѣмъ, по общему отзыву болѣе тонкихъ цѣнителей театральнаго искусства, въ Лондонѣ сейчасъ смотрѣть нечего. Скептически настроенные прибавляютъ, впрочемъ, что въ Лондонѣ уже давно нечего было смотрѣть, за исключеніемъ того, что привозилось на время сезона съ континента: дягилевскихъ спектаклей и оперы въ театрѣ Covent Garden... И паденіе театра связано въ ихъ глазахъ съ упадкомъ драматической литературы.

Здѣсь не мѣсто, да у меня и нѣтъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы подойти вплотную къ вопросу объ англійскомъ театрѣ. Замѣчательно, что болѣе полувѣка тому назадъ Тэнъ въ своихъ „Замѣткахъ объ Англіи“ констатировалъ равнодушіе къ театру со стороны „хорошаго общества“, посѣщающаго только два лондонскихъ театра—Drury Lane и Covent Garden, имѣвшихъ монополію шекспировскихъ пьесъ,—да и то преимущественно тогда, когда тамъ ставились итальянскія оперы, съ участіемъ гастроллирующихъ знаменитостей. „Въ Англіи,—писалъ Тэнъ,—больше нѣтъ національной комедіи; авторы переводятъ или приспособляютъ французскія пьесы“. Тэнъ не находилъ объясненія этому факту и признавалъ его энигмой. Лѣтъ сорокъ спустя другой французскій критикъ, несравненно меньшаго калибра, А. Filon, напечаталъ цѣлую книгу объ англійскомъ театрѣ, гдѣ констатировалъ упадокъ англійской драмы, достигшей особенно низкаго уровня въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка и съ тѣхъ поръ тщетно старавшейся отрѣшиться отъ французскаго вліянія—главнымъ образомъ, вліянія Скриба и Сарду—и воспринять но-

вые идеи, новые приемы сценического творчества. Любопытно, что Filon ожидалъ возрожденія англійскаго театра отъ Ибсена, котораго особенно усердно пропагандировалъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ извѣстный англійскій критикъ Edmund Gosse. Filon думалъ, что творчество Ибсена можетъ и должно быть воспринято англичанами потому, что это творчество выражаетъ нѣкоторыя эмоціи и нѣкоторыя проблемы нравственнаго порядка, что вопросы, тревожившіе духъ норвежскаго драматурга,—какъ разъ волнуютъ и раздѣляютъ англійское общество и, наконецъ, что Ибсенъ „вѣщаетъ“ (употребляя выраженіе Карлейля) именно англійскому обществу больше, чѣмъ какому-либо другому. Такъ это или не такъ, спорить не приходится, но фактическій опытъ опровергъ предположенія французскаго критика. Вліянія Ибсена совершенно нельзя подмѣтять въ англійскомъ театрѣ послѣдняго двадцатилѣтія. Съ другой стороны, очень замѣчательно, что и теперь, какъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, осталась какая-то демаркаціонная линія между подлинной художественной литературой и издѣліями, предназначенными для сцены. У насъ въ Россіи цѣлый рядъ первоклассныхъ писателей-романистовъ писали и для театра: достаточно вспомнить Толстого, Тургенева, Салтыкова, Чехова, не говоря о многочисленныхъ современникахъ. Въ Англии ни Диккенсъ или Теккерей въ прошломъ вѣкѣ, ни Киплингъ или Уэллзъ въ нынѣшнемъ не выступали никогда въ качествѣ драматурговъ, несмотря на то, что, напримѣръ, Диккенсъ обожалъ театръ, его технику, актерство, самъ превосходно игралъ и въ своихъ письмахъ далъ изумительныя описанія игры современныхъ ему знаменитыхъ англійскихъ и французскихъ актеровъ. Конечно, можно указать и въ Англии на Теннисона и на Уайльда. Но первый дебютировалъ въ роли драматурга, когда ему уже минуло 65 лѣтъ, и его историческія драмы (только о нихъ стоитъ говорить), такъ же, какъ и драмы Свинберна и Браунинга, мало прибавили къ его лаврамъ. Что касается Уайльда, то его роль въ исторіи англійскаго

театра нельзя отрицать, но именно эта роль, какъ мнѣ кажется, была въ высшей степени неблагоприятной. Жизненная правда, сила переживаній, красота и глубина мысли, выпуклость характеровъ, ихъ общечеловѣческое значеніе и интересъ—все это у Уайльда отсутствуетъ и замѣнено фейерверкомъ остроумія, неожиданныхъ парадоксовъ, какой-то радужной и обманчивой игрой разочарованнаго ума. И, какъ разъ, эта основная черта Уайльда, это его остроуміе вызвала наибольшее подражаніе. Этотъ особенный стиль, которымъ въ совершенствѣ владѣлъ только онъ одинъ, сталъ теперь ходячимъ, всегда производя впечатлѣніе какой-то поддѣлки, чего-то далекаго отъ жизни, искусственнаго и, въ конечномъ счетѣ, лживаго.

А затѣмъ—кто же остается? Основательно забытые Грэнди и Джонсъ, плодовитый Пинеро, съ его „Второй мистриссъ Тэнкерей“—единственной крупной и замѣчательной вещью, которую широко популяризовала гениальная игра Элеоноры Дузе, да теперешній властитель думъ, Бернардъ Шоу. Этотъ послѣдній—конечно, подлинная литература, она останется. Но она останется независимо отъ театра, именно потому, что почти всѣ пьесы Шоу гораздо легче читаются, чѣмъ смотрятся. Для него, надо думать, драматическая форма просто наиболѣе удобная, а отнюдь не необходимая. Оттого у него есть вещи, которыя вообще не могутъ быть представлены на сценѣ, хотя и написаны въ формѣ драматической („Man and Superman“).

Такая бѣдность драматической литературы особенно поразительна въ странѣ, давшей человѣчеству Шекспира. Но не въ этомъ ли кроется и объясненіе? Какъ нѣкая гигантская вершина, Шекспиръ словно бросилъ тѣнь на рядъ вѣковъ. Онъ далъ критерій, какъ бы заранѣе обезнадеживающій cadaго, вступающаго на путь драматическаго творчества. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, до сихъ поръ даетъ полное удовлетвореніе художественнымъ запросамъ общества. Знаменитые англійскіе актеры и актрисы (Irving, Tree, Ellen Terry) на немъ специализировались. Сейчасъ Англія

не можетъ достойнымъ образомъ отпраздновать его трехсотлѣтіе. Но нѣтъ сомнѣнія, что, когда это празднованіе наступитъ, Шекспиръ снова и надолго завладѣетъ сценой.

Если къ театру Шекспира англичане относятся съ полнымъ благоговѣніемъ, обращая исполненіе и созерцаніе его твореній въ какое-то священнодѣйствіе, то отъ прочаго театра они требуютъ только одного,—чтобы онъ ихъ занималъ и развлекалъ. Отсюда постоянная популярность фарсовъ и мелодрамъ, отсюда же и то огромное количество макулатуры, ежегодно выбрасываемой на сцену, быстро забываемой, какъ только исчерпанъ ея минутный интересъ. Въ особенности сейчасъ ощущается потребность въ такомъ театрѣ. Въ этомъ отношеніи Лондонъ похожъ на Парижъ. Но тогда какъ Парижъ удовлетворяется возобновленіемъ всякаго старья, не требующаго большихъ затратъ и рассчитаннаго на среднюю публику, Лондонъ требуетъ болѣе нарядныхъ, болѣе изысканныхъ зрѣлищъ. Пять или шесть эlegantнѣйшихъ его театровъ играютъ такъ называемыя „reviews“ — обзорѣнія — наипменѣе литературный театральный жанръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ открывающій наибольшій просторъ фантазіи, экспромту, комизму, близко подходящему, а иногда и переходящему въ буффонаду. Съ „обозрѣніями“ конкурируютъ оперетки, совершенно ничтожныя по музыкѣ, нелѣпыя по сюжету, но написанныя такъ, что актеры могутъ балаганить во всю, не нарушая авторскихъ намѣреній. Если прибавить, что эти произведенія ставятся съ большой роскошью (можно потерять счетъ количеству переодѣваній хористокъ), что въ ихъ исполненіи участвуютъ порою удивительно талантливыя артисты (въ родѣ очаровательной Gertie Millar), что они забавляютъ, не предъявляя никакихъ требованій уму,—то станетъ понятнымъ, что они изъ вечера въ вечеръ привлекаютъ массу публики и что публика эта остается совершенно удовлетворенной и довольной. Для болѣе серьезныхъ и требовательныхъ зрителей ставятся легкія комедіи въ стилѣ Уайльда. Я видѣлъ одну такую комедію, гдѣ

главную роль играла Irene Vanbrugh, замѣчательная мастерица этого жанра. Сюжетъ совершенно ничтоженъ и неправдоподобенъ, характеры условны и выдуманы, развязка нелѣпа. Но все это такъ ловко сдѣлано, приправлено такимъ количествомъ аттической соли, такъ блеститъ и сверкаетъ талантъ исполнительницы, что первый внутреннй протестъ быстро замираетъ, и невольно заинтересовываешься, и невольно любишься, — и начинаешь браниться, только выйдя изъ театра...

А затѣмъ процвѣтаетъ еще и другой жанръ: — патристически-дидактической. Сейчасъ онъ представленъ мелодрамой, имѣющей названіе — „The man who stayed at home“ — человекъ, оставшійся дома, т. е. не записавшійся въ армию. Въ самыхъ яркихъ краскахъ изображены злосключенія, которымъ подвергается этотъ малодушный человекъ. Конечно, въ художественномъ отношеніи эти издѣлія ничего не стоятъ. Достигаютъ ли они своей цѣли, какъ средство пропаганды? Не думаю. Слишкомъ уже примитивно это средство. Но театръ всегда полонъ, хотя пьеса идетъ уже нѣсколько мѣсяцевъ.

Музыки сейчасъ довольно мало. Оперы нѣтъ, концертанты рѣдки, остались только симфоническіе концерты. Въ программахъ львиная доля по-прежнему принадлежитъ Вагнеру. Цѣлые концерты бывають посвящены отрывкамъ изъ его музыкальныхъ драмъ. Рядомъ съ нимъ Брамсъ, Листъ, не говоря о Бетховенѣ и Моцартѣ. Также въ большомъ фаворѣ русская музыка, причемъ любимцами по-прежнему являются Чайковскій и Глазуновъ, а со времени дягилевскихъ спектаклей — и Мусоргскій. При мнѣ Т. Бичемъ включилъ въ программу одного изъ концертовъ цѣлый актъ „Бориса“. Говорять, впрочемъ, что исполняли его очень слабо. Но англичане твердо усвоили, что Мусоргскій — великій русскій композиторъ, что имъ слѣдуетъ восхищаться, и добросовѣстно исполняютъ эту обязанность. Доходитъ ли до ихъ сердца эта гениальная музыка — другой вопросъ. Читая въ прежніе годы про-

граммы Ковентгарденскаго сезона, гдѣ „Сомнамбула“ чередовалась съ „Тристаномъ“, а „Парсифаль“ съ „Паяцами“, я склоненъ былъ скептически относиться къ вкусу и музыкальному пониманію лондонской публики.

Я боюсь, что этотъ вкусъ находится въ тѣсной зависимости отъ моды — съ одной стороны, отъ уже создавшихся привычекъ и оцѣнокъ — съ другой. Въ успѣхѣ русскаго балета и русской оперы сыгралъ роль первый факторъ, въ популярности Вагнера — второй.

XXV.

Обратное наше путешествіе изъ Англіи мало походило на поѣздку туда. До этого насъ Сѣверное море баловало. Теперь оно словно захотѣло показать намъ, что оно можетъ быть и суровымъ, и непріятнымъ...

Дня за три до отъѣзда погода смягчилась, и въ самый день выѣзда изъ Лондона проглянуло настоящее, давно нами забытое солнце. Въ послѣдній разъ проѣхали мы по шумному и людному Strand'у. На вокзалѣ King's Cross провожали насъ кое-кто изъ англійскихъ друзей. Къ вечеру мы были въ Ньюкэстлѣ, гдѣ намъ предстояло на другой день посѣтить обширный судостроительный заводъ Palmers, одинъ изъ крупнѣйшихъ въ Англіи.

Я не стану описывать этотъ послѣдній нашъ осмотръ. Наиболѣе интересное изъ того, что мы видѣли, не подлежитъ оглашенію, остальное же имѣетъ слишкомъ техническое значеніе. Заводъ Palmers любопытенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ сосредоточены цѣликомъ всѣ производства, необходимыя для полученія того металла, который идетъ на постройку судовъ. Какъ говорятъ мѣстные жители, заводъ Palmers съ одного конца принимаетъ желѣзную руду, а съ другого выпускаетъ готовые суда. Легко себѣ представить, какъ многочисленны и сложны всѣ промежуточные устройства, какое разнообразіе работъ,

какъ велико количество рабочихъ, какая нужна организація для управленія такимъ колоссальнымъ дѣломъ. Достаточно сказать, что заводъ занимаетъ пространство около 50 десятинъ и тянется по берегу рѣки на полторы версты. Онъ включаетъ двѣ обширныя верфи, два сухихъ дока, эллингъ, машинныя и котельныя мастерскія, нѣсколько мартеновскихъ и доменныхъ печей, плавильни, кузнечныя мастерскія — всего не перечестъ. Въ одной только части этого пространства проложены рельсовые пути общимъ протяженіемъ въ 10 верстъ, причемъ на нихъ работаетъ 12 локомотивовъ. Заводъ можетъ единовременно строить до четырнадцати крупныхъ судовъ, включая въ это число броненосцы самыхъ большихъ размѣровъ, снабдить ихъ машинами, котлами, турбинами, приготовить всю сталь, нужную для ихъ оборудованія, и, вообще, снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ, до деревянныхъ частей — мебели, шкафовъ, обшивки каютъ — включительно.

Болѣе трехъ часовъ мы ходили по заводу. Дулъ сильнѣйшій вѣтеръ, и мы не безъ тревоги подумывали о предстоящемъ въ эту ночь отплытіи. Послѣ завтрака насъ повезли въ большомъ моторномъ катерѣ вверхъ по Тайнѣ, мимо безчисленныхъ верфей, показывая и объясняя намъ особенности новыхъ судовъ, уже совсѣмъ готовыхъ. Часамъ къ пяти мы вернулись въ гостиницу. Пошелъ проливной дождь, въ семь часовъ вечера нашъ милѣйшій спутникъ, г. Бальфуръ, простился съ нами и уѣхалъ обратно въ Лондонъ. Пароходъ нашъ отходилъ въ полночь. Мы рѣшили какъ можно раньше забраться на него и лечь спать до отхода. Къ ночи дождь пересталъ, небо засіяло звѣздами, стало холоднѣе. Мы пріѣхали на пристань часовъ въ 10. Въ большомъ сараѣ на берегу рѣки уже собралось нѣсколько пассажировъ, ждавшихъ осмотра своего багажа и провѣрки ихъ личностей и документовъ. Мѣстное начальство еще не приступило къ своимъ обязанностямъ, — ждали прибытія лондонскаго вечерняго поѣзда. Мы съ Толстымъ въ десятый разъ пересчитали наши мно-

гочисленные чемоданы, уѣлись на нихъ и стали терпѣливо ждать. Было темно, холодно и скучно. Наконецъ, такъ черезъ часъ, началось пропусканіе пассажировъ, причемъ съ нами обошлись крайне любезно и предупредительно, вещей нашихъ не смотрѣли, наговорили намъ всякихъ комплиментовъ и пожелали счастливаго пути и благополучнаго возвращенія домой.

Пароходъ „Юпитеръ“ отправляется изъ Ньюкэстля по субботамъ. Онъ совсѣмъ новый, вдвое больше другихъ пароходиковъ, совершающихъ рейсы между Англіей и Норвегіей, и превосходитъ размѣрами и удобствами тотъ „Bessheim“, который везъ насъ изъ Христианіи. Занявъ свою каюту, я быстро раздѣлся и легъ спать. Заснулъ крѣпко,—но не надолго. Въ четвертомъ часу я проснулся—и уже болѣе не спалъ. Мы были въ открытомъ морѣ—бушевалъ штормъ; качало такъ, что приходилось упираться въ перила, придѣланныя по бокамъ койки, а порою крѣпко за нихъ держаться, чемоданы гуляли по каютѣ, звенѣлъ графинъ, дребезжали стаканы, а въ толстое стекло иллюминатора то-и-дѣло съ грохотомъ ударяла волна.

Такъ продолжалось все утро, весь день и всю слѣдующую ночь, до той блаженной минуты, когда мы—часовъ въ шесть утра—вошли въ спокойный фіордъ...

Все это время я пролежалъ на койкѣ, только два раза поднимаясь въ столовую, чтобы выпить чаю и съѣсть сандвичъ. Я не болѣлъ,—но что за отвратительное самочувствіе, продолжающееся еще дня два послѣ того, какъ ступишь на твердую землю! И какъ соотвѣтствовалъ этому самочувствію кошмарный, на добрую треть выгорѣвшій Бергенъ, съ его грудями развалинъ, наскоро обведенныхъ деревянными заборами, съ его бараками, тѣсной и шумной гостиницей, гдѣ нельзя было добиться никакого толку, съ грязными улицами и мокрымъ снѣгомъ, хлеставшимъ насъ по лицу...

Но главное было уже позади. Предстояло еще пять сутокъ дороги (съ остановкой для отдыха въ Стокгольмѣ);

предстояли всѣ прелести дня, проведеннаго въ Гапарандѣ и Торнео, и скучный, однообразный путь отъ Торнео до Петрограда. Все это, однако, казалось шуткой послѣ тридцати часовъ морского плаванія. И все мелькнуло, какъ сонъ.

XXVI.

Передъ отъѣздомъ изъ Англїи я обратился въ редакціи англійскихъ газетъ съ письмомъ слѣдующаго содержания:

„Оставляя сегодня Англїю послѣ почти пятинедѣльнаго пребыванія въ вашей гостепріимной странѣ, я хотѣлъ бы публично заявить о тѣхъ чувствахъ и впечатлѣніяхъ, которыя я съ собой уношу. И прежде всего—для меня не только нравственный долгъ, но и живѣйшее удовольствіе поблагодарить отъ глубины сердца всѣ тѣ учрежденія и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя съ такой сердечностью, вниманіемъ и радушіемъ насъ принимали. Первая наша встрѣча съ почтеннымъ комитетомъ, во главѣ котораго стоитъ глубокоуважаемый lord Weardale, затѣмъ банкетъ въ Lancaster House подъ предсѣдательствомъ Sir Edward Grey, великолѣпный праздникъ, устроенный newspapers' proprietors, многолюдный, блестящій по своему составу завтракъ, данный Institute of Journalists,—все это, не говоря о другихъ интересныхъ и пріятныхъ минутахъ, останется навсегда въ моей памяти, какъ исключительныя проявленія чувствъ Англїи къ русскимъ гостямъ, отвѣчающимъ ей тѣми же чувствами. Я увѣренъ, что эти чувства раздѣляются всѣми моими товарищами, еще не возвращающимися въ Россїю, а В. И. Немировичъ-Данченко и гр. А. Н. Толстой просили меня присоединить и ихъ имена къ только что сказанному.

Мнѣ хотѣлось бы, однако, прибавить къ этимъ нашимъ искреннимъ и горячимъ выраженіямъ благодарности еще и кое-что другое. Мы прїѣхали въ Англїю съ очень опредѣленной задачей. Она состояла въ томъ, чтобы своими

глазами убѣдиться, какъ велики усилія, приложенныя Англіей въ дѣлѣ созданія и подготовки своей военной мощи, и каковы результаты этихъ усилій. Конечно, то, что намъ удалось видѣть въ теченіе нашего слишкомъ краткаго пребыванія,—только небольшая доля въ общей массѣ всего сдѣланнаго. Но и этой доли достаточно для того, чтобы почувствовать глубокое восхищеніе передъ вашей страной и проникнуться твердой увѣренностью въ конечномъ торжествѣ надъ общимъ врагомъ. Мы видѣли вашъ могущественный флотъ, непрерывно растущій; видѣли колоссальный размахъ вашей энергіи въ дѣлѣ боевого снабженія арміи, ея питанія и снаряженія, ея обученія и развитія въ въ ней воинскаго духа. А главное—мы вошли въ соприкосновеніе съ тѣмъ изумительнымъ человѣческимъ матеріаломъ, которымъ можетъ гордиться ваша страна.

Мы рады, что жили хоть короткое время общей жизнью съ вашими чудесными офицерами, образцами рыцарства, прямоты, смѣлости и веселаго добродушія, и видѣли вблизи вашихъ солдатъ, сознательно и самоотверженно служащихъ своей родинѣ.

И мы скажемъ про видѣнное нашимъ соотечественникамъ.

На нашу теперешнюю связь съ Англіей можно смотрѣть двояко. Можно видѣть въ ней только внѣшній союзъ, служащій внѣшнимъ цѣлямъ и не затрагивающій внутренней жизни нашихъ странъ. Это—взглядъ традиціонный,—можетъ быть, даже официальный,—и мы хорошо знаемъ, на какихъ довольно избитыхъ аргументахъ онъ базируется. Но есть и другой взглядъ,—и для меня лично онъ представляется единственно правильнымъ. Тѣ, кто желаютъ его дискредитировать, усматриваютъ въ немъ призывъ, обращенный къ одному государству и побуждающій его вмѣшиваться во внутреннія дѣла другого. Но такое смѣшеніе понятій недопустимо. Можно оставаться убѣжденнымъ сторонникомъ абсолютной самостоятельности каждаго государства въ его внутреннихъ дѣлахъ, и въ то же

время признавать, что, по самой силѣ вещей, внутреннее сближеніе неразрывно съ взаимнымъ вліяніемъ,—вліяніемъ интеллектуальнымъ, моральнымъ, даже эстетическимъ. И если, въ результатѣ, у насъ должны получить болѣе общее признаніе и болѣе активное значеніе тѣ политическія и соціальныя идеи, на которыхъ основана государственная и общественная мощь Англіи, то истинные друзья прогресса, права и свободы не могутъ не желать отъ всей души, чтобы росло и укрѣплялось это благодѣтельное вліяніе“.

XXVII.

Мнѣ остается подвести итоги нашей поѣздки. Считать ли ее удавшейся? Я думаю, что въ общемъ и цѣломъ на этотъ вопросъ долженъ быть, по всей справедливости, данъ отвѣтъ утвердительный. Несмотря на нѣкоторую случайность нашего состава, на недостаточно тщательную и цѣлесообразную выработку программы, включившей очень много по части приемовъ и отведшей болѣе скромное мѣсто осмотрамъ,—эта поѣздка достигла даже большаго, чѣмъ можно было ожидать.

Она не только дала намъ всѣмъ возможность засвидѣтельствовать высокую степень подготовки Англіи въ военномъ и морскомъ отношеніяхъ,—не только открыла передъ нами неисчерпаемая богатства Англіи, умѣлость организациі, силу и крѣпость духа, бодрую готовность англичанъ на дальнѣйшія жертвы, на новыя усилія, ведущія къ побѣдѣ. Она—кромѣ всего этого—протянула между нами какія-то невидимыя нити, сблизила насъ въ нашихъ задушевныхъ чувствахъ и стремленіяхъ. Первая по времени, она заложила хорошее основаніе для дальнѣйшаго болѣе тѣснаго и всесторонняго единенія культурныхъ силъ нашихъ двухъ народовъ.

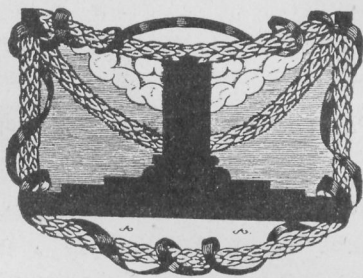
Такъ ее оцѣнили и въ Англіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	3
Лондонъ	7
Флотъ	28
Встрѣчи: Хагбергъ Райтъ. Уэльсъ. Лордъ Китченеръ	41
Поѣздка на фронтъ	54
Парижъ. Возвращеніе въ Англію	78
Портсмуть	89
Мобилизованный Waring. Ольдершотъ. Бойскоуты	100
Комитетъ помощи русскимъ военноплѣннымъ	107
Лондонскія наблюденія и впечатлѣнія. Возвращеніе	115

ENSU
Riiklik Avalik
Raamatukogu

Цѣна 1 р. 75 к.

$$\sqrt{\frac{9}{813}}^a$$

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

1 0100 00408626 6

**СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: Книжный Складъ „Земля“.
Петроградъ, Невскій пр., 55.**